

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических
и этнокультурных процессов

Нациестроительство:
состояние, проблемы, перспективы

Материалы
Всероссийской научной конференции

Москва, 30 ноября 2018 г.

Москва
2018

УДК 323.1(08)
ББК 66.5(2Рос)я43
Н35

Ответственный редактор
М.А. Омаров
*доктор политических наук, профессор,
директор Учебно-научного центра изучения
этнополитических и этнокультурных процессов*

Рецензент
В.И. Мукомель
*доктор социологических наук,
главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения
миграционных и интеграционных процессов
Центра исследования межнациональных отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН*

ISBN 978-5-7281-2285-2

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

Содержание

Гражданская нация: проблемы формирования российской идентичности

<i>Л.М. Дробижева</i> Динамика российской идентичности	11
<i>Б.В. Аксюмов</i> Формирование российской идентичности в контексте нациестроительства	19
<i>А.Л. Андреев</i> Гражданская нация в контексте социальных изменений	27
<i>Т.П. Белова</i> Этноконфессиональные аспекты формирования гражданской идентичности	35
<i>Н.Ф. Бугай</i> Исторический опыт нациестроительства в России: оценка применения его составляющих в условиях 1990–2000-х годов	43
<i>Ю.А. Закунов</i> О константах формирования русской идентичности	51
<i>В.В. Кочетков</i> Национальная гражданская идентичность Российской Федерации	60
<i>Н.М. Мухарьямов</i> Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах	68

<i>М.А. Омаров</i>	К вопросу о роли институтов гражданского общества в сохранении межэтнического мира	76
<i>Н.В. Полякова</i>	Феномен гражданства и проблема формирования национальной идентичности: новые тенденции	84
<i>П.В. Фадеев</i>	Репрезентация гражданской идентичности средствами массовой информации разных регионов России	92
<i>Е.В. Фролова</i>	Особенности интеграции женщин-мигранток в принимающее сообщество в Республике Татарстан (по материалам этносоциологического исследования 2018 г.)	98
<i>О.В. Цветкова</i>	Концепт региональной идентичности современной России	107
<i>Ю.П. Шабеев</i>	Исторические корни современного финно-угорского паннационализма	111
	Этнонациональная политика Российской Федерации: состояние, проблемы, ход реализации	
<i>В.А. Авксентьев</i>	Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски	131
<i>Д.В. Овсянников, А.А. Андреев</i>	Национальная и конфессиональная идентичность населения ГБАО в позднесоветский период: к вопросу о возникновении «памирцев»	141
<i>В.А. Ачкасов</i>	Проблемы защиты прав коренных малочисленных народов: конфликт в районе Усть-Луги	152

<i>А.Г. Большаков</i>	
Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта	159
<i>З.Р. Высоцкая</i>	
Структуры гражданского общества в системе этнонациональной политики в современной России	167
<i>М.А. Горячева</i>	
Современная образовательная политика в отношении языков народов России как важная часть этнонациональной политики страны	178
<i>Д.С. Джантеева</i>	
Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе	185
<i>Х.В. Дзуцев, А.П. Дибирова</i>	
Соблюдение верующими религиозных ритуалов в Республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации	193
<i>А.С. Жулева</i>	
Эволюция этнического самосознания в эпоху перемен (на материале литератур народов Севера)	211
<i>Р.В. Зворыгин</i>	
Институциональная характеристика взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений как одного из направлений этнонациональной политики Удмуртской Республики	219
<i>Л.Ф. Кацис</i>	
О месте исторического документа в понимании современного нациестроительства (на примере Украины)	227
<i>В.Ю. Леденёва</i>	
Опыт общественных организаций в сфере социальной адаптации и интеграции мигрантов	223

<i>А.К. Магомедов</i>	
Российский Север перед лицом актуальных и отложенных этнических проблем	236
<i>М.М. Магомедханов</i>	
О корреляции религиозной, гражданской и этнокультурной основ самосознания дагестанцев	246
<i>Ш.С. Сулейманова</i>	
Этнонациональная политика Российской Федерации и СМИ: проблемы взаимовлияния	255
<i>Л.А. Февралёва</i>	
Проблемы реализации государственной национальной политики во Владимирской области	263
<i>В.К. Шабельников</i>	
Психологические проблемы реформирования российской нации	272
<i>О.Б. Януш</i>	
Официальный статус языков меньшинств: опыт финно-угорских регионов России	286

Гражданская нация:
проблемы формирования
российской идентичности

Л.М. Дробижева (Москва)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор НИУ Высшая школа экономики
drobizheva@yandex.ru

Динамика российской идентичности

Укрепление российской гражданской идентичности ставится задачей и выделено как одно из направлений деятельности в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. Потребность в солидарности осознается не только руководством страны, она является и естественным запросом общества. Не случайно 1990-е годы, когда понятия «российская нация» и «гражданская идентичность» не фигурировали в доктринальных документах, выступлениях президента РФ, его обращениях к Федеральному собранию (они появились с 2000 г.), более половины населения во время опросов по общероссийской выборке отвечали, что они чувствуют себя гражданами России [Данилова, 2000; Данилова, 2001; Российская... С. 82].

В 2000-е годы в Посланиях Федеральному собранию Президента РФ используются понятие «нация» в общероссийском значении и его производные¹. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в 2004 г. В. Путин прямо отмечал: «...мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть... нечто такое, что нас всех объединяет... Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом» [Путин].

Социологи, политологи, историки в методологии используют концепцию М. Вебера «о массовых субъективных убеждениях», «субъективной вере», ценностях, которые могут становиться опорой

© Дробижева Л.М., 2018

Текст написан на основе статьи «Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях», опубликованной автором в: «Перспективы. Электронный журнал». 2018. № 3 (15) (июль–сентябрь), с. 6–21.

интеграции общества [Weber]. Обращаясь к ценностно-нормативной концепции Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, изучая идентичности как восприятие социальной реальности, ученые опираются на конструктивистское направление. Отрадно, что после интервью Томаса Лукмана журналу «Социология и социальная антропология» [Интервью... С. 8] упрощенное представление о конструктивизме стало встречаться реже, и есть понимание, что сами авторы конструктивизма опирались на идеи антропологических работ К. Маркса, социологического объективизма Э. Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера, а основанием предложенного Т. Лукманом и П. Бергером синтеза «является феноменология жизненного мира, разработанная [Э.] Гуссерлем и [А.] Шютцем» [Там же]. Этот вывод ориентирует нас на понимание того, что успешными могут быть только те идеи, которые основаны на повседневном «жизненном мире» людей. Из этого мы исходили, интерпретируя и данные социологических опросов при изучении представлений людей об их идентификации с гражданами России.

Идентичность, как принято считать в социологии и психологии, содержит три компонента: когнитивный – содержательные представления, эмоциональный и регулятивный (готовность действовать во имя сложившихся представлений и переживаний). Какие-то компоненты более внешне конструируемы, а какие-то формируются спонтанно на основе мотивационных потребностей людей. Известна концепция политического психолога А. Маслоу, который, кроме физиологических потребностей и потребности в безопасности, выделял потребности людей в человеческой общности и в уважении, а его последователи также установили стремление к достоинству [Maslow; Агеев, с. 104].

Мы напоминаем об этом потому, что целью статьи является рассмотрение изменений в российской идентичности не только в целом по стране, но и в регионах. Именно в региональном и этническом варианте российской идентичности мотивационные факторы имеют главное объясняющее значение.

Вокруг понимания российской идентичности не прекращаются научные споры, которые имеют политическое и этнополитическое звучание. Фокусируются они прежде всего вокруг трех проблем: можно ли эту идентичность называть гражданской, какие в ней главные солидаризирующие смыслы и означает ли общероссийская гражданская идентичность замену этнической идентичности.

Сложно обсуждался вопрос о смыслах, которые объединяют граждан страны в общероссийскую общность, отражающуюся в идентичности. При обсуждении реализации Стратегии государ-

ственной национальной политики на заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. предлагалось подготовить закон о российской нации. В связи с этим высказывалось мнение о русской нации как основе национального государства. Обосновывалось оно тем, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти, а государство и территория, которые лежат в основе политической нации, основу «патриотической лояльности» составить не могут. «Гражданство Российской Федерации существует после 1991 г., в то время как культура, история соединяют поколения» [Нужен ли...].

Иногда приводят аргумент, что за рубежом всех, кто приезжает из России, называют русскими. Подобным образом приезжающих к нам (и в другие страны) шотландцев или уэльсцев называют не британцами, а англичанами, хотя официально они граждане Великобритании. Такая же ситуация с испанцами. Басков, каталонцев называют нациями (представители баскского и каталонского движений), но они, как и кастильцы, входят в испанскую нацию.

В 2017–2018 гг. были подготовлены предложения для внесения в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г.² Среди них «основные определения, которые используются в Стратегии...», предложенные Научным советом по проблемам этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН и учитывающие последние теоретические и эмпирические разработки академических институтов.

В соответствии с определением российской нации гражданская идентичность (гражданское самосознание) определено как «осознаваемое гражданами чувство принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества».

Таким образом, наша российская идентичность многосоставная, она включает государственное, гражданское самосознание, представления о многонациональном народе, социальной, исторической общности. Она основывается на общих ценностях, целях развития общества и солидарности.

Естественно, все эти составляющие в той или иной мере присутствуют, когда люди определяют свою российскую идентичность. Но в общероссийских опросах и опросах в субъектах федерации, в среде конкретных национальностей, они проявляются по-разному. Общероссийская идентичность, как и все другие социальные идентичности, динамична, на нее влияют события и люди. Согласно подходам Э. Гидденса, Дж. Александера, П. Штомпки, П. Бурдые,

мы рассматриваем соучастников взаимодействий в различных «полях». Поэтому важно показать общие тенденции в восприятии российской гражданской идентичности и особенности, которые проявляются в различных регионах страны, в субъектах федерации с разным этническим составом населения.

Эмпирической базой для анализа являются результаты общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015–2017 гг.³, а также результаты репрезентативных опросов в субъектах федерации (Астраханская область, Республика Башкортостан, Калининградская область, Республика Карелия, Москва и Московская область, Республика Саха (Якутия), Ставропольский край, Республика Татарстан, ХМАО), проведенных в 2014–2018 гг. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН⁴. Для сравнений также использовались данные опросов ВЦИОМ по заданию ФАДН в 2016–2017 гг.

В понимании идентичности с точки зрения социальной психологии мы опираемся на идеи Э. Эриксона о стратегии поддержания самоотождествления, включенности ее в социальные контексты, культурные ценности, в значимость идеологии [Erikson]. Используются выводы Дж. Мида о формировании идентичностей в процессе межгруппового взаимодействия, Г. Тэджфела и Дж. Тернера – о значении в этом процессе межгруппового сравнения [Mead]. Также мы солидаризируемся с Р. Брубейкером в понимании разной интенсивности и массовости групповой идентичности в повседневной практике [Брубейкер, с. 15–16].

Идентичность россиян в 1990-е годы называют кризисной [Гудков] не только потому, что происходила рекогносцировка привычных опор внутреннего взаимоотношения, но и по причине усиления враждебности к «иным», которыми становились часто наши бывшие соотечественники, те, что вышли из Союза. Только в 2000-е годы с укреплением государства, привыканием к его изменившемуся статусу, новому очертанию границ стал проходить «культурный шок» (как образно выразился, характеризуя состояние людей в постсоветских государствах, Петр Штомпка) и начали восстанавливаться элементы позитивной идентичности.

К середине 2010-х годов российская идентичность была, по общероссийским опросам, у 70–80%⁵.

С 2005 по 2018 г. доля ощущающих связь с гражданами России выросла с 65% до 80–84%. По данным перечисленных научных центров, гражданская идентичность была самой динамичной, она выросла на 19 процентных пунктов, в то время как другие коллективные идентичности – этническая, региональная – на 6–7 пунктов.

Особенно заметно росла доля тех, кто часто ощущает связь с гражданами России.

По данным Всероссийского мониторингового опроса Института социологии РАН в 2015 г., людей как граждан России объединяет прежде всего государство – 66% ответов; потом территория – 54%; 49% называли общий язык; 47% – пережитые исторические события; 36–47% – элементы культуры – праздники, обычаи, традиции. Это, повторим, данные общероссийского опроса, следовательно, большинство ответивших (более 80%) – русские. Естественно, язык имеется в виду русский.

Не так просто интерпретировать ответы респондентов о культуре как объединяющем факторе. Культура понимается в разном значении не только учеными разных направлений знания, но и широкими кругами населения. Для одних это нормы поведения, для других – искусство, литература, для третьих – традиции, памятники исторического наследия. Политологи могут позволить себе говорить: «Нас объединяет культура», но что они имеют в виду, каждый будет понимать по-своему. Для выяснения этого несомненного компонента идентификации с сообществом социологи должны ставить вопросы так, чтобы они понимались однозначно. Поэтому на основе пилотных (экспериментальных) опросов были выделены конкретные элементы культуры: государственные праздники, символы (флаги, гимн, герб, памятники и т. п.), народные традиции.

Нераскрытое понятие культуры как солидаризирующего идентификатора в опросах набирает больше сторонников (в приведенном интервале 37–47%), при раскрытии этого понятия – сторонников меньше.

В оценке общероссийской интегрированности общественное внимание обычно больше привлекают республики. Мы специально рассмотрим именно те республики, где в 1990-е годы были элементы отклонений в законодательстве, проявления национальных движений. Проведенные в 2012 и 2015 гг. в Саха (Якутии) репрезентативные опросы показали, что гражданская идентичность в этой республике была не ниже общероссийских показателей (в какие-то годы даже чуть выше) – 80–83%; в Башкортостане в 2012 г. выбрали ответ «мы – граждане России» до 90% опрошенных, в 2017 г. – чуть больше 80%; в Татарстане об ощущении связи с гражданами России заявили в 2015 г. – 86%.

На Юге России, в Кабардино-Балкарии, в той или иной мере с гражданами России ассоциировали себя в 2015–2016 гг. до 60%; в Адыгее – 71%⁶.

Таким образом, не сепаратистские настроения в прошлом, а нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в регионах определяет ощущение у людей связи с большой Родиной, гражданами страны.

В силу высокой значимости государства как основы лояльности россиян на органах государственной власти лежит высокая ответственность за поддержание доверия между гражданами и властью, обеспечение справедливости и благосостояния в обществе.

В последние два года особенно очевидным стало формирование российской идентичности за счет сравнений «мы» и внешних «они» в негативном содержательном наполнении (Украина, США, Евросоюз). В такой ситуации для поддержания хотя бы нормального баланса особенно важным будет наполнение образа «мы» позитивным содержанием. Очевидно, что одних спортивных побед, которые поддерживают эмоциональный компонент идентичности, недостаточно. В поддержании позитивного баланса нужны усилия и государства, и гражданского общества. При этом даже ясные теоретически вопросы необходимо реализовывать на практике с учетом возможного в современных условиях.

Примечания

¹В Послании Федеральному собранию Президента РФ в 2000 г. понятие «нация» и его производные использовались семь раз, в 2007 г. – 18 раз [Послание Федеральному собранию 2012: 2018].

²Корректировка Стратегии государственной национальной политики была поручена Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). В проект документа вносили предложения субъекты федерации и научные учреждения. Он обсуждался в Комитете по делам национальностей Государственной думы РФ, на заседаниях рабочей группы Совета при Президенте РФ по национальным отношениям.

³Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом и этноконфессиональном контексте» (рук. М.К. Горшков). Автор данной статьи отвечает за раздел по этничности и идентичностям. Выборка – 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах РФ.

⁴Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (рук. Л.М. Дробижева). В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения. Выборка территориальная, трехступенча-

тая, случайная, вероятностная. Метод сбора информации – индивидуальные интервью по месту жительства.

⁵Данные РМЭЗ – Мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE); Мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, рук. М.К. Горшков 2015–2016 гг.

⁶Исследование осуществлялось Институтом социологии и регионоведения Южного федерального университета. Выборка репрезентировала Южный федеральный округ и не была репрезентативной по республикам. [См.: Национальная... с. 167.]

Литература

Азеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2012 гг. М., 2002.

Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.

Данилова Е.Н. Кто есть «мы» в России и Польше // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 147–152.

Идентичность: Личность, общество, политика // Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.

Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 5–14.

Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М., 2016.

«Нужен ли закон “о российской нации” народам России и русскому народу» // Передача «Что делать?». Телеканал «Культура». 12.12.2016. (Выступление М.В. Ремизова.) – URL: tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1433092/video_id/1550848/viewtype/picture/ (дата обращения: 27.09.2018).

Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 г. // Официальный сайт президента России. – URL: kremlin.ru/acts/bank/25522 (дата обращения: 01.07.2018).

Послание Федеральному собранию // Официальный сайт президента России. 08.07.2000. URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21480 (дата обращения: 01.07.2018).

Путин В.В. Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений // Официальный

сайт президента. 05.02.2004. URL:kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 (дата обращения: 01.07.2018).

Российская идентичность в Москве и регионах. М., 2009.

Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson: 1930–80 / Ed. by Schlein. N.Y., 1995.

Maslow A. Motivation and Personality. Chicago, 1934.

Mead G.H. Mind, self and society. Chicago, 1934.

Weber M. Economy and Society. N.Y., 1968. V. 1. 389 p.

Б.В. Аксюмов (*Ставрополь*)

*доктор философских наук, доцент, профессор
Северо-Кавказского федерального университета
yurshabaev@mail.ru*

Формирование российской идентичности в контексте нациестроительства

Для Российской Федерации, как и для любого полиэтничного государства, ключевым параметром при оценке процессов формирования единой нации становится соотношение универсальных (в масштабах страны) и партикулярных идентичностей. В контексте современной российской действительности речь идет прежде всего о гражданской и этнической идентичностях. И здесь мы станем свидетелями весьма любопытного феномена, когда и гражданская (государственно-гражданская или национально-гражданская, в лексиконе Л.М. Дробизиной), и этническая идентичности в рамках всероссийских и региональных социологических исследований выражаются почти одинаковыми процентными показателями. Так, по данным замеров 2011 г., проведенных коллективом Института социологии РАН, 95% опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждане России», при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов, это «наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей»¹. Согласно исследованиям 2016 г., представление «мы – граждане России» стало не только разделяемым более $\frac{2}{3}$ населения, но и устойчивым. Оно воспринимается как русскими, так практически в равной степени и людьми других национальностей (74% и 68% соответственно)². Более того, российская гражданская идентичность, «несомненно, солидаризирует современное российское общество. По данным четырех волн Мониторинга ИС РАН, в 2016 г. около 80% респондентов согласились с тем, что: «В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». При этом

© Аксюмов Б.В., 2018

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

важно, что ответы русских и людей других национальностей в этом совпали – 79 и 78% соответственно³.

С другой стороны, и этническая идентичность является весьма востребованной в современном российском социуме. «По данным всероссийского мониторинга ИС РАН 2017 г.», 81% россиян «никогда не забывают о своей национальности» (при этом полностью согласны с этим утверждением 34 и 47% «скорее согласны»). Этническая солидарность, выражающаяся в поддержке суждения «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», столь же высока – 79% (при этом 24% полностью согласны с этим мнением и 55% «скорее согласны»). В сравнении с этническим большинством для людей других национальностей этническая солидарность более актуальна: полностью согласных с этим мнением среди русских – 23%, среди людей других национальностей – 32%»⁴.

Возникает вопрос – как соотносятся между собой гражданская и этническая идентичности? По мнению С.В. Рыжовой, «этничность остается важной в глазах россиян, но она постепенно занимает «равностатусное» положение в иерархии макро-идентичностей и непротиворечиво соединяется с российской идентичностью как чувством общности со всем многонациональным российским народом или уступает ей место»⁵. В целом такая оптимистическая позиция характерна для ведущих российских специалистов в области проблем идентичности и этнонациональных отношений. У нас несколько иная позиция. Еще много лет назад, когда феномен «цифрового параллелизма» между гражданской и этнической идентичностями только начал проявлять себя, мы писали о том, что отношения этих двух важнейших макроидентичностей не взаимодополнительные, а конкурентные и даже иногда конфликтные⁶. С тех пор данная позиция неоднократно находила эмпирические подтверждения (пожалуй, наиболее известный пример – призыв главы Ингушетии Ю.-Б. Евкурова в финале Олимпиады-2016 болеть не за российского борца, а за этнического ингуша, представлявшего Турцию⁷). На самом деле подобных примеров немало, и они показывают, что в ситуации с несколькими альтернативами, когда нужно сделать выбор либо в пользу универсально-российского либо – партикулярно-этнического, далеко не всегда выбор делается в пользу первого.

На наш взгляд, между гражданским и этническим существуют противоречия, которые не только определяют главенство этничности в иерархии идентичностей людей, живущих во многих «национальных» республиках, но и обуславливают межэтниче-

скую напряженность в стране. Противоречие между гражданским и этническим также нашло свое достаточно явное выражение в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Главными целями национальной политики, согласно Стратегии, являются, во-первых, «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)» и, во-вторых, «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России»⁸.

Прежде всего, обращает на себя внимание противоречивость первой цели, которая предполагает одновременно упрочение и *гражданского самосознания*, и *духовной общности*. Гражданское самосознание апеллирует к идее гражданской нации, а духовная общность ближе к модели нации-культуры или нации-этнуса. Как известно, это две совершенно разные, во многом противоположные концепции нации, первая из которых (концепция гражданской нации) реализуется преимущественно в мультикультурных обществах, поскольку предполагает состояние гражданского единства при выраженном этнокультурном плюрализме, а вторая концепция делает акцент на культурной гомогенности (полной или относительной), основанной на «духовной общности». В соответствии с этим противоречием выстраивается и объект, к которому все это отнесено, – «многонациональный народ Российской Федерации» (формулировка, характерная для этнокультурного понимания нации) *или* «российская нация» (подразумевается гражданское понимание нации). То, что «российская нация» обозначена в скобках после «многонационального народа», не дает никаких оснований к их отождествлению, хотя авторы Стратегии, применяя такой прием на всей дистанции документа, явно стремились к тому, чтобы данные понятия рассматривались читателями как тождественные.

В свете вышесказанного нельзя согласиться с мнением о том, что по сравнению с Концепцией государственной национальной политики 1996 г. в Стратегии 2012 г. «проявляется принципиальное изменение концептуального подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена к рассмотрению нации как исключительно нации-государства (российской нации)»⁹. Указанное противоречие между гражданским и культурным (этническим) пониманием российской нации пронизывает всю Стратегию от начала и до конца. Возможно, данное противоречие стало неким компромиссом между сторонниками обеих концепций, которых в нашей стране немало – как среди политиков, так и среди ученых.

Однако гораздо важнее то обстоятельство, что наличие противоречия между гражданским и этнокультурным проектами развития российской нации, противоречие, явно выраженное в главном руководстве по проведению национальной политики, серьезно воздействует на реальные процессы нациестроительства. Какую нацию мы сегодня пытаемся строить – гражданскую или этнокультурную? Соответственно, на чем мы сегодня должны сосредоточить усилия – на упрочении гражданского самосознания или на культурной гомогенизации общества?

Своеобразный выход из этой противоречивой ситуации предлагается в понимании России как «нации наций». Основоположник данной концепции В.А. Тишков пишет: «Мы признаем факт существования в общественном дискурсе и предлагаем ввести в научный язык возможность двойного смысла, т. е. обозначение нациями двух разных типов социальных коалиций людей – общности по государству и общности по схожести культуры. Но мы также признаем крайне сложное, подвижное и взаимопроникающее содержание этих двух форм социальных коллективностей, которые выбирают для себя (или выбирают для них) эту самую «национальную» категоризацию. Мы считаем, что (само)обозначаемая «нацией» группа, обладая для подобной группировки определенными исходными отсылками (маркерами) историко-культурного и ментально-эмоционального плана, все-таки становится таковой в результате воздействия и принятия самого концепта нации, т. е. нация – это тогда, когда появляется сам концепт в общеразделяемом членами сообщества смысле. Если нет слова, то нет и нации. Если есть слово, тогда есть исходное условие для нации. Когда это слово (акт речи) становится компонентом коллективного самосознания (идентичности), тогда и появляется нация именно как форма идентичности»¹⁰.

Это уже гораздо серьезнее, чем просто «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России». Дискурс о том, что в России существует не одна, а множество наций, объективно направлен не только на утверждение однозначно мультикультурной модели российского общества, но, что важнее, на политизацию этнокультурного многообразия в России. Термин «нация» гораздо в большей степени, чем «народ» или «этнос», предполагает наличие конкретных политических проекций – это общее место в теории национализма. Нации, не обладающие собственным государством, обычно стремятся его обрести. Так, по мнению видного исследователя национализма Дж. Бройи, «нация должна иметь политическую автономию, лучше всего – в форме суверенного государства»¹¹.

Учитывая серьезную эффективность конструктивистских усилий в процессе национального строительства, не стоит недооценивать инструментальность категорий, используемых учеными и вслед за ними политиками (или в обратном порядке). В.А. Тишков – конструктивист и больше остальных понимает значение задаваемого дискурса. «Если нет слова, то нет и нации», пишет он. Если есть слово, тогда есть исходное условие для нации. Когда это слово (акт речи) становится компонентом коллективного самосознания (идентичности), тогда и появляется нация именно как форма идентичности». Сначала как форма идентичности, а потом, возможно, и как условие политических требований, – добавим мы. Тем более что сам В.А. Тишков прекрасно понимает потенциальную опасность этнонационализма и первичности этнической идентичности. По его словам, «наличие этнонациональных институтов в республиках, сохранение традиционных систем, поддержка и развитие партикулярных этнических культур (литература, народное искусство и ремесло, этнотуризм и другие) поддерживают этническую идентичность среди нерусского населения, придавая ей в ряде ситуаций и случаев первичную значимость. Эта первичность может выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства»¹².

Формула «нация наций», приобретающая в российской науке все большее признание¹³, представляется нам весьма рискованной с точки зрения ее возможных политических последствий. Разумеется, как показывает наша недавняя история, политизация этничности может происходить в отдельных регионах и без наименования нациями проживающих там человеческих коллективов, однако всегда политизированная этничность опирается на дискурс национализма. Обретение этнокультурными сообществами России статуса наций может вернуть в повестку дня ситуацию 1990-х гг., когда в ряде республик истолковали конституционное понятие «многонациональный народ» в смысле состоящий из многих суверенных наций-государств, из чего одни вывели идею государственной независимости, а другие предлагали понимать Россию не как федерацию, а как конфедерацию.

Еще одна точка зрения, вызывающая на этот раз ассоциации с ассимиляцией, представлена в следующем высказывании: «Какие этнические нации существуют в России? Ядро многонациональной системы составляет русский народ, который по своему масштабу и разнообразию укладов и культуры соответствует категории нация – но это, безусловно, гражданская нация (державная, имперская, государствообразующая). Зачем присваивать ей ярлык этнической

нации, чтобы она замкнулась в этноцентризме под лозунгом «Россия для русских»? А остальные этнические общности России вполне отвечают понятию «народ» или «народность». И дилемма перед ними одна: соединиться с русским ядром в полиэтническую гражданскую нацию или отдалиться от этого ядра, заслонившись этнонационализмом»¹⁴. В данном высказывании утверждается, что в современной России существует только одна нация, однако она отождествляется лишь с русским народом. Остальным народам России предлагается либо примкнуть к русской (не российской!) гражданской нации, либо отгородиться от нее этнонационализмом. На наш взгляд, это ложная дилемма, поскольку и русский, и все остальные российские народы составляют единую российскую нацию.

И модель мультикультурализма (да еще и с возможными политическими импликациями), выраженная в концепции «нация наций», и тем более модель ассимиляции российских народов с единственной русской нацией являются, на наш взгляд, неприемлемыми. Наиболее предпочтительным вариантом организации этнокультурного многообразия в социальное, политическое и в конечном счете относительное культурное единство является интеграция, понимаемая как объединение в целое разнородных частей и элементов. Подобного рода интеграция может быть эффективно осуществлена только на основе универсальной объединяющей идентичности. «В современной России в условиях существующей актуализации этнических, конфессиональных, региональных идентичностей, имеющих в контексте стоящих перед нашей страной задач дезинтегрирующий характер, проблема формирования мощной интегрирующей идентичности приобретает ключевое значение»¹⁵.

На наш взгляд, в подобной роли может выступить цивилизационная идентичность, способная снять противоречие между гражданским и этническим. Если гражданское понимание нации апеллирует к идее гражданского единства и предполагает укрепление этнокультурного разнообразия с весьма туманными перспективами на обретение «духовной общности» в масштабах всей России (наиболее близко к тексту и духу Стратегии), а этнокультурное понимание нации предполагает либо ассимиляцию народов России в доминирующем этносе либо фактическое существование в рамках одного государства целого конгломерата наций, то цивилизационная модель национальной интеграции предполагает создание общества, скрепленного и гражданским единством, и духовной общностью.

Вместе с тем следует отметить, что закрепление в общественно-политическом и научном дискурсах идеи цивилизационной идентичности, репрезентация России как государства-цивили-

зации (или, если угодно, нации-цивилизации) идет с большими трудностями. Сегодня в отношении цивилизационной идентичности сложилась несколько двусмысленная и противоречивая ситуация. С одной стороны, у высшего руководства страны существует достаточно внятное представление о сущности цивилизационной идентичности, ее значимости с точки зрения укрепления национального единства. Однако с другой стороны, отчасти под влиянием региональных этноэлит, отчасти из-за опасений нарушить некий сложившийся (пускай и не слишком эффективный) баланс между гражданской нацией и этнокультурным многообразием, проект по формированию цивилизационной идентичности, способной обеспечить реальную интеграцию российского народа, топчется на месте. Мощный месседж, выраженный в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» еще в январе 2012 г., пока не получает развития и тем более реального воплощения в конкретной практике национальной политики.

Примечания

---

¹*Дробижьева Л.М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 74.

²*Горшков М.К.* О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2 (6). С. 22.

³*Дробижьева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 115.

⁴*Рыжова С.В.* Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 124.

⁵Там же. С. 120.

⁶*Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 20.

⁷Глава Ингушетии призвал болеть за турецкого борца против российского в финале Олимпиады. Спорт-экспресс. Официальный портал. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/rio2016/freestyle-wrestling/news/glava-ingusetii-prizval-bolet-za-tureckogo-borca-protiv-rossiyskogo-v-finale-olimpiady-1036148/> (дата обращения: 20.11.2018).

⁸ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Сайт Гарант. [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 10.06.2015).

⁹ *Попков Ю.В.* Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 40.

¹⁰ *Тишков В.А.* Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 8.

¹¹ *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 204.

¹² *Тишков В.А.* Введение // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 5.

¹³ См., например: *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 8–12.

¹⁴ *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нацестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. С. 9.

¹⁵ *Аксюмов Б.В.* Российская цивилизационная идентичность: теоретические контуры и практические возможности // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3 (83). С. 23.

А.Л. Андреев (Москва)

*доктор философских наук, профессор НИУ «МЭИ»,
главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН
sympathy_06@mail.ru*

Гражданская нация в контексте социальных изменений

Гражданская нация – в связке с понятием «гражданское общество» – суть концептуальное основание современного понимания демократии и стержневой элемент основанных на нем политических практик. Проблема в том, что строго определить это ключевое понятие отнюдь не просто, ибо оно имеет много различных смысловых граней и оттенков, а гражданская нация может существовать в различных формах. Среди них иногда пытаются выделить какую-то каноническую, парадигмальную или, если угодно, «нормальную», но такой подход вряд ли оправдан, поскольку все такие попытки представляют собой не что иное как подкрепляемую не столько рациональными аргументами, сколько эмоционально окрашенными стереотипами подспудную универсализацию единичного и особенного. Гражданская нация – это не какой-то застывший платоновский «эйдос», а достаточно динамичное социокультурное образование, которое надо рассматривать в контексте общей логики социальных изменений.

Отметим, что исследования по вопросам общероссийской идентичности занимают в современной отечественной социологии достаточно большое место. Полученные данные раскрывают смысловые основания российской идентичности и одновременно достаточно определенно свидетельствуют о ее постепенном укреплении. Важно, что ряд исследований, затрагивающих проблему идентичности (например, исследования Института социологии/Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН), проводились и проводятся в режиме мониторинга, что позволяет рассматривать данную проблему в динамике. Но тем не менее надо отметить, что в методологическом плане возможности мониторинговых исследований пока все еще ограничены только

диагностикой. Для того же чтобы в полной мере контролировать процесс и управлять им, необходимо уметь его *прогнозировать*. Следует учитывать то обстоятельство, что современный мир очень изменчив, а изменения эти могут порой совершаться в форме очень быстро протекающих режимов с обострением. А тот, кто не успеваает предвидеть и предупредить, рискует тем, что его просто захлестнут события – как мы могли уже это наблюдать на примерах нашей истории...

Перспектива изменения моделей самоидентификации обусловливается по крайней мере двумя диалектически связанными и при этом неустранимыми факторами. С одной стороны, это, конечно, естественная смена поколений. В этой связи представляется целесообразным сосредоточить свое внимание прежде всего на молодежи и, в особенности, на той ее части, которая в силу вероятных социально-экономических изменений может быть идентифицирована как *протоэлитный слой*. Реконструкция складывающейся в данной среде «картины мира», образов истории и социальных представлений является, пожалуй, наиболее надежным основанием, опираясь на которое можно развивать теорию социального прогнозирования применительно к проблематике идентичности и гражданской нации. И надо сказать, что проводившиеся в последнее время социологические исследования показывают, что в молодежной среде, и прежде всего в наиболее интеллектуальном слое молодежи (студенчество, в особенности студенты высокорейтинговых вузов, которые можно рассматривать как своего рода протоэлитную среду, социальная роль которой со временем будет становиться ключевой), просматриваются тенденции, свидетельствующие о трансформации доминирующей ныне матрицы идентичности (например, традиционное для российского общества сопоставление себя с Западом уступает место ориентации на СНГ и на Китай). В то же время обращают на себя внимание результаты психосемантического зондирования этой категории молодежи, выявляющего спектр подсознательных эмоциональных ассоциаций со словом «Россия». Основная позитивная ассоциация в этом спектре – это ассоциация с «силой». Но образ России в сознании молодежи очень мало связан как с понятиями типа «эффективность» и «достижение», так и, между прочим, с различными смысловыми аспектами «мягкой силы» («гуманизм», «мягкость», «комфорт», «миролюбие» и др.). По данным проведенного нами весной 2018 г. опроса, примерно 61% студентов ведущих московских вузов хотели бы жить в России. Большинство. Но 39% квалифицированных специалистов, желающих эмигрировать и жить за границей, это

все-таки чересчур большое число, свидетельствующее в том числе и о потенциальном отказе отождествлять себя с российской гражданской нацией...

С другой стороны, надо учитывать, что гражданские нации как бы формируются извне перекрестным давлением целого ряда социальных и социокультурных факторов. Некоторые из этих факторов достаточно понятны, так что вряд ли есть смысл здесь на них останавливаться даже в порядке простого обзора или даже перечисления. Надо однако обратить внимание на один из них, который, по нашим наблюдениям, в исследованиях, посвященных гражданскому обществу и гражданской нации, практически никак принимается во внимание. Мы имеем в виду глобальную реконфигурацию этнических общностей как под влиянием их интеграции в систему внутренних связей глобальной мир-системы, так и вследствие техногенной трансформации этнопорождающих ландшафтов. Несколько ранее мы охарактеризовали эту реконфигурацию как этническую революцию [1].

Причины недооценки этого фактора социально-исторической динамики связаны с безотчетными, но довольно распространенными представлениями. С одной стороны, этническая дифференциация, при всей своей неоспоримой важности, все же соотносится в основном с архаическим пластом социальности, а с другой стороны, этнические принадлежности обычно входят в политические дискурсы как своего рода метафизические константы. Поскольку гражданская идентичность не отменяет этническую, а как бы надстраивается над ней, состояние гражданских наций существенно зависит от состояния этнической среды.

Между тем, в последние десятилетия этнические среды претерпевают быстрые изменения, что связано отчасти с многократно усилившимися миграциями, но не только с ними. Этничность оказывается не только весьма гибкой, но при этом еще и неожиданно функциональной из-за роста сложности современного общества, характерного для него высокого уровня неопределенности и рисков [2]. Способен ли наш разум адекватно перерабатывать обрушивающиеся на него потоки противоречивой информации? Если нет, то возникает необходимость упрощения информационной картины, стереотипизации образов взаимодействующих с нами акторов, замене рассуждений интуитивными реакциями, формирующимися на эмоциональной основе. И в этом случае, полагаясь на эмоционально переживаемую принадлежность к некоторому коллективному «мы», на своего рода «коллективный разум» общности, индивид как бы встраивается в коллективную информационно-поисковую

систему, возможности которой существенно превосходят его собственные. Так, через каналы внутриэтнических взаимодействий в средах мигрантов передается чрезвычайно специализированная и конкретизированная до деталей информация об особенностях принимающего общества и различные неформальные ноу-хау, позволяющие эффективно решать возникающие у иммигрантов проблемы (в том числе и в обход формального законодательства).

Функциональность этничности в условиях современности ярко проявляется в так называемой этноэкономике. Истоки этноэкономики надо искать в существовавшей столетиями природно-хозяйственной специализации регионов («вмещающих ландшафтов»), которая наложила сильнейший отпечаток на менталитет многих народов. Но здесь можно говорить и о переходе в новое качество: этноэкономика – это перенос хозяйственных моделей, навыков и организационных структур в новые контексты, в том числе за пределы изначальной территории их формирования с одновременной модификацией, позволяющей использовать их в новых условиях и для освоения новых видов деятельности. Итальянские пиццерии и китайские рестораны в Нью-Йорке, азербайджанские овощные рынки в Москве, польские сосисочные в Стокгольме, филиппинская прислуга и чернокожие водители такси в Берлине и Вене – все это следствие глобальных миграций, одно из специфических явлений современной стадии глобализации. Причем надо подчеркнуть, что весь этот бизнес опирается на этнические ресурсы как дополнительные факторы конкурентоспособности. В этнической среде имеются эксклюзивные информационные каналы, вырабатываются неформальные методы быстрого решения деловых проблем, «своим» больше доверяют, что открывает доступ к дополнительным источникам кредита. К тому же этническая солидарность гарантирует дополнительные уровни социальной защиты, что часто бывает для малого бизнеса крайне важным условием выживания.

Однако не только устойчивость этнической дифференциации и не только возрастание роли этнического фактора дают поводы использовать понятие этнической революции. В широком смысле под этнической революцией надо понимать не ограниченный какой-то определенной территорией общий процесс переформатирования этнических идентичностей, а в ходе данного процесса, по крайней мере косвенно, и всех других связанных с этничностью, и в том числе оппонировавших ей, идентичностей, к числу которых следует отнести и идентичность гражданской нации.

Если перевести эту общую постановку вопроса в плоскость привязки к конкретным явлениям и тенденциям, можно заметить

ряд качественных изменений в том, что можно было бы назвать *диспозициями этничности*. Именно изменения «метрики» пространства глобальных взаимодействий (они обычно описываются как двойственные эффекты глобализации/локализации) более всего способствуют трансформации «сетки этнических различий», стимулируя, с одной стороны, уменьшение масштаба ее «ячеек», а с другой стороны, сборку из этих ячеек новых кластеров с перспективой появления со временем новых наций и соответствующих им национальных идентичностей. Следует обратить внимание на все более широкое распространение ситуативных идентичностей. В современных условиях человек в разных ситуациях может попеременно идентифицировать себя по-разному. В качестве характерного case study интересен в этом контексте пример перестройки биографического нарратива одной пожилой женщины, которая в специфических условиях эстонской этнократии и в противовес ей актуализировала свои старинные родовые корни и стала определять себя как остзейскую баронессу. При этом она, однако, не в меньшей степени ощущала себя советской женщиной, а также идентифицировала себя с Россией и русскими [3, с. 219–231].

Немаловажным фактором трансформации этнических диспозиций становится нарастающая дифференциация моделей материального воспроизводства общественной жизни. В свое время Маркс указал на две стороны этого процесса – производство материальных благ и производство самих людей. В те времена, когда это было сказано, и то и другое представлялось неразрывно связанным, но на протяжении XX в. эти две функции необратимо разделились. Если еще сто лет назад народы мало различались по своей демографической продуктивности, то сегодня вопрос стоит так: либо цивилизация сверхбыстрого технического прогресса и производство все более совершенных и привлекательных вещей, либо традиционная семья и дети. Соответственно этому разделились по своим ценностям установкам и образу жизни входящие в альтернативные друг другу цивилизации этнические общности. Какие отношения будут в будущем складываться между разными по типу своей цивилизационной специализации этносами (условно говоря, типом 1 и типом 2), сказать довольно сложно. Возможны различные сценарии, но, как представляется, технически передовой Запад начинает проигрывать соревнование с незападными этносами из-за своей неспособности в достаточной мере обеспечить себя человеческими ресурсами, причем не только рабочей силой как таковой, но в последнее время во все большей степени также и кадрами массовых интеллектуальных профессий.

В известных работах Л.Н. Гумилева убедительно показана связь этногенеза с комплексными свойствами естественного географического пространства (так называемыми вмещающими ландшафтами). Однако предложенная им теоретическая модель исходила из казавшихся в то время очевидных топологических характеристик географического пространства: оно мыслилось как некая условная плоскость, разделенная этническими сообществами модель кажется упрощенной. И дело не только в разрастании контактных зон, которые ныне уже никак нельзя рассматривать как сравнительно узкие полоски, окаймляющие массивы этнических территорий, но и в возникновении как бы «над» естественным географическим пространством охватывающего весь мир искусственно выделенного нового пространства, которое условно можно было бы назвать собственным пространством глобализации. Это связанные между собой магистралями быстрого перемещения и осуществляемыми в режиме реального времени онлайн-коммуникациями анклавы стандартизированной городской среды. Свойства этой среды по большому счету одинаковы во всех ее точках: человек, вышедший из офиса крупной корпорации в Нью-Йорке, севший в самолет и приземлившийся в аэропорту Гонконга, а потом забронировавший себе номер в гостинице Тайбея и вернувшийся оттуда в США с кратким заездом в Японию, везде встретит стандартный набор услуг, один и тот же облегченный английский в качестве нового эсперанто Интернет, довольно похожие ресторанные меню, автомобили, телевизоры и компьютеры дюжины известных всему миру производителей и т. д. И хотя физически данная среда состоит из пространственно отделенных друг от друга сегментов, психологически ее можно воспринять как единое целое. Теоретически в ней можно пребывать даже «не выходя на улицу» и не интересуясь тем, что происходит вокруг в реальном географическом пространстве. Следует заметить, что принадлежность к этому искусственно выделенному миру тоже может создавать и реально создает сходство психологических реакций и некое типовое мировосприятие. Формируется своеобразная социальная общность трансграничной элиты, которую А.И. Неклесса метко охарактеризовал как «людей воздуха», противопоставив их тем самым «людям земли» (впрочем, сами эти метафоры употреблялись и раньше, Неклесса только возвел их в ранг социологических понятий) [4]. Наверно, для некоторых социологов и политических экспертов соблазнительно было бы увидеть в этом слое живое воплощение «постнациональной идентичности». Может быть это «образцовые» носители гражданской идентичности, очищенной от «этнических

привкусов»? Может быть... Но заметим, что «постнациональная» вовсе не означает «постэтническая». Если этническая дифференциация органически связана с неоднородностью свойств жизненного пространства, то приставка «пост» в данном случае является временной и пока отражает только этап разрыва «людьми воздуха» своих отношений со «старыми» общностями – причем одновременно и этническими, и гражданскими (пресловутое «бегство элит»). А что если новом «эфирном» пространстве идет формирование новой общности с постепенным стиранием исторической памяти и признаков старых общностей, к которым «люди воздуха» первоначально принадлежали в силу происхождения? Какая гипотеза верна, покажет будущее. Но это не значит, что логика данного процесса не должна интересовать нас уже сегодня, поскольку и здесь перед нами встает вопрос, как формирование описанного нами слоя влияет на общую модель формирования и воспроизводства человеческих общностей – как этносов, так и гражданских наций. А если перед нами все-таки процесс рождения общности нового типа, то какими могут быть его отношения со старыми? Их характер во многом зависит от предыстории, и некоторые предположения на этот счет могут быть выдвинуты уже сегодня, разумеется, на базе эмпирических данных. Эмпирическая социология идентичности в настоящее время практически не работает по теоретическим программам высокого уровня генерализации и не занимается верификацией таких теорий. Разумеется, она занимается нужным делом и прочно стоит на почве реальности, доставляя нам немало конкретного материала для размышлений. Однако вопросы, которые она задает себе и, соответственно, тем респондентам, с которыми она работает, это в основном вопросы обыденного здравого смысла, поэтому она представляет собой преимущественно диагностику, но ее прогностический потенциал ограничен довольно близкими временными горизонтами. Мы, например, можем зафиксировать нарастание (или, наоборот, спад) межнациональной напряженности в каком-либо регионе, оценить прочность внутриэтнических связей или скорость ассимиляции какой-либо группы мигрантов в новой для нее среде, но не в состоянии с уверенностью моделировать, допустим, вероятную динамику национального самосознания Украины или Белоруссии в его отношениях к «русскому миру» на предстоящее десятилетие. Для этого надо было бы проводить намного более сложные и многофакторные исследования с использованием приемов психосемантического моделирования характерных для разных этнонациональных общностей «картин мира», необходимость которых пока в полной мере не осознается.

Литература

---

1. *Андреев А.Л.* Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 4 (140). С. 23–36.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
3. *Некlessа А.И.* Nomines Aeris. Люди воздуха, или Кто строит мир? М.: Институт экономических стратегий, 2005. 224 с.
4. *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 386 с.

Т.П. Белова (*Иваново*)

кандидат философских наук, доцент

Ивановского государственного университета

Этноконфессиональные аспекты формирования гражданской идентичности

В научном дискурсе «обсуждение идентичности» стало ключевым моментом в осмыслении сложных социальных процессов современности [3, с. 176–177]. Для России как страны полиэтнической и поликонфессиональной особое значение имеет вопрос об интеграции сообществ с различными менталитетами и системами ценностей. Без учёта этнического и конфессионального факторов в российском обществе невозможно решать вопрос о формировании гражданской идентичности, которую следует понимать и в значении «какие мы», и в значении «кто мы», «как самоотождествление себя с общностью, представление о ней, эмоциональное переживание этих представлений и готовность действовать» [5, с. 7].

При этом нужно иметь в виду, что соотношение этнического и конфессионального факторов имеет несколько аспектов: выяснение приоритета этнического или религиозного, определение конфессиональной структуры этносов и этнического состава конфессий, формирование этноконфессиональных групп [12, с. 88]. Об этноконфессиональной идентичности возможно говорить лишь «в том случае, когда религиозность становится востребованным маркером этнического самоопределения» [9, с. 255].

Среди отечественных социологов религии утвердилось мнение о тесной связи конфессиональной и этнической идентичностей россиян. Так, Р.А. Лопаткин отмечает, что «называя себя при ответах на соответствующий вопрос анкеты православным, мусульманином и т. д., многие респонденты имеют в виду вовсе не то, что они веруют в Бога, а то, что они происходят из данной *этнокультурной среды*» [8, с. 8]. Следовательно, этнические факторы в идентификационных процессах россиян более значимы, чем конфессиональные.

Конфессиональная идентификация предполагает либо самоотнесение к конкретному вероисповеданию, либо дистанци-

рование, отказ от него. По результатам опросов Института социологии РАН, к православным себя относили в 2011 г. 75% россиян, в 2017 г. – 68%, к мусульманам – 4%, к другим религиям – 1%, к внеконфессиональным верующим – 10% (и в 2011 г., и в 2017 г.), к атеистам – 10% в 2011 г. и 12% в 2017 г. [6, с. 223].

Использование методики Р.А. Лопаткина позволяет получать более дифференцированные данные. Она послужила основой массового опроса в рамках проекта «АРЕНА» (Атлас религий и национальностей Российской Федерации). В 2012 г. в 79 субъектах Российской Федерации (за исключением Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Чукотского и Ненецкого автономных округов) были проинтервьюированы face-to-face 56 900 чел. в возрасте от 18 лет. Результаты опроса были таковы: 41% – православные в Церкви, т. е. относящие себя к Русской Православной Церкви Московского Патриархата (далее – РПЦ МЦ); 25% – верующие без религии, т. е. те, кто верит в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедует; 13% – «атеисты»; 6,5% – мусульмане, исповедующие ислам суннитского и шиитского направлений; 5% – затруднившиеся с религиозным (конфессиональным) самоопределением; 4,1% – христиане без конфессии, т. е. исповедующие христианство, но не считающие себя ни православными, ни католиками, ни протестантами; 1,5% – православные вне Церкви (те, кто исповедуют православие, но не принадлежат к Русской Православной Церкви и не являются старообрядцами); 1,2% – исповедуют традиционную религию своих предков, поклоняются богам и силам природы; 0,5% – буддисты. К наименьшим группам (численностью < 0,5% каждая) относятся: старообрядцы (староверы), католики, протестанты (лютеране, баптисты, евангелисты, англикане), пятидесятники, иудеи, а также исповедующие восточные религии и духовные практики (индуизм, кришнаизм и др.) [1, с. 2, 11].

Картина с православными идентичностями оказывается ещё более неоднозначной, если учитывать типологию С.В. Рыжовой, которая выделяет внеинституциональную, групповую, индивидуально-личностную и социально-личностную православную идентичность [13, с. 180–182]. Причем эта типология работает и в отношении других конфессиональных идентичностей. Например, Л.В. Намруева опиралась на нее в исследовании буддийской идентичности калмыков [10, с. 118–123].

Опрос в рамках проекта «АРЕНА» позволяет выявить конфессиональную структуру этносов. Так, почти половина русских (46%) относят себя к группе православных в Церкви, более поло-

вины татар (55%) – к мусульманам (ещё выше показатели у большинства народов Северного Кавказа). Буддистами в основном являются тувинцы, калмыки и буряты [1, с. 110, 112, 37].

Если рассматривать этнический состав конфессиональных групп, то наиболее многочисленная из них (православные в Церкви) на 92% состоит из русских [1, с. 19]. Однако в нее также входят представители других славянских народов (украинцы, белорусы) и большинство карелов, коми, марийцев, мордвы, осетин, удмуртов, хакасов, якутов и др. [4, с. 17].

За исключением мусульман и буддистов, другие конфессиональные группы по этническому составу тоже преимущественно являются русскими: старообрядцы – 91,5%, верующие без религии и атеисты – по 87,4%, христиане без конфессии – 86,8 %, пятидесятники – 83,3%, протестанты – 79,3% [1, с. 39, 23, 24, 31, 55, 47]. Несмотря на то, что среди протестантов преобладают русские, по отношению к ним в массовом сознании существует немало негативных стереотипов. В 2015 г. под моим руководством было проведено исследование в Церкви адвентистов седьмого дня г. Иваново. В ходе интервьюирования часто члены этой церкви отмечали, что к ним окружающие относятся с подозрением, называют «американскими сектантами», но при этом совсем не осведомлены о вероучении и религиозных практиках адвентистов. Однако личное знакомство нередко освобождает от негативных представлений. Вот типичная цитата из интервью:

...Многие люди считают, что ЦАСД – секта. И когда они узнавали, что я в эту церковь хожу, просто очень удивлялись, наверное. Они по-другому представляли себе адвентистов. Они просто не ожидали, что в ЦАСД есть нормальные люди, адекватные. Они, наверное, представляют, что тут у всех квартиры отбирают. Есть какие-то стереотипные представления, что это секта, что там жертвы приносят... (Е., жен., 25 лет.).

Интересно отметить, что в России русские являются самой большой этнической группой у иудеев и католиков. Среди представителей иудейской идентичности русские составляют 49,8%, а евреи 32,2% [1, с. 51]. Среди католиков доля русских насчитывает 47,1%, а вторым по количественному показателю этносом здесь являются немцы (15,9%) [там же, с. 43].

Итак, приведенные данные говорят о многообразии этноконфессиональных идентичностей у россиян. Но как расценивать этот факт: как ресурс или как барьер формирования гражданской идентичности?

Нельзя не указать на то, что институциональные конфессиональные сообщества немало делают для межэтнического согласия в России и формирования общероссийской гражданской идентичности. Особого внимания заслуживает деятельность крупнейшей российской конфессии – РПЦ МЦ. Прежде всего, следует подчеркнуть, что она первой в России приняла свою конфессиональную социальную концепцию. Ее примеру затем последовали и российские мусульмане, и иудеи, и протестанты.

Согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», гражданская миссия Церкви определяется действенным христианским патриотизмом, который «проявляется в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни», сохранении и развитии национальной культуры, народного самосознания [11, с. 14].

Проблемы формирования гражданской нации в России активно обсуждаются на Всемирном Русском Народном Соборе (ВРНС), созданном в мае 1993 г. по инициативе РПЦ с целью объединения русских людей независимо от страны проживания и политических взглядов. Главой Собора является Патриарх. В Президиум и Совет ВРНС входят известные российские политические и общественные деятели, представители науки, культуры и образования, военачальники, соотечественники из ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках ВРНС существует дискуссионный клуб. С марта 2011 г. на нем специально обсуждается идея российской гражданской нации и ее соотношения с существующими в Российской Федерации национальными идентичностями, в частности, с национальной идентичностью русского народа. Ключевой тезис дискуссии – положение о том, что становление общероссийской гражданской идентичности возможно лишь на основе понимания России как уникальной и самодостаточной цивилизации. Эта идея получила воплощение в документе «Базисные ценности – основа общенациональной идентичности», принятом на XV ВРНС в мае 2011 г. В нем формулируются шестнадцать социокультурных оснований гражданского самосознания, а именно: 1) вера; 2) справедливость; 3) мир; 4) свобода; 5) единство; 6) нравственность; 7) достоинство; 8) честность; 9) патриотизм; 10) солидарность; 11) милосердие; 12) семья; 13) культура и национальные традиции; 14) благо человека; 15) трудолюбие; 16) самоограничение и жертвенность [2].

Вера трактуется в этом документе не только в религиозном смысле (вера в Бога), но и в светском (верность убеждениям и нравственно обоснованным жизненным принципам, в том числе у нере-

лигиозных людей). Справедливость понимается как политическое и социальное равноправие; мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный) – как результат процесса мирного разрешения конфликтов и противоречий, как взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, а также как неконфронтационное ведение политических и исторических дискуссий.

Свобода, единство и нравственность рассматриваются в личном и социальном измерениях. Личная свобода раскрывается в служении ближним и Отечеству; свобода народа – в его самобытности. В качестве фундаментальной основы единства разных национальностей, социальных слоев, политических и мировоззренческих групп указывается работа на благо страны, взаимодействие разнообразных культур. В связи с этим патриотизм рассматривается как синтез трех компонентов: 1) любовь к Отечеству и народу, его культуре, уважение к его истории; 2) общенациональное самосознание; 3) готовность трудиться ради Родины. Солидарность тесно связывается с ценностью единства, а в качестве её психологического основания указывается «способность разделить с другим бремя его забот, его трудности, его болезни, его скорби». Милосердие понимается как деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке. Именно эта ценность является основой для церковного социального служения, ориентированного не только на граждан с православной идентичностью, но на всех нуждающихся.

Семья определяется как базовая традиционная ценность, «как союз мужчины и женщины, в котором воспитываются дети» на основе любви и верности, заботы о младших и старших. Ценность культуры рассматривается в единстве с национальными традициями. В социально-историческом аспекте эти ценности, как гласит текст документа, включают уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других; в коммуникативном – заботу о культуре общения, чистоте русского языка и других языков Русского мира.

Духовное и материальное благополучие человека не отделяется от соблюдения прав и свобод человека и оценивается как основной приоритет социального развития. Трудолюбие трактуется, во-первых, как «деятельное стремление к благу общества и ближнего» и, во-вторых, как «неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни».

Заключительная ценность (самоограничение и жертвенность) определяется как «отказ от потребительского отношения к

ближним и к окружающему миру» и как «способность жертвовать личным ради блага Отечества и народа» [2].

Проект РПЦ по формированию гражданской идентичности в российском обществе на иной, чем на Западе, цивилизационной основе в дальнейшем был конкретизирован в Соборном слове XVIII ВРНС, в котором была сформулирована более компактная формула, определяющая национальное гражданское самосознание: «вера – справедливость – достоинство – солидарность – державность» [14].

На этом же Соборе была принята «Декларация русской идентичности», в которой отмечается центральная, объединяющая роль русского народа в формировании российской общегражданской общности как в прошлом, так и в настоящем, и формулируется следующее определение русской идентичности: «русский – это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [7]. Таким образом, выделяются социокультурные (а не примордиальные) признаки идентификации русских. В этой декларации русскость не отождествляется с православностью, но подчеркивается культурная значимость конфессиональной традиции большинства, признавать которую с позиций толерантности не менее важно, чем права конфессиональных и этнических меньшинств.

Руководство РПЦ активно поддерживает преподавание в начальной школе модуля «Основы православной культуры» в рамках предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКиСЭ). Однако обязательность изучения этого модуля, что нередко практикуется, прежде всего, в школах Центрального федерального округа, вызывает негативную реакцию со стороны представителей других конфессий (мусульман, протестантов, иудеев). Мнение о том, что надо изучать в школах г. Иваново и Ивановской области не «Основы православной культуры», а «Основы мировых религиозных культур», неоднократно высказывается на мероприятиях с участием руководителей различных национально-культурных автономий.

С 1 сентября 2015 г. в качестве продолжения предметной области «ОРКиСЭ» Министерством образования и науки РФ был введен с 5-го класса предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Его преподавание направлено на формирование гражданско-государственной идентичности через изу-

чение культурных традиций народов России и исторической роли традиционных религий.

Концепция предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» вызывает несомненное одобрение. Однако учителя, которые его преподают, нуждаются в основательной дополнительной подготовке, о чем могу судить по опыту участия в курсах повышения квалификации учителей по этому предмету.

Подводя итоги, следует констатировать ресурсные возможности этнического и религиозного факторов в формировании гражданской идентичности россиян. При этом нельзя не учитывать их конфликтогенный потенциал [15].

Классик мировой социологии религии П.Л. Бергер отмечает, что «в совокупности религия, вероятнее всего, будет иметь отрицательные последствия для гражданственности», особенно если «религиозные символы используются инструментально, а не по глубокому убеждению» [16, р. 15]. Однако констатируя случаи, когда религия поляризует общества и делает их менее гражданскими, он подчеркивает, что есть немало противоположных ситуаций [16, р. 19].

Чтобы усиливалось позитивное влияние этноконфессиональных факторов на процесс формирования гражданской нации в России, необходимо вести комплексную деликатную работу по реинтерпретации исторических, этнокультурных, религиозных традиций и выявлению в них общих символических оснований для гражданского самоопределения.

Литература

1. АРЕНА: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М.: Исследовательская служба «Среда», 2012.
2. Базисные ценности – основа общенациональной идентичности: документ XV Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1496038.html>
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Культурная революция, 2009.
5. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

6. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2018.
7. Декларация русской идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vrns.ru/news/3398/#.VMу639KsXp8>
8. *Лопаткин Р.А.* Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. М.: МАРС; РОС, 2001.
9. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
10. *Намруева Л.В.* Буддийская идентичность современных калмыков: типология и проблемы диагностики // Намруева Л.В. Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации / отв. ред. А.М. Алексеев-Апраксин; сост. В.М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. С. 118–123.
11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: ОВЦС, 2001.
12. Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 415 с.
13. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011.
14. Соборное слово XVIII Всемирного русского народного собора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3837990.html>
15. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012.
16. *Berger P.L.* Religion and Global Civil Society // Berger P.L. Religion in global civil society / Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 11–22.

Н.Ф. Бугай (Москва)

*доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института российской истории РАН
nikolay401@yandex.ru*

Исторический опыт нациестроительства в России: оценка применения его составляющих в условиях 1990–2000-х годов

Обращение оргкомитета научной конференции к обозначенной теме, несомненно, актуально. Это сложный вопрос, связанный с созданием основ государственности, подведением итогов разработки составляющих проблемы российской исторической науки, решения таких задач, как совершенствование практики разных сторон обустройства, по образному выражению митрополита Всея Руси Кирилла, «многонационального объединения народов», каким является Россия.

Всем известно неоспоримое положение, что основой системы нациестроительства всегда выступает состояние экономики. Это особенно было ощутимым при формировании основ нациестроительства в первый обозначенный период в условиях перехода России к новой системе ведения хозяйств – рыночным отношениям.

Следует отметить, что все начинания нашли отражение в принятом в 1996 г. государственном документе Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. В нем были комплексно определены как состояние в ту пору российского сообщества народов, когда страна входила в переходный период, так и роль, и значение созданных для *этого экономических и политических посылок*. Получило также определение приоритетного направления в решении задач по формированию самосознания и национального сознания населения страны в новых условиях существования России.

В первой половине 1990-х годов экономический сектор в России пребывал в состоянии упадка. В ходу было распространенное понятие, характеризующее экономику на местах как «самодоста-

точность». К сожалению, в середине 1990-х годов им можно было характеризовать 9 субъектов Российской Федерации из 89.

Проявление его на практике можно проследить на примере любого из регионов России. В масштабе России эти субъекты могли обходиться без дотаций центра, заниматься решением проблем своего экономического сектора, обустройством общества, решать проблемы нацстроительства, а значительная часть субъектов в России по своему составу населения становились многонациональными. Так, в Москве в ту пору проживали представители 152 этнических общностей. Многонациональным анклавом страны выступали Северный Кавказ, Поволжье и др.

Нарушение экономических связей, контактов в сфере культуры, ослабление отношений между субъектами, несомненно, вело к дальнейшему ухудшению сферы экономики. Об этом свидетельствует и тот факт, что в числе самодостаточных субъектов в стране оставались только шесть. Одновременно появились такие субъекты, в которых дотации центра составили 98% (Ингушская Республика и др.). Возросла и численность субъектов, где этот уровень колебался от 50 до 90%. Эти основополагающие факторы не могли не влиять на настроение населения, общества в целом, на состояние межэтнических отношений.

Естественно, федеральные органы власти занимались поиском выхода из создавшегося положения. Одним из таких решений явилось формирование *Ассоциации экономического развития регионов*, главной задачей которых выступало объединение усилий по развитию всех регионов, входивших в ассоциацию, взаимная поддержка в решении приоритетных задач в экономическом секторе.

Было обращено внимание на совершенствование нормативно-правовой базы в этих условиях, усиление работы среди населения, подготовки новых технологий регулирования процессами в сфере экономики, экономических связей, социальных технологий регулирования национальными процессами в обществе. Отход от системы управления этническими отношениями в «многонациональном сообществе людей».

В связи с этим были восприняты на практике Ассоциации экономического развития регионов как составляющие единой государственности. Как новый механизм регулирования этими процессами явилось и формирование программ экономического развития субъектов и этнокультурного возрождения народов, их населяющих. Эти два направления, несомненно, по своей сути были органичными. Ощущалась временная успокоенность общества в этой сфере.

Применительно к тому периоду 1990-х годов в Российской Федерации было разработано более 160 программ экономического развития и этнокультурного возрождения, направленных своим содержанием на жизнеобеспечение многонационального государства. Наряду с этим соответствующими министерствами было сформировано более 40 программ «Горы». Практиковалась подготовка и принятие программ точечной направленности, например, поднятие уровня народно-хозяйственного развития регионов проживания отдельных народов (балкарцы, тюркские народы, финны-ингерманландцы, российские корейцы, казачество и др.).

Многие из этих предложений так и оставались нереализованными, уже в ходе разработки была видна их дальнейшая судьба. Частично проследить ее можно по итогам осуществления. Каждая из программ выполнялась ежегодно на 10–15%, а программа народов, например, балкарцам оценивалась первоначально в 350 млн рублей, по истечении времени этот объем был урезан до 10 млн рублей, а потом – и вовсе к объему в 1 млн рублей со ссылкой на отсутствие государственных средств. На разработку программы возрождения других народов, например, финнов-ингерманландцев были выделены 14 млн рублей (только разработка), но программа даже не увидела свет, не говоря уже и о предоставлении средств на ее осуществление.

Эти новации, имевшие пока статус проектов, не могли не вызвать необходимость решения вопросов жизнеобеспечения национальной провинции и прежде всего совершенствование форм взаимодействия в новых условия между центром и местными органами власти, в первую очередь с правительствами республик и администрациями других субъектов Российской Федерации. Приходилось решать многие возникавшие многочисленные проблемы в формировании органов государственной власти в национальных окраинах, приведение их конституций в соответствие с Основным Законом РФ – Конституцией Российской Федерации. В данном случае несоответствие было очевидным. Например, в Конституции Республики Адыгея таких различий было более 50. Этими же несоответствиями страдали и конституции других субъектов Федерации.

Параллельно с этим процессом продолжалась и *реализация мер по демократизации многонационального государства* в условиях становления рыночных отношений, которая, конечно же, имела множество явных изъянов, ощущалось отсутствие механизмов регулирования отношений между центром и субъектами, нарабатанных положительных практик во всех сферах жизнеобеспечения общества. Были случаи даже отказа поставок продовольствия

провинцией центру (Краснодарский край и др.). На первых порах результаты этих изменений оставались скромными. Остро ощущалась необходимость мер по консолидации этнических общностей в многонациональном государстве и в его составляющих.

По нашему мнению, обстановка в России постоянно вызывала необходимость мер по консолидации российского сообщества.

Никакая власть, обустроенное в государственном отношении сообщество (введены академиком В.А. Тишковым обобщающее определение как «нациестроительство»), не в состоянии решать задачи, поставленные перед обществом Президентом и Правительством Российской Федерации без консолидированного гражданского общества. И в этом было понимание в 1990-е годы и избран путь формирования системы институтов власти гражданского общества. И надо было учитывать удобный момент, когда состояние общества отличалось наиболее высоким уровнем этнической мобильности. Надо было направить эту ситуацию в созидательное русло. Реальность требовала коренных перемен в отношениях по вектору «государство – гражданское общество». И на практике выстраивалась новая система общественных объединений.

В этом случае такие юридические документы как Закон «Об общественных объединениях» (1995) и Закон РФ «О национально-культурной автономии» (1996) были востребованными в обществе. Они получили признание и положительную оценку. Поначалу определить их эффективность было непростой задачей. Такая возможность проявилась несколько позднее, уже в условиях практического осуществления названных законов, т. е. в ходе их реализации. К концу 1990-х годов система включала 156 тыс. общественных объединений.

Прежде всего проявилась поспешность в спонтанном решении этой проблемы без существенной ее проработки, отсутствие использования прогностического принципа. Так, вряд ли надо было наряду с уже действовавшим законом об общественных объединениях (ассоциации, центры национальных культур, общественные организации, землячества) заниматься дополнительно еще и формированием системы национально-культурных автономий (НКА). А более активным было бы совершенствование мер по реализации принятого закона в 1995 г. и не нагромождать новых общественных образований, институтов гражданского общества. Министр по делам национальностей РФ А.В. Михайлов признавал, что чувствовалась поспешность, породившая в итоге своеобразное двоевластие в формировании системы институтов гражданского общества. Была распространенной и такая формула: кто главнее?

Разумеется, со временем стало понятным такое состояние и для населения. В самих советах НКА и НОО приходили зачастую к обоюдному согласию о постепенном устранении возникавшего, как бы на законодательной основе, двоевластия. Преодолели этот недуг первыми армяне России. Затем по такому же пути проследовали и российские корейцы, азербайджанцы. Практика полностью подтверждала, что все общества, наделенные властью на гражданском уровне, равны. Перед законом. Возникавшие противоречия на этой почве постепенно устранялись на консенсусной основе.

С одной стороны все проводимые меры содействовали поддержке этнической мобильности населения во многих субъектах. А с другой – наблюдался и определенный ярко выраженный пессимизм. При этом стали заметными снятие в обществе реальной напряженности, уход от голословных заявлений, несоизмеримых зачастую с возможностями, нехваткой средств.

Затем на вооружение была взята схема регулирования обозначенными мерами по возрождению экономики и культуры на местах. Все тяготы в решении этих задач были перенаправлены на уровень субъектов. На местах занялись изучением ситуации. Учитывались и более глубокие знания обстановки в субъектах.

Именно оттуда, с того сложного в социально-экономическом и военно-политическом отношении времени берут свое начало *и формирование территориальных округов*. Их устремление заслуживает положительной оценки, так как они были направлены на улучшение экономики на местах, улучшение положения в регионах, однако, восстановлению экономических отношений, налаживанию приграничной торговли был не присущ конституционный характер. Они оставались нелегитимной структурой в общей системе государственной власти Российской Федерации. Как на субъектном уровне, так и территориальном окружном ощущался острый недостаток средств для решения многих предложений.

Все это позволяло сделать вывод о том, что в основе развития государственности выступало соотношение между экономическим сектором и состоянием гражданского общества, между ними существует неразрывная связь, как и обеспечивающими политическое руководство структурами государственной власти.

Их задачей было консолидировать это общество на постепенную модернизацию национальных регионов страны как составляющих государственность.

Достижение этого единства – одна из сложных задач в экономическом секторе, при регулировании процессов в нациестроительстве. Очень важно при этом исходить из положения, что особое

место в этой связи должно быть отведено *профессионализму*, а не этническому признаку. Оптимизма в этом деле мало. На практике же в 1990-е годы в России «пришли» в органы власти, в том числе и на федеральном уровне, непрофессионалы. Специалисты, имевшие малый опыт работы в новых условиях России, не обладавшие необходимой интегральной компетентностью, требующей от специалистов определенного уровня принятия управленческих решений, соответствующих потребностям дня. Отсюда за 10 лет функционирования на федеральном уровне сферы национальной политики сменилось 11 министров, и каждый из них, кто во что горазд, занимались сменой еще не устоявшейся структуры министерства. Не проводился анализ прежней ситуации, стиль принятия управленческих решений. Вот и возникает вопрос, где накопленный опыт работы, где оценка его наполнения новациями, связанными с сектором экономики, местным самоуправлением, совершенствованием системы гармонизации межэтнических отношений, регулированием сложными процессами в обществе? По нашему мнению, практиков должно интересовать не бесконечное теоретизирование, «забалтывание», а выработка форм и механизмов достижения гармонизации межэтнических отношений в условиях совместного проживания народов. Без этого из системы выпадает человек, представитель той или иной этнической общности.

Обращаясь в этом случае к состоянию экономики Республики Корея, можно отметить, что они, корейцы, последовательно руководствуются на практике этим принципом – деэтнизации. Это актуально и для нашего многонационального сообщества, особенно в плане воплощения подобных начинаний в жизнь.

В определенной мере особую ценность обретает в связи с этим и *проблема идентичности*, выступая в качестве отдельного ингредиента оценки отношения человека к своему обществу, государству, провозглашенным в нем задачам и лозунгам. С этой стороной проблемы смыкается и вопрос об этнической идентичности как составляющей национальной политики, конечно же, включающей формирование самосознания и национального сознания, поведенческой «модели», символов, традиционных ценностей в условиях социально-политических связей. Отсюда идентичность, в том числе и северокавказская, крымская и прочие приобретает как бы новые типы, как геополитический и территориальный [1–4].

Правда, ученый мир, занимаясь проблемами идентичности, которой к настоящему времени определено 20 видов, мало уделяли внимания такому ее виду как территориальная идентичность.

Это можно пояснить тем, что именно он изучен слабо, потому что, прежде всего, он несет в себе как позитивное, так и осязаемое негативное начало. В связи с этим территориальная идентичность характеризуется и наличием межэтнических конфликтов, межгрупповой розни среди граждан, воздействие их на положение этнических обществ.

Это реально подтверждают события, связанные с Чеченской Республикой в 1990-е годы, республиками Ингушской и Северной Осетией – Аланией в связи с межэтническим конфликтом на территории Республики Северной Осетии – Алании.

Общество больше интересуется тот факт, что территориальная идентичность несет в себе заряд и агрессивной консолидации – это Украина. Молдавия. События последнего десятилетия замешаны и на территориальной идентичности. Требуется постоянное внимание, контроль над решением этих острых проблем.

Убедительный пример – это и Крымская Республика 1990–2000-х годов, а в целом за период четверти века. О каком успешном нациестроительстве в этих условиях можно вести речь? Ведь для этого необходима прежде всего устойчивая политика, обстановка, прочные межэтнические отношения, высокий уровень консолидации этнических общностей и с учетом этого – решение вопросов дальнейшего нациестроительства.

Изучение процессов конструирования территориальной идентичности на разных уровнях пространственной структуры оказывается ценным фактором для оценки социальных последствий, выявления потенциала протекающих на территории социально-политических процессов.

В современном мире идентификация с территорией становится инструментом мобилизации населения, и осознание важности этого в жизни народов.

Академик В.А. Тишков в статье «Стратегия современной российской этнополитики» констатирует: «Интеграционная политика должна преследовать две взаимосвязанные цели: добиваться консолидации российского общества и укрепления гражданского согласия, с одной стороны, и стремиться к интеграции *ее территориальных составляющих в единое экономическое и политическое пространство* – с другой» [2, с. 10]. Заключение, несомненно, полностью отвечает требованиям, выдвинутым в декабре 2012 г. перед обществом и отраженным в «Стратегии...». Актуальность этой задачи в документе подчеркивается особо.

Нациестроительству отведено здесь решающее начало, а это федеративное обустройство государства, уважение национального

достоинства граждан, совершенствование экономической, социально-культурной и внешнеполитической сфер и др.

В плане оценки использования опыта прошлого в национально-государственном обустройстве существует немало примеров, когда практики 1990-х годов обращались к опыту национально-государственного обустройства народов России, начиная с 1920-х. Так, в 1990-е годы была повторена система представительств местных органов власти в федеральном центре и наоборот. И на этой базе сформирована была целая система представительств (около 5 тыс. специалистов). Это придавало новый импульс в работе органов власти как в центре, так и на местах.

Формирование территориальных округов – это фактическое повторение введения в структуру органов власти регионального краевого деления в 1920–1930-е годы. В этом ряду и формирование институтов гражданского общества на новой основе, без их политизации, и др. Исследователи, изучающие изначальный период формирования новой российской государственности, национально-государственных образований, обнаружат объемную детализацию продолжавшегося формирования власти в Российской Федерации и в первую очередь в сфере межнациональных отношений в воспоминаниях лидеров этих начинаний.

Литература

---

1. *Бугай Н.Ф.* Национальная политика в Союзе ССР: плюсы и минусы // 1150 лет Российской государственности и культуры. М.: Наука, 2012.
2. *Бугай Н.Ф.* Национальная политика России: трансформация, реабилитация, приоритеты (1990–2013 гг.) // Национальный вопрос в истории России: Сб. статей. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 255–281.
3. *Бугай Н.Ф.* Проблемы территории в условиях принудительного переселения народов: теория, практика. М., 2018.
4. *Дашдамиров А.Ф.* Кавказская идентичность и диалог культур // Этнодиалоги. Московское эхо Кавказа. М.: Центр «Этносфера», 1997. С. 17–32.
5. *Тишков В.А.* Стратегия современной российской этнополитики // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 1.

Ю.А. Закунов (Москва)

*кандидат философских наук, руководитель
отдела наследования культуры Российского НИИ
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
доцент кафедры культурологии Московского
государственного института культуры
zakunov.yuri@mail.ru*

О константах формирования российской идентичности

Современные общественные процессы обнаруживают кризис изживающих себя форм существования нации как этноса (народа) и нации как гражданства. Политика интеграции через ассимиляцию (американский и советский варианты построения многонационального государства) и политика «мультикультурализма» (сохранения этнокультурной самобытности в рамках формально-правового государства – европейский опыт) имеют результатом нестабильность, межэтнические конфликты и войны. Провоцируя последние, современные глобалисты навязывают свой инструменталистский конструкт на основе модели однополюсного мироустройства, которая носит космополитический, технократический и манипулятивный характер, ведет к упрощению и унификации.

Россия дает свой оправданный вариант органичного синтеза этнического и государственного в форме этнополитического духовного союза, опираясь на многовековой исторический опыт совместной жизни, скрепляющей тканью которой являются ценности русской цивилизации и культуры. Государственная национальная политика призвана выстроить систему приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов, направленных на укрепление российского государства как особой цивилизации и этнокультурного мира, способствовать выработке единого подхода к решению проблем в сфере национальных отношений, укреплению государственного единства и целостности.

Узловым пунктом государственной национальной политики является разрешение противоречия между двумя началами, находя-

щимися в оппозиции друг к другу: национально-государственного единства и этнокультурного многообразия. С одной стороны, имеет место единство гражданства, потребность в развитии общероссийского самосознания и патриотизма, упрочении духовной общности народов на почве единого этнокультурного пространства при интегрирующей роли русского народа и его культуры. С другой стороны, налицо многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, необходимость его укрепления. Это противоречие обострилось стремлением народов России к самоопределению, вызванное как реакцией на политику унификации, проводившуюся при тоталитарной системе и разрушавшей традиционные этнокультурные ценности, так и сопротивлением народов нынешней агрессивной технологизации и глобализму.

Формирование гражданской идентичности предполагает рассмотрение России как этнополитического союза, возникшего и развивающегося на основе духовных ценностей российской цивилизации, *общей национальной идеи*, являющейся реальной исторической силой, а отнюдь не выдуманным конструктом или результатом формально-правовой договоренности. Россия вырабатывала ее на протяжении всего своего исторического развития, которая может быть выражена как стремление *«жить во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности – божественными содержаниями – в совершенной форме»* (И.А. Ильин). Утверждаемая в виде моральных, эстетических, религиозных, традиционных и правовых норм, воплощая в себе ценности добра, справедливости, истины, любви, веры, свободы, творчества, красоты, она образует живую духовную реальность. Для нее характерно историческое многообразие этнокультурных предметных форм деятельности и универсальность иерархии, где задается целостное преобразование мира, окончательный смысл развития и предельные критерии совершенства. Носителем этой национальной идеи являются не только русские, но все народы России. Ее осуществление направлено не на сиюминутные, конъюнктурные цели, а на конечные перспективы, интегрирует общество, осуществляя связь поколений и создавая наиболее прочный фундамент для всестороннего развития личности, не подавляя творчества, а напротив, создавая условия для этнокультурного многообразия народов и их самореализации.

Укрепление подлинного гражданского единства и этнокультурное развитие народов возможны на почве утверждения ценностей русской (российской цивилизации), ядром которой является *русская культура*, которая должна всячески поддерживаться госу-

дарственной национальной политикой. Во избежание казенщины и формализма она возможна не как культура только одного этноса или многонациональная, в смысле эклектичная, «склеенная» из разнородных элементов, но культура русского народа, являющегося государствообразующим и главным носителем общероссийских культурных ценностей. Его роль не подавляющая и ассимилирующая по отношению к другим этносам, но братская, жертвенная, преобразующая, благодатная. Лучшие и великие произведения русской культуры несут в себе высокие нравственные установки, учат любви, правдолюбию, красоте и подвигу как формам духовного совершенства.

Основные составляющие общенациональной и этнокультурной политики могут быть определены в двух измерениях:

- по отношению «к самой себе», то есть с точки зрения специфики предметного содержания самой этнической сферы, ее законов развития;
- по отношению к другим сферам и аспектам, то есть с точки зрения ее взаимосвязей, зависимости от других сфер и уровней.

Они предполагают целостное единство. Масштаб и границы того или иного этнокультурного признака или элемента определяются их *данной* исконной структурно-функциональной природой (самобытием), многообразными *формами* развития и общими *смыслами*, предназначением, а в целом – *национальным духом*.

Задачи укрепления гражданского единства и развития этнокультурного многообразия не будут противоречить друг другу, если Россию рассматривать как этнополитический духовный союз, укрепление которого строится на основе следующих системообразующих начал и их взаимосвязей: *духовно-нравственного (мировоззренческого), государственного (общественно-политического) и этнокультурного (народного)*. Цельность выстраивается как единство в многообразии: общее – в стремлении и осуществлении единых духовных ценностей, а различие в укреплении этнокультурного самобытия и свободного саморазвития личности. Каждая из основ регулируется соответствующими нормами, которые призваны к разграничению и распределению (гармонии), но не противопоставлению и взаимоотрицанию.

1. *Этнокультурное (народное)* – призвано к одухотворению и творчеству исходя из данности (даров и наследия) в самобытных национальных формах, это первоначала любой национальной жизни, особенности и достижения национальной культуры конкретного этноса; основной регулятор: *традиционные нормы (обычай)*.

2. *Государственное (общественно-политическое)* – государственное управление и попечение, деятельность общественности (гражданского общества); основной регулятор: *правовые нормы*.

3. *Духовное (мировоззренческое)* – духовные ценности; основной регулятор: *религиозно-философские, эстетические и нравственные нормы*.

Между ними (1, 2, 3) образуются и призваны к развитию следующие скрепы духовного национально-государственного единства: *духовно-национальные; этнополитические и духовно-государственные*. Таким образом, основными предметами государственной национальной политики являются укрепление и развитие:

этнокультурной самобытности народов России, которая характеризуется: языком; верой; традициями и обычаями; национальным самосознанием (идентичностью); этнопсихологией (особенности национального характера); антропологической характеристикой; самобытной народной культурой; хозяйственно-культурным типом и территорией проживания; культурно-историческим наследием и национальной памятью, в которых формируется и закрепляется национальная судьба, особенности этногенеза; политической культурой; демографическими показателями с учетом социокультурного и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, степени урегулированности миграционных процессов; решением вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации. Все это предполагает не стандартизацию, выравнивание и смешение и как следствие обеднение, а развитие и обогащение;

духовно-национальных взаимосвязей, укрепляющих и развивающих единое этнокультурное духовное пространство России.

Линии укрепления данных взаимосвязей по основным компонентам мировоззрения:

- а) чувственно-эмоциональный компонент (*мироощущение* – непосредственное переживание чувства любви со стороны жителей региона и проживающих этносов к России и русской культуре, гордости за общие достижения, уважения к исторической памяти и достижениям русского и других народов, неприятие русофобии, идей нацизма, экстремизма и национальной исключительности, преодоление национальной и религиозной нетерпимости);
- б) рациональный компонент (*миропонимание*) – знание преимуществ совместной жизни в едином государстве, дружбе и согласии с другими народами, истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества, знание выда-

- ющихся культурных достижений народов России, имен национальных героев, исторической борьбы недругов против России и разоблачение их замыслов по подрыву безопасности государства, нарушению межнационального мира и согласия, разжиганию расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды, владение аргументацией против идей и практики фашизма, экстремизма, русофобии и ксенофобии;
- в) нравственный (*деятельностный*) – способность на жертвенные поступки ради общего блага, бескорыстное служение Отечеству, готовность помогать другим народам, действенность. Владение навыками культуры межнационального общения, умение противодействовать экстремизму и ксенофобии;
- г) ценностный общенациональный компонент: российская цивилизационная идея (национальный дух) как утверждение цельности в личной и общественной жизни – следование принципам справедливости, правды, добра, любви, красоты, свободы, терпимости, веры в общенациональные святыни и воспитание уважительного отношения к достижениям других народов, упрочение общероссийского самосознания на основе общероссийских ценностей (русской идее) и судьбы, восстановления исторической связи времен;

этнополитических взаимосвязей на основе управленческих властных решений, направленных на создание необходимых организационных, правовых, социально-экономических, информационных, культурно-образовательных и материальных условий и механизмов для преодоления дезинтеграционных процессов;

духовно-государственных взаимосвязей (в контексте государственной национальной политики), которые находятся в совместном ведении федеральной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также гражданского общества. Предполагают взаимодействие общероссийских общественных и религиозных организаций и государства на основе общих духовно-нравственных ценностей.

В основу формирования и укрепления российской гражданской идентичности должны быть положены следующие приоритеты и принципы государственной национальной политики:

- государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации и единство системы государственной власти на основе общего правового пространства, соблюдения законности и правопорядка;

- свободное этнокультурное самоопределение народов Российской Федерации;
- утверждение в качестве приоритетных духовно-нравственных ценностей российской цивилизации, таких как Долг, Совесть, Честь, Верность, Правдолюбие, Справедливость, мистико-эстетическая устремленность к Совершенству и Целности на основе жертвенной благодатной невынужденной Любви;
- объединяющая роль русского народа как государствообразующего и самого многочисленного коренного народа России, создание условий для воспроизводства и роста его численности с восстановлением демографического потенциала как необходимого условия этнокультурного развития остальных народов России;
- подход к образованию как ценностному образованию и просвещению, объединяющему в единое целое профессиональные знания, умения, смыслы и воспитывающего творческую личность в противовес формированию механического исполнителя заданных образцов;
- укрепление духовного национально-государственного единства, воспитание гражданского правосознания и патриотизма;
- предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;
- уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды, распространения идей и практики национальной исключительности, национально-религиозной нетерпимости и русофобии;
- государственная поддержка и защита культуры и языков всех народов Российской Федерации при взаимном уважении к их традициям и обычаям;
- разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации;
- цельность и комплексность в решении задач государственной национальной политики с учетом ее интегративного характера;

- утверждение ценностей трудолюбия и справедливости, поощрение предпринимательства в производительной сфере, создающего новые рабочие места и расширяющего рынок товаров и услуг по сравнению с торгово-посреднической сферой;
- неприятие псевдокультуры, разрушающей личность установками на насилие и разврат, культ «золотого тельца» и наслаждений, оккультизм, русофобию и антипатриотизм.

Предполагается, что основными областями внимания должны быть:

- медиасреда, информационное пространство, создаваемое СМИ, информационными сайтами и интернет-сообществами;
- культурно-просветительная деятельность клубов, библиотек, выставочных залов, музеев, досуговых центров, театрально-зрелищных организаций, кинотеатров;
- учебные программы и воспитательная работа в образовательных учреждениях (детсадов, школ, вузов);
- содержание распространяемой (продаваемой) информации различного вида (бумажная, фото, аудио, видео и т. п.) через торговые организации, издательства и редакции газет и журналов, телеграфные и информационные агентства;
- военно-исторические, патриотические организации и общества по сохранению исторических памятников и культурного наследия;
- этнокультурные общественные объединения (землячества, НКА, сообщества, центры национальной культуры, фонды и т. п.), религиозные объединения, их актив и лидеры мнений;
- различные институты и структуры гражданского общества (некоммерческие общественные и религиозные организации, инициативные группы граждан, региональные отделения политических партий, СМИ, лидеры мнений) в контексте объединения усилий с государственными и муниципальными органами по укреплению общенационального единства;
- культурно-образовательная деятельность и жизнь этноконфессиональных сообществ на территории субъекта федерации (помощь в удовлетворении их духовно-национальных потребностей в целях создания благоприятного самочувствия и создания условий для проявления инициативы и самостоятельности в общенациональном государственном и культурном строительстве);

- обеспечение учета и реализации задач осуществления государственной национальной политики в региональном законодательстве, документах стратегического планирования развития региона и разработка соответствующих региональных программ;
- правоприменительная практика по исключению дискриминации в отношении граждан различной национальности;
- мигранты и миграционная политика, нелегальная и деструктивная миграция.

Образование, художественная культура и средства массовой информации являются духовно образующими факторами развития и социального воспитания национального самосознания. Особо актуальны проблемы, связанные со сложным самочувствием русского этноса, неудовлетворенностью его этнокультурных потребностей в современных креативных формах. Здесь, видимо, следует обратить внимание на обеспеченность сетью образовательных и культурных учреждений всех типов и видов, центров этнокультурного развития, реализующих программы воспитания и образования на основе русских духовно-нравственных ценностей, языка, народной культуры и традиций, русской истории, примеров выдающихся исторических и культурных достижений русского народа, проведение соответствующих культурных мероприятий и событий. При этом важно воплощение идеалов национальной жизни в новых ярких художественных образах, включая современников, на высоком эстетическом уровне в современном формате, избегая как тривиальности, казенщины, формализма, так и эпатажа, акционизма. Здесь необходимо помнить правила: «Эффективность слова обратно пропорциональна частоте его употребления», «Цветы надо поливать, а не дергать, чтобы они быстрее росли». Воспитание ценностей формируется изнутри, не вынужденно, конкретными примерами жизни и социокультурной средой. Процесс формирования суперэтноса – российской нации, может быть целенаправленным, но обязательно органичным, и не «спущенным сверху».

К сожалению, в регионах имеет место ситуация, когда повсеместно отсутствуют центры русской культуры. Например, в Томской области официально зарегистрированных общественных организаций с названием «русский» нет, если не считать филиалов Русского географического общества. Зато, например, есть сразу два польских центра: Центр польской культуры и Польский национальный центр «Белый орел» (всего в области 37 национально-общественных организаций, но нерусских).

Очевидно, особое внимание следует уделять:

- принятию региональных программ поддержки традиционной русской культуры, а также культуры других коренных народов России: классической, современной и народной;
- противодействию псевдокультуре, духовному насилию со стороны антинациональных сил, пропагандирующих «свободу нравов», призывающих к сокращению рождаемости, «половому просвещению» детей и подростков, вмешательству в традиционные права семьи и родителей, вследствие чего растут детская и молодежная преступность, изнасилования, проституция, половые извращения, распад семей и наркомания, пьянство и самоубийства;
- пропаганде здорового и трезвого образа жизни.

В.В. Кочетков (Москва)

*доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии международных отношений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
vkochetkov58@mail.ru*

Национальная гражданская идентичность Российской Федерации

В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительству Российской Федерации ставится задача «укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации» [2, с. 20]. Проблема идентичности стала одной из самых обсуждаемых в последнее время не только в нашей стране, но и во всем мире. В этом нет ничего удивительного. Вопрос об идентичности выходит на первый план в смутные времена, когда будущее неопределенно, а настоящее невыносимо. Когда ситуация стабильна, всем и так понятно, кто они такие. В научный оборот понятие идентичность ввел Эрик Эриксон [13, с. 56]. Самюэль Хантингтон определяет идентичность как самосознание человека или группы [12, с. 21]. Психологи считают, что идентичность – это то, кем мы себя ощущаем, целостность нашего существа [10, с. 47]. Идентичность очень важна, поскольку определяет поведение человека или группы. Если я ощущаю себя профессором МГУ, то и веду себя соответственно. Не зная, кто мы, невозможно отделить врагов от друзей, союзников от противников, невозможно сформулировать цели. Как говорят моряки, корабль, не знающий, куда плыть, никогда не будет иметь попутного ветра. Есть и такая пословица: «Если ты плывешь по течению, не обижайся на то, что плывет рядом с тобой». Идентичность – это зеркало, в которое мы смотримся и видим себя. В качестве зеркала выступают другие люди. Мы не можем узнать, какие мы – добрые или злые, щедрые или жадные, умные или глупые – если будем лежать дома на диване. Только другие люди могут сказать нам это. Зеркало

может быть кривым, а другие люди могут говорить неправду. Тогда идентичность искажается.

Предпосылки для формирования национальной идентичности начали складываться еще в XVII в. В 1648 г. Вестфальский мирный договор ввел принцип суверенитета. Возникла Вестфальская система и современные суверенные государства. Если этнос – явление естественное (примордиальное), народ – явление историческое (этнос, вступивший в историю), то нация – явление политическое. Необходимым условием для существования нации является государство. Если есть государство, то есть и создавшая его нация. В конце XVIII века в результате буржуазных революций суверенитет переходит от монарха к нации. Традиционные ценности, скрепляющие идентичность монархии, были свергнуты. Чтобы сплотить общество, которое атомизировалось и стало состоять из отдельных индивидов, пришедшая к власти буржуазия сконструировала концепт нации и стала внедрять его в массы, используя всю мощь государственного аппарата. Придумывались новые мифы, в которых прежние герои свергались и возвеличивались новые. Переписывалась история, где победы преувеличивались и/или придумывались, а поражения приуменьшались или вовсе замалчивались. Это дало основание Бенедикту Андерсону назвать нации придуманными, воображаемыми сообществами [4, с. 11]. Яркий примером создания нации дают процессы, происходящие в современной Украине.

Основным инструментом создания нации является национализм. Эрнст Геллнер определяет национализм как искусственную инициативу буржуазии по созданию нации [6, с. 34]. Не нация порождает национализм, а, наоборот, национализм предшествует и создает нацию. Национализм имеет множество разновидностей – от социально-одобряемых до радикально-экстремистских. Первой социально-одобряемой формой национализма является патриотизм (от лат. *«patria»* – земля отцов) – мобилизация граждан нации для защиты государства от внешней агрессии или для нападения на внешнего врага. Патриотизм рассматривается как легитимная добродетель. Воспитание чувства патриотизма входит в программы и задачи государственного образования. Крайней формой патриотизма является ксенофобия. Термин происходит от греческих слов *«χενος»*, «чужой» и *«φοβια»*, «ненависть», «страх». Ксенофобия представляет собой социокультурный аффект, заставляющий человека или социальную группу относиться с ненавистью и страхом к чужим нациям. Если патриотизм сопровождается кичливостью, бахвальством, ограниченностью и узким культурным горизонтом, он

называется «шовинизмом». Расизм является формой ксенофобии и шовинизма, возведенных в статус мировоззрения, утверждающего, что одни нации являются «высшими», а другие – «низшими». Наиболее радикальными формами национализма являются ирредентизм¹, сепаратизм (выход из состава государства) и геноцид (физическое уничтожение чужого народа).

Процесс формирования нации в России имеет свои особенности. До 1917 г. наша страна официально называлась Российской Империей. Таким образом, она являлась традиционным, а не современным государством-нацией. Нации создаются пришедшей к власти буржуазией, а в России с момента февральской буржуазной революции до Октябрьской социалистической революции в 1917 г. прошло всего 8 месяцев. За такой короткий срок нация не могла сформироваться. В СССР нации также не сложилось, поскольку усилия Советского государства были направлены на формирование наднационального общества – советского народа. К концу существования Советского Союза в 1970–1980-х гг. сложился средний класс – основная предпосылка создания нации. После распада СССР все национальные республики, получившие независимость и ставшие постсоветскими государствами, приступили к формированию наций, и многие достигли успеха. Единственным исключением стала Россия, которая, несмотря на очевидность и последовательность этого шага, так и не начала строительства нации. Причинами этого стали страх политических элит стать первыми жертвами национализма, поскольку большинство элиты в начале 1990-х гг. не были русскими по своему этническому происхождению. Сыграло роль и стремление подражать Западу, где уже приступили к следующему за нацией этапу – строительству гражданского общества. Сказались также воздействие западных центров влияния, полиэтнический состав населения России и укорененность в российском обществе идей интернационализма. В силу этих причин российские элиты в очередной раз пренебрегли исторической логикой и сосредоточили свои усилия на формировании гражданского общества, для создания которого условия в нашей стране еще не сложились и Россия к этому была не готова. Результатом двойственной политики явилось то, что к концу XX в. в России не было ни нации, ни гражданского общества. Все изменилось на рубеже веков, когда Президентом Российской Федерации стал В.В. Путин. В своей статье «Россия: национальный вопрос» он писал: «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство» [3, с. 2]. Им были сформулированы основные задачи, стоящие перед страной в сфере национальной политики [там же, с. 3–4].

Гражданское общество – этап, следующий за нацией. На определенном этапе буржуазия начинает осознавать, что деление общества на нации отвлекает ее силы на межнациональную конкуренцию, межклассовую борьбу, межгосударственные войны, ограничивает универсальное значение демократии политическими границами. Тогда она отказывается от национализма и переходит к пропаганде общечеловеческих универсальных ценностей. С одной стороны, нация является необходимой предпосылкой гражданского общества, поскольку дробит общество на индивидов, с другой – на определенном этапе становится помехой для его дальнейшего развития. Нация противоречит и мешает гражданскому обществу. Гражданское же общество, возникая внутри и благодаря нации, в итоге становится ее могильщиком. Становление гражданского общества означает конец суверенитета, упразднение государств и исчезновение наций.

Инструментом создания гражданского общества, таким же, как национализм для нации, является идеология прав человека. Концепция прав человека утверждает, что любой человек, независимо от принадлежности к нации, обладает правами, которые даны ему от рождения. Нация же наделяет правами только своих членов. Гражданство имеет различное понимание с точки зрения нации и гражданского общества. С точки зрения нации нелегальные мигранты или русскоязычное население балтийских республик не являются гражданами, и прав у них нет, а с точки зрения гражданского общества они граждане и пользуются правами. В настоящее время гражданское общество сложилось пока только в США и ЕС, и будет ли оно в других странах, пока сказать затруднительно. Если сохранятся существующие тенденции и продолжатся американизация, вестернизация и глобализация, то гражданское общество продолжит развиваться и станет глобальным. Если более быстрыми темпами будут развиваться страны БРИКС, то вопрос гражданского общества будет снят с повестки дня, а мир станет многополярным, в котором полюсами будут цивилизации.

Проблема национальной гражданской идентичности является чрезвычайно болезненной и политизированной. Л.М. Дробижева справедливо отмечает: «Современная российская идентичность формировалась в сложных условиях изменений привычных государственных границ, этнического состава населения, государственного устройства и социальных отношений» [7, с. 107]. Для формирования идентичности крайне необходима четкая и слаженная работа всех государственных структур: исполнительной и законодательной ветвей власти, системы образования, СМИ и особенно

телевидения. И прежде всего необходимо определить основные понятия. Однако даже в Основном Законе нашей страны – Конституции Российской Федерации – множество путаницы, касающейся национального вопроса. Принятая при Борисе Ельцине в 1993 г. Конституция приписывает статус национальных государств всем субъектам Российской Федерации. Так, в пункте 1 статьи 3 читаем: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1, с. 2]. Однако нации могут существовать только в контексте суверенного государства. Следовательно, в современном научном понимании данное положение означает, что Российская Федерация состоит из множества суверенных государств, а не представляет единого образования. Именно в этом смысле понимал Конституцию бывший президент России Борис Ельцин, когда в ходе своей предвыборной кампании на встрече с общественностью Татарстана в Казани 6 августа 1990 г. сказал знаменитую фразу: «Берите суверенитета столько, сможете проглотить». 21 марта 1992 г. был проведен референдум по вопросу суверенитета республики Татарстан, входившей в состав Российской Федерации в качестве субъекта. Результатом референдума стало провозглашение государственного суверенитета республики Татарстан. Только в 2001 г. Конституционный суд Российской Федерации признал положения о суверенитете Татарстана не соответствующими Конституции Российской Федерации, и в 2002 г. Госсовет Татарстана принял новую редакцию Конституции республики, приведенную в соответствие с Конституцией РФ. В Республика Саха (Якутия) 27 сентября 1990 г. была провозглашена Декларация о государственном суверенитете, и только в 2009 г. по требованию Конституционного суда РФ положения о суверенитете Якутии были исключены из Конституции Республики Саха. Именно так восприняла Конституцию Чечня, результатом чего стали Первая (1994–1996) и Вторая (1999–2001) чеченские кампании, многочисленные теракты и жертвы среди мирного населения.

В пункте 2 статьи 68 сказано: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки» [1, с. 13]. Определение «государственный» признает за республиками статус суверенного государства. В 1990-х годах о желании воспользоваться этим статусом заявили, кроме Татарстана, Якутии и Чечни, Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Марий-Эл. Начинаясь «парад суверенитетов». Учитывая, что Российская Федерация состоит из 85 субъектов – республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных

округов, «парад суверенитетов» мог закончиться распадом России. Только при Президенте Владимире Путине власть спохватилась и стала проводить политику, направленную на лишение субъектов Российской Федерации признаков государственности [7, с. 261].

Необходимо отметить, что двойственность понимания нации перекочевала в Конституцию Российской Федерации из Советской Конституции. Большевики Владимир Ленин и Иосиф Сталин приложили значительные усилия, чтобы лишить понятие нации юридической однозначности, и включили в него как политические, так и этнические признаки. Во всем мире нация понимается как принадлежность к государству, т. е. гражданство. Только в нашей стране существует понятие «национальность». Корни этого понятия уходят в терминологический спор между Карлом Каутским [8, с. 35] и Отто Бауэром [5, с. 69]. Каутский – гражданин Германии, национального государства, понимал нацию классически, как национальное государство (Nation-Staat). Бауэр – гражданин Австро-Венгрии, которая на тот момент являлась империей, т. е. традиционным государством. Перед Первой мировой войной она доживала последние дни, в ней почти сформировались отдельные нации: венгры, чехи, румыны, югославы. Их-то Бауэр и назвал национальностями. Царская Россия так же, как и Австро-Венгрия, была империей, т. е. традиционным государством национальностей. Поэтому Ленин взял за основу определение национальностей Бауэра. В СССР этот термин и стал использоваться для описания обществ, которые не имели государственности, но отличались этническими чертами.

С понятием «народ» в Конституции Российской Федерации не меньше путаницы, чем с понятием «нация». В пункте 3 статьи 68 говорится: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [1, с. 13]. Отсюда можно сделать вывод, что в России не один, а множество народов. И, наконец, статья 69: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [там же, с. 13]. Но под «коренными малочисленными народами» подразумеваются этносы.

Подобная терминологическая путаница из Конституции перекочевывает в другие российские законы, которые, в свою очередь, отражаются в практической национальной политике нашей страны. В результате часто она оказывается двойственной и непоследовательной, что крайне опасно в такой полиэтнической

стране, как Россия. Для наведения порядка в национальном вопросе необходимо четко определить понятия «этнос», «народ», «нация» и «гражданское общество» в Конституции Российской Федерации. Необходимо обратиться к исследованиям «...современных наций и современного нациестроительства, многообразных форм идентификационных процессов и идентичности как фактор мироустройства...» [8, с. 11].

Примечание

---

¹Ирредентизм – явление, когда государство имеет претензии на контроль над территориями другого государства на основании предположительной «этнической» однородности населения этих территорий с «этническим большинством» этого государства или на основании действительных или мнимых исторических прецедентов вхождения этих территорий в состав данного государства.

Литература

---

1. Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2018. 32 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 12.12.2018).
3. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Российская газета. 2012. 23 янв.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
5. *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 52–120.
6. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 322 с.
7. *Дробизева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–119.
8. *Каутский К.* Национальность нашего времени. СПб., 1905. 163 с.
9. *Кочетков В.В.* Национальная гражданская идентичность в Конституции Российской Федерации // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образо-

вательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2016. С. 258–265.

10. *Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю.* Идентичность в меняющемся мире. Ярославль: ЯрГУ, 2002. 300 с.
11. *Тишков В.А.* Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 13–21.
12. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 640 с.
13. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Н.М. Мухарямов (Казань)

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии
и права Казанского государственного
энергетического университета
n.mukharyamov@yandex.ru*

Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах

Обстоятельства, процессы и события последних лет, так или иначе связанные с языковой жизнью российского полиэтнического общества, с его этноязыковой сложностью, демонстрируют заметные сдвиги в смысловом обрамлении концепта и феномена – языковой политики – как с концептуальной, так и с практически-управленческой точек зрения. Перемены системного характера затрагивают обширный спектр факторов и условий, всю обстановку взаимодействия социально-лингвистических состояний, с одной стороны, и их политико-правовых оснований, с другой стороны. Новые контексты возникают не только в политико-правовых режимах языкового функционирования, но и в публично-информационном статусе всех дискурсивных структур и практик в этой сфере.

Прежде всего, кардинальные изменения в 2018 г. были внесены в нормативно-правовую среду языковой политики. Речь идет о конкретных поправках к федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.), закрепляющих принцип выбора получения образования на родном языке и изучения государственных и родных языков, включая русский язык. Согласно одной из оценок специалистов в области социолингвистики, «...произошло важное для народов России событие, масштаб которого будет оценен лишь в определенной хронологической перспективе» [3].

Процесс подготовки и принятия этой законодательной новации вызвал очень энергичные дискуссии не только в парламентских сегментах информационного пространства, но и на экспертном, медийном, общественном, активистском его горизонтах,

в его официальных и социально-сетевых жанровых структурах. Многочисленные высказывания, в том числе – со стороны компетентных участников обсуждения, свидетельствуют: одномоментное законодательное решение не снимает все существующие риски и негативные факторы проблематизации относительно будущего культурно-языкового многообразия российского общества [см., например: 11].

Однако одним из несомненных полезных эффектов значительно активизировавшихся обсуждений стало то, что темы языковой политики стали перемещаться с нижних на верхние позиции в актуальной властно-управленческой повестке, в экспертно-аналитических и исследовательских приоритетах.

Далее, в российской политико-языковой сфере начало набирать существенное влияние авторитетное действующее лицо – Федеральное агентство по делам национальностей. Так, 16 ноября 2018 г. в Торгово-промышленной палате Российской Федерации ФАДН России провело форум-диалог «Языковая политика: общероссийская экспертиза». На форуме работало три секции: «Русский язык как инструмент надэтнической консолидации общества», «Родные языки народов России в контексте общероссийского языкового пространства» и секция для руководителей и специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации «Актуальные вопросы языковой политики».

«В нашей огромной стране, где живут 193 народа, – сказал на открытии форума его председатель и руководитель ФАДН России Игорь Баринов, – языком межнационального общения является русский. Поэтому важно соблюдать баланс между изучением русского языка и родных языков народов России». По словам Игоря Баринова, отношение к языку – это отношение к себе, к своим предкам, к тому, что ты передашь потомкам. Но все равно десятки языков надо спасать срочно. И это не только российская проблема, а мировая. Не зря ООН объявила 2019-й Международным годом языков коренных народов. У нас уже запланировано 70 мероприятий общероссийского уровня и сотни региональных. При этом список каждый день растет. Но и 2018-й прошел у нас под знаком радикальных реформ на уровне новых законов и указов Президента. Потому что без участия государства поддержка языков малоэффективна. Дальше откладывать было нельзя – *на полторы сотни языков у нас примерно столько же проблем* (выделено автором. – Н. М.): урбанизация, глобализация, снижение количества часов изучения, катастрофическая нехватка кадров, учебников и методичек, стремительное сокращение числа носителей, падение

престижа родного языка, забюрократизированность, отсутствие мотивации, недостаточное финансирование СМИ... В конце концов, изучать родной язык стало «не модно». Словом, есть чем заниматься. И заниматься срочно [12].

В новейших отечественных научных публикациях по проблемам государственной языковой политики достаточно широко представлены и критические суждения, и перспективные предложения.

Подчеркивая, что языковая политика может осуществляться сознательно или стихийно, В. Алпатов пишет: «В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению русского языка и вытеснению малых языков, чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет» [2].

Эксперты, ученые, видные общественные фигуры практически единодушны в том, что нормативно-правовые основания языковой политики в сегодняшних российских условиях нуждаются в систематизации и приведении в соответствие с запросами и вызовами социально-коммуникативной и культурно-языковой динамики.

Так, в итоговом документе, который был принят первым съездом Общества русской словесности (Москва, 25–26 мая 2016 г.), в первоочередном порядке постановлено – «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики в условиях глобализации» [6].

Предлагаемые меры содержат набор шагов, направленных по преимуществу на создание корпуса текстов законодательного и доктринально-стратегического плана. Это принятие федерального закона об основах государственной языковой политики, который был бы избавлен от недостатков существующих правовых документов, которым присуща «некая декларативность, выхолощенность, излишняя стандартность, обобщенность, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечеткость формулировок, которые сложно толковать и тем более применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона», а в ряде положений – и совершенное отсутствие «какого-либо юридического смысла» [10, 2].

Это также выдвинутая правоведами из Санкт-Петербургского университета инициатива, связанная с разработкой концепции государственной языковой политики РФ, упор в котором делался бы не только на интерлингвальные предметы регулирования (на взаимодействие этнических идиомов в рамках общероссийского языкового

многообразия), но и на интралингвальные – связанные с функционированием русского языка как государственного языка страны – аспекты. «Современному государству следует задумываться не только о межнациональном общении, – пишут эти авторы, – сегодня эта проблема в Российской Федерации стоит не столь остро, – но и о коммуникации между разными социальными группами. Только такая социальная солидарность позволит успешно развиваться нашему обществу» [2]. Своевременность обсуждения этого тематического ракурса не только не вызывает каких-либо сомнений. Напротив, она обладает насущнейшим, остроактуальным смыслом. Риски состоят не столько в том, что русский язык в каких-либо сферах функционирования может замещаться другим конкурирующим инструментом коммуникации в лице этнических идиомов из числа (миноритарных *de facto*) языков народов России. Более, вероятно, серьезные риски связаны, в частности, с перспективами критической фрагментации его стилистических систем, с крайней увлеченностью политиков и чиновников менеджерским или корпоративным социолектами, управленческими сленгами, состоящими из преимущественно англоязычных лексем – этими субкодами технократического «новояза» в его новейших изводах.

Вместе с тем, большинство звучащих в этой области предложений сфокусировано преимущественно на нормативно-правовой стороне языковой политики – на систематизации законодательной базы, ее совершенствовании, на ее приведение в состояние, которое в большей мере отвечало бы меняющимся условиям социально-коммуникативных ситуаций. Основным предметом внимания здесь выступают статусные характеристики языков, а властно-управленческие решения сфокусированы на актах и процедурах (неизбежно – дискретных), которые бы устанавливали соотношение между правовыми категориями «родной язык» и «государственный язык».

В то же время достаточной артикуляции не получают многие стороны языковой политики, остающиеся за рамками концептуализации на уровне имеющихся достижений в научных разработках проблематики социолингвистики и политической лингвистики. Иными словами, без реальной имплементации остается ключевое положение федерального закона «О языках народов Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ) – ст. 4, п. 3: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» [9].

Новые перспективы формулирования методологических оснований и практического осуществления языковой политики в России подлежат осмыслению в контекстах, образующихся в связи со стратегическими ориентирами «гражданско-политического националстроительства и этнокультурного развития российских национальностей» [8]. В данном случае уместно обратить внимание прежде всего на моменты, непосредственным образом относящиеся к расширению и укреплению научно-исследовательского и информационно-аналитического базиса в этой области.

Прежде всего, межотраслевой характер самого объекта властно-управленческого воздействия – политико-языковых отношений в российском обществе – определяют потребности кросс-дисциплинарного взаимодействия специалистов из области языкознания (социолингвистики – в первую очередь), с одной стороны, и социологов, правоведов, этнологов и антропологов, экономистов, политологов, педагогов, и всего спектра социально-гуманитарного знания, с другой стороны. В содержательном плане это вызвано назревшей необходимостью отойти от доминирующих сегодня представлений о языковой политике, в основе которых лежат подходы, определяемые нормативизмом и, соответственно, этатизмом как определяющими способами понимания предмета. Говоря по-другому, языковая политика видится по большей части как дело государства и дело, которое может быть успешно проведено в жизнь посредством законодательных решений и регламентирующих процедур, всем тем, что подпадает под категорию политико-лингвистического «дирижизма».

Имеет смысл белее внимательно приглядеться к разработкам зарубежных (европейских) специалистов, исследующих языковую политику. Там представлены, во-первых, диверсифицированные категориальные средства – как «языковая политика», так и «языковое культивирование», «языковой менеджмент», «языковой инжиниринг», «языковое обустройство», «глоттополитика» [см., например: 4]. Во-вторых, речь идет о том, что в сегодняшних условиях, когда речь идет о «четвертой волне» исследований языкового планирования и языковой политики, аналитические фокусы начинают смещаться на новые предметы, в частности, на практику политико-языкового регулирования не только на макроуровнях, но и на микроуровнях; на многообразный состав акторов, а не только на правительственные структуры и другие полномочные институты централизованного порядка [см., например: 12, 13]. Политико-правовой режим языкового регулирования, изменившийся в 2018 г. с принятием известных поправок в российском законодательстве

об образовании, по существу, начинает вовлекать в разряд таких акторов не только руководителей и работников образовательных учреждений, но и родителей обучающихся [7]. Исследовательская повестка по всему тематическому спектру языковой политики без соответствующих пунктов неизбежно будет не полной.

Далее, расширение инструментов концептуализации в этой исследовательской сфере не приведет к искомым эффектам, если сохранится нынешняя информационная недостаточность и труднодоступность соответствующих социолингвистических описаний на основе сводимых данных и методик. Добротные академические издания сегодня составляют скорее не правило, но исключения [см., например: 10].

В целом контексты нациестроительства в современных российских условиях, как можно было бы предположить, предполагают поиски новых подходов не только к институциональным аспектам языковой политики, но к ее инфраструктурным основаниям. Речь, скорее, может вестись не о создании какого-то органа исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, но о конструировании сетевых структур. Возможно, следовало бы отдельно рассмотреть возможность реконтекстуализации терминологии «языкового строительства». В отличие от богатого и поучительного отечественного опыта 20–30-х годов в этой сфере, в сегодняшних обстоятельствах приоритеты включают уже не столько мероприятия по «планированию корпуса» миноритарных языков (практики «коренизации», «ликбеза» и проч.), но об использовании современных информационно-коммуникационных технологий.

Исследовательское сообщество, специализирующееся в проблематике российской языковой политики, могло бы с немалой пользой обсудить возможности новейшей версии «языкового строительства» на основе современных приемов сбора, обработки и изучения социолингвистических данных. Это, вне всякого сомнения, расширило бы познавательный потенциал научных работ и практических рекомендаций в области модернизации политико-языкового регулирования.

Научная, экспертная, проектная инфраструктура в области культивирования языков, их сохранения, изучения и развития при этом получала бы шансы на системный организованный характер, включая научно-организационные составляющие, прикладные разработки и, что особенно принципиально, моделирующие подходы к составлению федеральных и региональных программ «языкового обустройства». Эти программы нуждаются в развороте от подходов, ориентированных на мероприятия

и PR-эффекты, в сторону создания современных предпосылок для продуктивных решений и действий. Это и описания социолингвистических ситуаций и состояний, и поиск новых научно обоснованных обучающих методик, и подготовка академических проектов кодификации языков народов России, и электронные лексикографические ресурсы, письменные корпуса языков, системы машинного перевода, и многое другое.

В этой области имело бы смысл адаптировать к отечественным условиям имеющиеся в мировой науке и практике позитивные результаты. В частности, в англоязычном академическом пространстве выходят десятки научных журналов, либо исключительно специализирующихся в изучении языкового планирования и языковой политики, либо содержащих соответствующие рубрики. Другой пример – в Китае созданы «беспрецедентные по своему объему компьютерные базы данных письменных памятников, многочисленных китайских диалектов и десятков языков народов КНР», издается ежегодник «Языковая ситуация в Китае», проводится последовательный курс на информатизацию языкового многообразия, его оцифровки [5].

Кроме неизмеримо возросших возможностей в накоплении многообразных социально-лингвистических данных и методик, сетевые технологии предоставляют поистине исторический шанс – минимизировать издержки бюрократизации.

Литература

---

1. *Алтов В.* Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 175.
2. *Белов С.А., Корпачев Н.М., Соловьев А.А.* Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 42–61.
3. *Горячева М.А.* Законодательство о языках народов Российской Федерации в сфере образования: современное состояние и перспективы // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения. М.: Языки народов мира, 2018. С. 187–192.
4. *Гришаева Е.Б.* Языковая политика // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, 2011. С. 812.
5. *Завьялова О.И.* Лингвистическая мозаика Китая. Как в Поднебесной изучают и сохраняют языки малых народов // Независимая газета. 2018. 27 ноября.

6. Резолюция Первого Съезда Общества русской словесности // Патриархия.ру. 13 июля 2016 г.
7. *Тишков В.А., Степанов В.В.* Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879–890.
8. *Тишков В.А.* Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей // Независимая газета. 2018. 27 февр.
9. Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации». М.: ИНФРА-М, 2003. С. 5.
10. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 845, 846.
11. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник, 2015. С. 79–97.
12. Discursive Approaches to Language Policy / Ed. by E. Barakos and J.W. Unger, 2016. P. 11–17.
13. The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / Ed. by J.W. Tollefson and M. Perez-Mlans. Oxford: Oxford University Press, 2018. 754 p. [Электронный ресурс] URL: https://www.kp.ru/daily/26909.7/3954443/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

М.А. Омаров (Москва)

*доктор политических наук, директор Учебно-научного центра изучения этнополитических и этнокультурных процессов
Российского государственного гуманитарного университета
omarovm@list.ru*

К вопросу о роли институтов гражданского общества в сохранении межэтнического мира

Говоря о роли институтов гражданского общества в разных общественно-политических процессах, в нашем конкретном случае – в сохранении и укреплении межэтнического мира и гражданского согласия, определимся с ключевыми понятиями «гражданское общество» и «институт гражданского общества».

Гражданское общество – это сфера и состояние общества, где и когда человек является высшей ценностью с соблюдением, в первую очередь, его прав и свобод, с естественным проявлением гражданской самоорганизации, формированием ассоциаций и организаций, способствующих снижению прямого вмешательства и регулирования властно-государственными структурами частных и общественных интересов граждан, но находящихся в тесной взаимодействии с государственными институтами.

Признаками гражданского общества, по относительно устоявшему мнению, являются: наличие в обществе свободных владельцев средств производства; развитая демократия; правовая защищенность граждан; определенный уровень гражданской культуры; высокий образовательный уровень населения; наиболее полное обеспечение прав и свобод человека; самоуправление; конкуренция образующих его структур и различных групп людей; свободно формирующиеся общественные мнения и плюрализм; сильная социальная политика государства; многоукладная экономика; большой удельный вес в обществе среднего класса.

Важнейшей характеристикой гражданского общества является достижение существенного уровня самоорганизации

и саморегуляции общества. Соответственно, организованные сообщества людей или социально-политических групп, способные реализовывать определенные цели и задачи, стоящие перед ними и обеспеченные необходимыми ресурсами для достижения поставленных целей и задач, мы соотносим с институтами гражданского общества.

Таковыми являются, например, политические партии и правозащитные организации, общественные движения и неправительственные организации, общероссийские и региональные общественные палаты, этнокультурные организации, местное самоуправление.

По тем признакам и характеристикам, которые мы отметили выше, мы видим, что гражданское общество современной России не в полной мере соответствует указанным критериям. К примеру, низкий уровень самоорганизации и саморегуляции общества, так же как и небольшой удельный вес среднего класса и недостаточный уровень развития демократических процедур, позволяют говорить лишь о развивающемся гражданском обществе в России.

В этих условиях в России власти всех уровней стали проявлять заинтересованность в диалоге с представителями гражданского общества где-то с 2001 г., с момента подготовки и проведения Гражданского форума в Москве. По словам активного представителя «третьего сектора», сформировался ограниченный пакт о ненападении и возникли каналы коммуникации с верховной властью. С этого времени пошел инициированный сверху процесс создания различного рода структур в регионах, предназначенных для налаживания постоянного диалога между обществом и государством (общественные палаты, общероссийские и региональные «гражданские форумы» и др.).

Говоря о роли институтов гражданского общества в этнонациональной проблематике, мы должны отметить существенные различия, выявленные академиком В.А. Тишковым, который подчеркивает, что для изучения роли институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений и этнокультурного развития не является принципиально важным определение как сущности гражданского общества, так и степени его зрелости. В частности, это не имеет принципиального значения для формулирования и конструирования общественно-государственной доктрины о понимании российского народа как полиэтничной гражданской нации.

Хотя мы уделили достаточно внимания для выявления сути собственно гражданского общества и его институтов, для нашего исследования имеют значение лишь те институты гражданского

общества, которые способны повлиять на характер и состояние межэтнических отношений в таком полиэтничном государстве, как Россия, где по данным переписи 2010 г. проживают представители 193 национальностей.

В этой связи отметим, что ярким примером специфической роли институтов гражданского общества в сохранении и укреплении межэтнического мира является Республика Дагестан, где проживают представители 32 автохтонных народов, которая в определенной степени является модельной площадкой для отработки некоторых практик взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

С начала активных взаимоотношений России и Дагестана в XVII–XVIII вв. русскими историками и этнографами был введен термин «вольные общества», которых насчитывалось более 60, которыми обозначались объединения сельских общин, сохранявших независимость от соседних феодальных владетелей (ханов).

Мы находим схожесть дагестанских вольных обществ с вольными городами Германии XIV–XV вв., которые освободились из-под власти сеньора и приобретали почти все права государственной и общественной жизни.

Главную же роль в дагестанских вольных обществах в экономической и политической жизни играл джамаат – общественная сходка. Это был своеобразный аналог современного гражданского общества. Джамаат в переводе с арабского – общество, коллектив, община. Первоначально джамаат употреблялся в мусульманских странах без особой религиозной окраски, хотя в последнее время джамаатами стали называть исламские территориально-этнические объединения (отряды, группы), которые создаются для ведения подпольной вооруженной террористической деятельности (джамаат Шариат (Дагестан), джамаат Галгайче (Ингушетия), джамаат Ярмук (Кабардино-Балкария) и т. д.). Схожие образования мы наблюдаем в Чечне и Ингушетии, такие как тейпы и тухумы, во главе которых стоял совет старейшин тейпа.

Джамааты, тейпы, тухумы были и остаются важнейшим институтом организации низового самоуправления, который функционировал достаточно эффективно даже в советский период истории страны. Хотя в советский период иные формы самоорганизации не приветствовались, но по сути своей все вопросы, касающиеся тех или иных сторон жизнедеятельности людей, без учета мнения сельской общины не решались.

Во время недавнего конфликта вокруг подписания договора об административных границах между руководителями Чечни

и Ингушетии мы наблюдали, какую роль может играть совет старейшин тейпа, когда было объявлено об изгнании из соответствующего тейпа депутата от парламента Ингушетии, который проголосовал за подписанный договор.

На наш взгляд, эти устойчивые низовые организации, сформированные по территориально-родственному признаку, были и остаются важнейшим институтом горского гражданского общества, хотя горские общества имели другую структуру и характеристики, чем гражданское общество в современной интерпретации. Мы можем говорить здесь об аналогичных функциях по самоорганизации различных групп населения.

В большинстве регионов России также существуют подобные институты самоуправления, соответствующие определенным обычаям и традициям, которые могли бы способствовать сохранению межэтнического мира (например, кочевые думы у бурятов и калмыков и т. д.).

Традиционные институты, сформированные у тех или иных народов, и сейчас имеют существенное влияние на жизнь их представителей. И вряд ли стоит отказываться от действенных норм социальной регламентации, способных оказать влияние на сохранение межэтнического мира и согласия.

Как подчеркивает академик В.А. Тишков, «...отказываться от традиционных регуляторов, и особенно в некоторых регионах нашей страны и в некоторых аспектах нашей жизни, не следует. Я бы, наоборот, признал, поддержал и встроил их в систему управления. Признание со стороны государства правового плюрализма, т. е. сочетания централизованного закона и обычного права – это и есть единое правовое пространство. Единое правовое пространство не означает унифицированного правового пространства. Такое государство является действительно эффективным, более умным и более чувствительным к сложному составу населения нашей страны»¹.

Представляется важным подчеркнуть, что резкие трансформации, которые имеют место быть в постсоветский период в жизни народов России в социально-политической, экономической и духовной сферах, требуют серьезного осмысления существующих проблем формирования гражданского общества и его специфики в полиэтничных сообществах. Те множественные идентичности, существующие в Дагестане, ни в коей мере не мешают представителям всех народов, населяющих республику и разговаривающих на разных языках, ощущать себя и дагестанцами, вместе с тем, не отрицая свою принадлежность к аварцам, лакцам, кумыкам, азер-

байджанцам, чеченцам, даргинцам, русским, лезгинам и другим этническим группам Дагестана.

Как говорил поэт Расул Гамзатов, «в Дагестане я аварец, в Москве – дагестанец, а за границей – русский». И эта формула, существующая и реализованная в Дагестане, подчеркивающая, что «аварскость» не отменяет «дагестанскости», аналогична тому, что «россиянство» не отменяет «татарскости» или «русскости», и которая должна помочь в формировании российской политической нации, тем самым сохраняя и укрепляя межнациональный мир и гражданское согласие в стране.

Еще одним важным институтом гражданского общества, который может повлиять на сохранение и укрепление межэтнического мира, являются национально-культурные автономии, которых в стране насчитывается более 400. Такие национально-культурные институции могут стать влиятельными акторами политического процесса как на федеральном, так и на региональном уровнях. Хотя в политической практике власть не в полной мере пользуется возможностями таких организаций в формировании государственной этнонациональной политики.

Необходимо отметить, что власть в значительной мере пытается использовать весь потенциал организаций, способных непосредственно повлиять на межэтнические взаимоотношения в стране.

Это непосредственно связано с принятием и утверждением Стратегии государственной национальной политики. Яркой иллюстрацией такого отношения государства к рассматриваемой проблематике является введение института заместителя главы субъекта РФ, непосредственно отвечающего за состояние дел в межнациональной сфере. После успешной реализации такой нормы закона Президент Российской Федерации дал поручение от 27 августа 2017 года «рекомендовать органам исполнительной власти субъектов РФ обеспечить определение органами местного самоуправления должностных лиц, ответственных за реализацию государственной национальной политики на территории муниципальных образований».

Даже не обращаясь к закрытым и открытым статистическим данным по изменению конфликтогенности в межэтнических взаимоотношениях, мы видим резкое снижение освещения в СМИ конфликтной межэтнической тематики, какую мы наблюдали во время событий на Манежной площади в Москве, в Кондопоге, в Сагре и других регионах, когда конфликту, начинавшемуся зачастую как правовой или бытовой, сразу придавали окраску именно

межнационального, «блага» есть организации типа ДПНИ и других, которые готовы использовать такого рода события в своих узкокорыстных политических и иных целях.

Нам представляется, что это во многом связано с введенным институтом заместителей глав субъектов Российской Федерации по межнациональным отношениям. Адресная работа со СМИ, представителями полиции и миграционной службы, активистами и руководителями этнических диаспор, в том числе и работа на упреждение конфликтных ситуаций, регулярный мониторинг состояния межэтнических взаимоотношений в каждом регионе и в мегаполисах – все это должно способствовать положительному результату в вопросах снижения межэтнической напряженности и предотвращения конфликтов на этнической почве.

Все более возрастающую роль в этнонациональных политических процессах начинают играть этнические диаспоры. Во многих этнических диаспорах их лидеры не всегда ведут конструктивную политику, направленную на поддержание межэтнического мира, зачастую этнические диаспоры используются их лидерами для решения задач, далеких от насущных проблем членов диаспор, но, тем не менее, их потенциал представляет несомненный интерес и возможный ресурс при определенных правилах и взаимоотношениях с властью. Как для властных структур, так и для диаспор.

Этнические диаспоры и религиозные объединения, как, впрочем, и другие институты гражданского общества, должны решать двудеятельную задачу: с одной стороны, защищать интересы «подопечных» социальных групп и, с другой стороны, согласовывать эти интересы с интересами других социальных групп. К сожалению, сейчас они занимаются главным образом решением первой задачи.

Диаспоральные и религиозные группы создаются в первую очередь для того, чтобы оказывать содействие и помощь тем людям, которые являются носителями общих с группой маркеров интересов. Поэтому использование их потенциала зачастую играет положительную роль в предотвращении и урегулировании конфликтов. Такая группа заинтересована в своем экономическом и политическом благополучии и старается найти компромисс в спорной ситуации.

Будучи непосредственно связанными с решением всех вопросов, касающихся той или иной этнической общности (культурных, бытовых, правовых и др.), лидеры и представители диаспор и религиозных организаций обладают большей степенью влияния, чем другие государственные или общественные институты. Однако для многих лидеров часто личные и групповые интересы оказываются более важными, чем интересы общественные и государственные.

Безусловно, миротворческий потенциал данных общественных институтов является высоким. Как этнические диаспоры, так и религиозные объединения принимают непосредственное участие в процессе этнической и религиозной идентификации. Основными целями деятельности данных институтов гражданского общества является сохранение этнической или религиозной идентичности представителей той этнической или религиозной группы, интересы которой они представляют.

Но, тем не менее, часто происходят ситуации, отмеченные В.А. Тишковым: «группа людей, объединенных в национально-культурную автономию, пытается представить интересы всего народа. Между тем в подобных организациях трудно предусмотреть демократические процедуры выборов. Поэтому организации, национально-культурные автономии говорят и пишут о том, чего могут не разделять тысячи и десятки тысяч представителей народа. Из-за этого зачастую возникают конфликтные ситуации, чреватые серьезными последствиями в полиэтнических регионах»².

Другой известный эксперт в этнонациональной политике, профессор В.А. Ачкасов пишет: «Власти не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав граждан на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности»³.

Одной из мер, посредством которой данные структуры могли бы способствовать установлению межнационального мира в стране, является транслирование не только этнических или религиозных ценностей, но и общечеловеческих (ценностей добра, справедливости, участия, отзывчивости и др.) и ценностей, формирующих национальное единство, уважение к государству, его конституционным принципам, государственной символике, выстроенной в государстве системе правопорядка, судебной системе и др.

Появление в разных регионах общественных групп, требующих реализации конституционных принципов прав и свобод и готовых к участию в уличных протестах, свидетельствует о существенных изменениях, которые происходят в последнее время в общественном сознании. То, что эти группы самоорганизовались с определенной целью, – это свершившийся факт.

В отличие от Европы и США, где институты гражданского общества устоялись и имеют свой опыт участия в разрешении межэтнических противоречий, российская специфика требует,

кроме учета европейского и американского опыта, применения механизмов и взаимодействия институтов гражданского общества и власти, учитывающих, в том числе, и традиционные для отдельных регионов практики.

Почти во всех регионах Российской Федерации эти национально-культурные организации (или этнические диаспоры) зарегистрированы и функционируют. Хотя зачастую их роль не всегда конструктивна, эти институты способны при активном сотрудничестве с государственными и общественными организациями играть позитивную роль в сохранении и укреплении межэтнического мира и достижения гражданского мира и согласия в стране.

Примечания

---

¹Тишков В.А. Джамааты – тоже часть гражданского общества. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ansar.ru/person/2011/2/21/11834>

²Тишков В.А. О роли институтов гражданского общества в сохранении межэтнического мира и согласия в нашей стране // Материалы семинара «Роль институтов гражданского общества в снижении межэтнической напряженности: проблемы и перспективы» по итогам социально-значимого проекта «Гражданские инициативы и миротворческий потенциал институтов гражданского общества в предупреждении межэтнических конфликтов и обеспечении гражданского согласия в России», реализованного Фондом этнополитических исследований «Континент» на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03.2013 г. № 115-рп, и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. [Электронный ресурс] URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=399>

³Ачкасов В.А. Этнополитическая ситуация в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статья в сборнике «Этнополитическая ситуация в Российской Федерации, Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Северный Кавказ, Поволжье, Республика Карелия, Республика Коми, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия). Сборник экспертных докладов». [Электронный ресурс] URL: <http://www.ethnopolitics.ru/>

Н.В. Полякова (*Санкт-Петербург*)
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и философии политики
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета
belnata70@yandex.ru*

Феномен гражданства и проблема формирования национальной идентичности: новые тенденции

Сегодня мы являемся свидетелями возникновения новых тенденций в развитии института гражданства как центрального звена отношений между государством и индивидом. Эти тенденции тесно взаимосвязаны с современными перспективами самого национального государства и могут быть комплексно проанализированы не только в политико-правовом ключе, но также в политико-философском и политико-антропологическом контексте.

В первом известном определении понятия «гражданин», которое встречается в трактате «Политика» древнегреческого философа Аристотеля, этот феномен связывался с активным политико-правовым состоянием, т. е. с гарантированным статусом свободного человека возможностью участия в жизни государства через отправление законосовещательных и судебных функций: «...гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав»¹. Таким образом, античный город как совокупность граждан «...вменяет индивиду определенную идентичность, в рамках которой тот может реализовать себя, а может и нет»². Ибо «...не всякий хороший человек в то же время является гражданином, но гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими»³. Таким образом, в контексте классической традиции контуры института гражданства изначально сужались до пределов жестко нормированного пространства

политико-культурной идентичности и ограничивались соответствующими этико-политическими критериями.

Современная же версия гражданства как специфического способа взаимодействия между государством и индивидами, возникшая уже в условиях Модерна, изначально была тесно связана как с новой концепцией государства, так и с понятием суверенитета в качестве его принципа и субстанции. Эта теория, отвечавшая в тот исторический период социальным запросам на образование единых светских национальных государств, будет впредь совершенствоваться «от Гоббса к Руссо, от Локка к Монтескье», постепенно очищаясь от абсолютистской оболочки и наполняясь модернистской спецификой трактовки суверенитета и легитимности власти, в рамках которой государственный суверенитет произведен от народа. В этом контексте феномен гражданства, понимаемого как устойчивая политико-правовая связь между лицом и государством, оказался опосредованным принципом государственного суверенитета, а также практикой его реализации. С гражданством связаны как правовой статус личности, так и юрисдикция государства, предполагающая ответственность лица перед государством, т. е. содержательно гражданство представляется как комплекс прав и обязанностей, установленных каждым конкретным государством.

Но к этому определению традиционно добавляют еще один ракурс феномена гражданства: в основу данной связи между государством и индивидами положен факт социальной общности, солидарности сосуществования, обоюдных интересов и чувств, объединенных взаимностью прав и обязанностей личности и государства. Хотя в реальности существуют не одна, а, как отмечает российский исследователь В.С. Малахов, «...две основные перспективы, из которых принято рассматривать феномен гражданства. Это перспектива солидарности и перспектива конфликта»⁴. Если первая перспектива (перспектива солидарности) избирательно акцентирует внимание на принадлежности индивидов некоей политической общности и описывает феномен гражданства через категории «интеграция», «идентичность», «принадлежность», «сплоченность», то вторая перспектива (перспектива конфликта), делающая акцент на неравенстве и отказе некоторым категориям населения в доступе к определенным политическим правам и социальным благам, тем самым позволяет «...анализировать механизмы включения и исключения, лежащие в основе феномена гражданства»⁵. Ибо условием возможности самого этого института является наличие наряду с гражданами не граждан, наряду с обладателями прав – тех, кто их лишен или только может попытаться

на них претендовать на тех или иных основаниях. С одной стороны, гражданство является основанием права на получение защиты со стороны своего государства, но, с другой, оно выступает в качестве инструмента защиты прав и интересов самого государства.

Подобная практика исключения «инаковых», разделения населения на граждан и не граждан на протяжении многих десятилетий повсеместно продолжала сохранять свое значение в самых необычных формах и пропорциях, опровергая тем самым некоторые излишне оптимистические установки просвещенческого прогрессизма, ориентированного на гегелевский прообраз «конца истории». Социально-экономическая и политико-правовая реальность новоевропейского развития оказалась намного менее оптимистичной и более конфликтной, чем предполагаемая теоретиками Просвещения прогрессистская схема исторического движения общества. История европейских государств за последние столетия демонстрирует тот несомненный факт, что основные права в их исторической очередности приобретения (цивильные-политические-социальные) не только с трудом отвоевывались в результате изменения соотношения социально-политических сил, но и впоследствии оказывались под угрозой постоянного пересмотра, а при определенных политических условиях даже подвергались открытой деформации. Вследствие этого в социогуманитарном дискурсе XX столетия возникло такое понятие как «режимы гражданства», которое методологически позволяло отойти от упрощенного эволюционизма в понимании феномена гражданства и представить все его конкретные ракурсы и контексты.

В целом в условиях глобализации можно зафиксировать новые аспекты функционирования как самого института гражданства, так и концептуальных парадигм его исследования, которые стремятся соответствовать современным реалиям данного института. Вторая половина XX в. стала эпохой возвышения и гегемонизации на мировом уровне принципа «прав человека», включая и «право на идентичность» или «право на сохранение культуры». Данный процесс обеспечивается не только институционально и нормативно, но и закрепляется идеологически через соответствующие каналы: систему образования, сетевые интеллектуальные сообщества, средства массовой информации и т. д. На современном этапе носителями прав все чаще начинают объявляться и выступать в реальности не граждане государства, а изолированные субъекты или «сообщества идентичности», интересы которых зачастую не совпадают с интересами национальных государств. Таким образом, в международном плане возникает своеобразная антиномия госу-

дарственного суверенитета и прав человека, которая периодически принимает достаточно одиозные формы, вплоть до международных вооруженных конфликтов и региональных войн. Например, известный французский философ и публицист Б.-А. Леви в своей статье во французском новостном журнале «Point», посвященной событиям в Ливии в 2011 г., утверждал, что «...ливийская война положила конец давнему представлению о суверенитете, при котором все преступления дозволены при условии, что они совершаются внутри границ одного государства. И эта же война породила идею всеобщности прав человека, являющуюся не просто благим пожеланием, но священной обязанностью»⁶.

В результате постепенного стирания грани между гражданами и не гражданами гарантом прав начинают все активнее выступать не национальные государства, а международные инстанции: в современных условиях развития интеграционных процессов существует целая сеть международных и региональных межправительственных организаций, которые занимаются вопросами гражданства (например, Европейский суд по правам человека). Соответственно, если ранее гражданство регулировалось исключительно нормами национального права, то в условиях глобализации все большее воздействие на содержание гражданства и на защиту прав человека стало оказывать международное право. При этом противоречия между национальным законодательством различных стран, которое регулирует вопросы гражданства, являются объективной причиной выделения нескольких наиболее проблемных, наиболее трудно поддающихся регулированию в практике международных отношений аспектов гражданства, связанных с вопросами безгражданства (апатриды), многогражданства (бипатриды), гражданства в связи с правопреемством государств и дипломатической защитой граждан. Национальное законодательство действительно не в состоянии эффективно решать эти проблемы, поэтому государства обращаются к международно-правовым механизмам, например, к разработке международных договоров и их последующему заключению, которые как прямо, так и косвенно регулируют отношения гражданства. Принятая в рамках Совета Европы Конвенция о гражданстве 1997 г., по мнению многих исследователей, является первым многосторонним международным договором, комплексно регламентирующим различные вопросы гражданства, поскольку более ранние международные договоры касались лишь отдельных его сторон⁷.

Таким образом, в современных условиях принято выделять внутригосударственный институт гражданства и международ-

но-правовой институт гражданства, которые активно взаимодействуют в различных формах друг с другом. Характерным для них является наличие ряда общих норм, в частности, тех, которые имеют общепризнанное значение, но граница между ними непостоянна и имеет тенденцию смещаться в пользу сферы международно-правового регулирования отношений гражданства: общепринято уже, что состояние дел с соблюдением прав и свобод человека в том или ином государстве может быть предметом международной защиты⁸. При этом международно-правовое воздействие на содержание гражданства проявляется в двух основных формах: в некоторых случаях международные договоры закрепляют непосредственные права и обязанности физических лиц, т. е. они адресованы непосредственно индивидам, а в других – международные договоры обязывают государства привести свое законодательство в соответствие с их положениями. Соответственно, первая форма воздействия может быть определена как непосредственное регулирование соответствующих отношений, а вторая предстает как унификация национального законодательства о гражданстве, осуществляемая при помощи международных договоров.

Таким образом, с политико-правовой точки зрения, в эволюции феномена гражданства сегодня наблюдается тенденция отказа от понимания гражданства как соотносимого только с национально-государственным уровнем. Как комментирует эту ситуацию французский социальный антрополог К. Неве, «...в силу своей эксклюзивной и всеохватывающей логики, скалярное мышление порождает эксклюзивную идею о самом гражданстве, словно по природе связанном с государством как единственным производителем идентичности, принадлежности и обязательств. Критический анализ подобных концепций является в подобном случае предпосылкой для понимания всей сложности проблемы гражданства и разновидности мест, уровней и пространств, где оно создается и действует»⁹. На современном этапе можно говорить о несовпадении границ государства и гражданства, приводящем к смещению фокуса реальной политики в области гражданства с разнообразия субъектов на разнообразие уровней и форм, а также мест и пространств его «производства». При этом процесс смещения проблематики гражданства с уровня национального государства развивается в двух направлениях.

Во-первых, данная проблематика постепенно смещается на наднациональный или *региональный* уровень (например, гражданство ЕС). Новый виток региональной интеграции в политических,

социальных и правовых взаимоотношениях западноевропейских государств открылся Маастрихтским договором о Европейском Союзе 1992 г., в рамках которого был сделан беспрецедентный шаг архитекторов европейской интеграции – введение единого гражданства Европейского Союза, а Лиссабонский договор 2007 г., реформировавший ЕС, сохраняет этот институт уже в обновленном ЕС. Гражданство ЕС имеет международно-правовую природу, которая выражается в сохранении субсидиарного характера союзного гражданства по отношению к национальному гражданству государств-членов ЕС. Кроме того, анализ гражданства ЕС позволяет утверждать, что у граждан ЕС отсутствуют какие-либо обязанности перед Союзом, что противоречит классическому представлению о гражданстве, согласно которому оно не только наделяет лиц правами, но и требует от них ответственного отношения к общественным потребностям. Данная правовая конструкция наделяет граждан государств-членов, по сравнению с национальным гражданством, некоторыми дополнительными правами, что не только способствует расширению правовых гарантий лиц, но и имеет далеко идущие цели развития «европейской солидарности и идентичности» (политико-правовой феномен, ранее неизвестный в международном праве).

Во-вторых, можно констатировать смещение проблематики гражданства с уровня национально-государственного на уровень *локальный* (например, членство в социокультурных сообществах или так называемых «сообществах идентичности»), что делает проблему гражданства методологически доступной уже не только для политико-правового, но, в том числе, для *политантропологического* анализа. «Параллельно со все ускоряющейся интеграцией различных экономических структур в единую капиталистическую рыночную систему можно констатировать противоположное стремление к сегментации политических режимов и упрочнению локальных идентичностей»¹⁰, – констатировал известный социальный антрополог М. Годелье в своем выступлении в Исследовательском институте им. Фробениуса (Франкфурт-на-Майне). В качестве таких политантропологических предпосылок нового воплощения феномена гражданства можно выделить следующие: дополнение индивидуального участия в институте гражданства, где субъект права – индивид, коллективистским участием, где субъект права – различные сообщества идентичности; преобладание не социально-экономического, как ранее, а культурного компонента интеграции сообществ идентичности различного плана; а также явная «реинкарнация» религиозного компонента инте-

грации в «сообщества идентичности» в результате общемирового процесса десекуляризации, который мы повсеместно наблюдаем в последние десятилетия. Соответственно меняется и сам лексикон, связанный с гражданством, и в рамках его дискурса возникают абсолютно новые понятия: «сверхнациональное гражданство», «экономическое гражданство», «гендерное гражданство», «экологическое гражданство», «культурное гражданство» и т. д.

Параллельно этому смещению уровней по-новому расставляются акценты в понимании самих ракурсов бытия современного института гражданства: на первый план выходит мировоззренческий и нравственно-политический его аспекты. Ведь гражданство изначально имело два ракурса бытия: гражданство – это и статус (юридический ракурс), и одновременно участие, членство в жизни политического сообщества (политический и социокультурный ракурсы). Поэтому в настоящее время на парадигмальном уровне исследования феномена гражданства проблематика прав (доступ к политическим и социальным благам как объективная предпосылка практики гражданства) неизбежно дополняется проблематикой идентичности (самоидентификации) – участия индивида в политической общности, именуемой нацией, а значит, переживания им своей гражданской принадлежности нации, а также добровольно взятых на себя морально-политических обязательств, обусловленных этой принадлежностью, которые выступают как субъективные предпосылки практики гражданства.

Таким образом, институт гражданства в современном мире претерпевает глубокие трансформации, что обусловлено как новыми экономическими и социокультурными процессами, так и «коррозией» самого принципа государственного суверенитета. Наблюдая, фиксируя и анализируя эти изменения, необходимо учитывать все сложные ипостаси феномена гражданства, значимые, в том числе, в контексте проблематики формирования российской идентичности по модели гражданской нации.

Примечания

---

¹*Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 45.

²*Геллер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 19.

³*Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. С. 454.

⁴*Малахов В.С.* Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое

и институциональное измерение: сборник статей / под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. М.: КАНОН+: РООИ «Реабилитация», 2013. С. 7.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ *Леву Б.-А.* Мы в очередной раз убеждаемся, что диктаторы – это бумажные тигры // *Le Point*, 29 august 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inopressa.ru/article/29Aug2011/lepont/levy.html> (дата обращения 6.11.2018).

⁷ Европейская конвенция о гражданстве (Страсбург, 6 ноября 1997 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/901799763> (дата обращения 2.11.2018).

⁸ *Mendelson B.* Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network // *Review of International Studies*. 2005. Vol. 31. P. 61.

⁹ *Неве К.* Гражданство: непростой объект исследования для антрополога // Социальная антропология во Франции. XXI век / под ред. Е. Филипповой, Б. Петрика. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. С. 254.

¹⁰ *Годелье М.* Антропология сегодня нужна как никогда // Социальная антропология во Франции. XXI век / под ред. Е. Филипповой, Б. Петрика. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. С. 33.

П.В. Фадеев (Москва)

*кандидат социологических наук, научный сотрудник
ФНИСЦ Институт социологии РАН*

Репрезентация гражданской идентичности средствами массовой информации разных регионов России

Гражданская идентичность включает помимо лояльности государству отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые в связи с этим чувства. Она часто сравнивается с региональными и этническими, так как эмплитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Этническая идентичность понимается не только как самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений. В условиях глобализации этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую – современности. Сейчас эти идентичности в очень малой степени и для немногочисленных слоев являются конкурирующими, а для доминирующей части населения они совмещаются [1].

Согласно Ховланду, мнение человека может меняться, подвергаясь воздействию убеждающей коммуникации, обосновывающей необходимость принятия нового мнения. После распада Советского Союза многие жители в течение нескольких лет не могли определиться «кто они теперь». В 1992 г. по опросам Института этнологии РАН в Москве – столице государства, лишь четверть населения идентифицировал себя как россиянин [там же]. В последующие годы усилия властей через СМИ, сферу образования, учреждения культуры были направлены на объединение граждан

© Фадеев П.В., 2018

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01963-П «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии».

всех национальностей под общим именем «россияне». В результате с 90-х годов доля людей, отождествляющих себя с россиянами, выросла в несколько раз – в 2002 г. солидарность с образом «мы – россияне» выражали 63% населения [1]. В 2015 г. с россиянами себя ассоциировали уже 73% населения¹. Сформировавшись, российская идентичность стала ресурсом как для государства, так и для общества, формируя ответственность за судьбу страны, консолидируя людей, способствуя бесконфликтному сосуществованию.

Государственная политика сегодня строится вокруг гражданской нации, ставится масштабная задача каждый год увеличивать долю жителей, ассоциирующих себя с россиянами. Предполагается, что государственные телеканалы, интернет- и радио-ресурсы в эфире должны апеллировать к россиянам, а не к русским. В связи с этим требовалось выяснить, насколько межэтническая политика государства затрагивает сферу СМИ, в каких пропорциях федеральные и региональные ньюсмейкеры говорят о российской, региональной и этнической идентичностях.

Изучение динамики отображения различных видов идентичности в средствах массовой информации ранее осуществлялось Центром исследования межнациональных отношений ИС РАН. Мы продолжаем исследование данной тематики. Объектами изучения стали Астраханская, Калининградская и Московская области, республики Карелия и Саха (Якутия), Москва, Приморский и Ставропольский края. В качестве инструмента анализа использовалась «Медиа-логия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени. Она состоит из базы данных СМИ и автоматизированного аналитического модуля, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам за любой заданный период. В базу данных круглосуточно поступает более 26 000 СМИ: информагентства, газеты, журналы, радио, интернет и 92 млн источников соцмедиа².

Несмотря на усилия властей по укреплению *российской идентичности*, по данным 2016 г. в СМИ число упоминаний этнической идентичности («русских») немного превосходит упоминания гражданской («россиян») (631 000 против 538 000) (табл. 1). Говорит ли это о неэффективности политики в области СМИ? Не совсем. Обращения региональных СМИ к своей аудитории более узконаправленные: выходят на местных каналах, интернет-порталах, газетах. Соответственно, охват аудитории может отличаться в десятки и сотни раз – у одного сообщения, обращенного к россиянам, вышедшего на федеральном канале, число просмотров при прочих равных будет выше.

Таблица 1

Упоминания «россиян» и «русских» в СМИ
по России в целом

Объект Россия, все уровни СМИ 31.03.2015 – 31.03.2016	Идентичность	
По России в целом	россияне	русские
	более 538 000	более 631 000

Чаще всего россияне упоминаются в СМИ Москвы (23 000), Приморского края (3722) и Московской области (3292). Это объясняет политикой региональных властей в сфере СМИ, более акцентированной на общегражданской идентичности. В меньшей степени гражданская идентичность освещается в дискурсе СМИ пограничных, полиэтнических регионов: республик Карелия (1100), Саха (Якутия) (1068) и Астраханской области (689). С общероссийской гражданской идентичностью взаимосвязаны региональные идентичности (астраханцы, ставропольцы, якутяне и т. д.). Упоминание в СМИ региональных идентичностей, обозначающих причастность к «малой родине», не замещает, а дополняет российскую идентичность.

Практически во всех регионах прослеживается тенденция – *региональная идентичность* преобладает над двумя другими (гражданской и этнической) (разница 4–5 раз). Это объясняется тем, что, региональные СМИ в своих новостях чаще всего обращаются к населению региона: астраханцам, калининградцам, жителям Карелии и т. д. По числу сообщений с региональной составляющей лидируют Москва (более 114 000) с областью (более 19 000) и Приморский край (более 11 000). При этом не во всех регионах страны есть свое название для региональной идентичности. К жителям Астраханской области обращаются «астраханцы», к жителям Москвы – «москвичи». Но как обращаться к живущим в Карелии или Московской области? Термины «карельцы» (16 упоминаний) и «карьяла» (2 упоминания) явно не прижились и практически не употребляются. Русские жители республики нашли выход – называют себя «карелами», подразумевая статус жителя Карелии. При этом изначальное значение также не ушло и по-прежнему относится к представителям этого северного народа, давшего название республике. Жители Московской области иногда называют себя

«подмосковцами» (по крайней мере, так они порой обращаются друг к другу в интернете, если есть необходимость обратиться ко всем жителям области). С другой стороны, такие искусственные лингвистические новообразования с трудом приживаются и не поддерживаются средствами массовой информации. В связи с отсутствием исторически сформировавшихся понятий СМИ находят выход, обращаясь к аудитории как к «жителям Карелии» (7789 упоминаний), «жителям Московской области» (более 18 000) или «жителям Подмосковья» (920 упоминаний).

Интересным представляется пример республики Саха (Якутия). Политика главы республики Е.А. Борисова нацелена на объединение всех этнических общностей под единым названием якутяне. Примером может служить отрывок из поздравления главы республики с 9 Мая: *«Уважаемые якутяне! Дорогие ветераны войны и тыла! От имени руководства Республики Саха (Якутия) и от себя лично горячо и сердечно поздравляю вас с Днем Победы!..»*³ Данная политика показывает свою эффективность – якутяне (более 6000 сообщений) чаще фигурируют в медиаповодах, нежели якуты и русские. Об отсутствии сепаратизма в СМИ (по крайней мере, в широких проявлениях) говорит и тот факт, что якуты (1317) упоминаются реже, чем русские (5181), несмотря на большую представленность в составе населения региона⁴.

Этническая идентичность оказалась важнее региональной в двух русских приграничных регионах – Калининградской области и Приморском крае. В Астраханской области, Карелии, Якутии меньшая доля русского населения предопределила меньшее число этнически окрашенных медиаповодов. По числу обращений к этнической идентичности Приморский край (21 000) обходит Московскую область (19 000), расположившись на втором месте после Москвы (70 000). По всей видимости, близость к Китаю усиливает у населения региона этнические аспекты идентичности. Для русских Приморского края актуализируется противопоставление «мы-они», важно, чтобы их этническая идентичность не размывалась. Примечательно, что в полиэтничных республиках Саха (Якутия) и Карелия русские в СМИ упоминаются значительно чаще (в 3–4 раза) представителей титульных народов (якутов и карел).

Упоминания идентичностей по регионам России

Регион (главная роль, региональный уровень) 31.03.2015 – 31.03.2016	Идентичность		этническая
	российская	региональная	
Астраханская обл.	689	астраханцы – более 9000	русские – 3416
Калининградская обл.	1241	калининградцы – более 4000	русские – 5321
Карелия	1100	жители Карелии – 7789 карельцы – 16 карьялы – 2	русские – 5263 карелы – 1294
Москва	более 23 000	москвичи более 114 000	русские – более 70 000
Московская обл.	3292	жители Московской области – более 18 000 жители Подмосковья – 920	русские – более 14 000
Приморский край	3722	приморцы – более 11 000	русские – более 21 000
Ставропольский край	1995	ставропольцы – более 10 000	русские – 8067
Саха (Якутия)	1068	якутяне – более 6000	русские – 5181 якуты – 1317

Наибольшее влияние на повестку средств массовой информации оказывает политика местных властей. Содержание сообщений зачастую является отражением властного дискурса, который в большей степени ориентирует либо на общероссийскую, либо на региональную, либо на этническую идентичность. На число упоминаний идентичности влияет не столько центральное или окраинное расположение региона, сколько количество и активность местных СМИ. Исследование показало, что в региональных СМИ всех изученных субъектов федерации региональная и этническая (в основном русская) идентичности преобладают над государственно-гражданской. Федеральные СМИ, вещающие на всю Россию в своих сюжетах, используют понятия и «россиянин», и «русский», однако этническая идентификация упоминается ими несколько чаще. А если учесть помимо русских упоминания людей других национальностей, проживающих на территории России, то разница не в пользу российской идентичности только увеличится. Таким образом, происходит не «промывка мозгов» СМИ, насаждающих российскую идентичность, а естественный процесс адаптации к новому российскому обществу, к Новой России, как ее идентифицируют историки.

Примечания

¹ По данным «Второй волны» ИС РАН под рук. ак. М.К. Горшкова, весна 2015 г., n=4000.

² Информационно-аналитическая система «Медialogия». URL: <http://www.mlg.ru/>

³ Отрывок из поздравления главы Якутии Е. Борисова. URL: <http://ysia.ru/glavnoe/egor-borisov-my-rossiyane-nikogda-ne-zabudem-velikogo-podviga-sovetskih-soldat/>

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. якуты занимают первое место по численности в населении республики 466 492 (48,67%), на втором месте русские – 353 649 (36,90%). См.: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/

Литература

1. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. С. 218–220. [Электронный ресурс] URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf>

Е.В. Фролова (Казань)

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории Татарстана, археологии и этнологии
Казанского федерального университета
elenaieup@mail.ru*

Особенности интеграции женщин-мигрантов
в принимающее сообщество
в Республике Татарстан
(по материалам этносоциологического
исследования 2018 г.)

В исследовании приняли участие представительницы наиболее многочисленных групп мигрантов Республики Татарстан – узбечки, таджички, киргизки, проживающие в г. Казань. Общий объем выборочной совокупности – 300 человек. Было также проведено 20 глубинных интервью и 3 фокус-группы с женщинами – представительницами сообществ мигрантов.

Цель исследования – охарактеризовать особенности социальной идентичности, культурных и бытовых практик представительниц групп женщин-мигранток в иноэтничном окружении.

Анализ социальной идентичности опрошенных женщин показывает, что в наибольшей степени актуализированы конфессиональный аспект идентичности («мусульманка»), семейные роли («дочь», «жена») и гендерная идентичность («женщина»). Такое положение характерно в целом для всех исследуемых групп. Что касается групповых различий, то гражданский аспект идентичности («гражданка своей страны») характерен в большей степени для киргизок. Также у них в несколько большей степени выражен профессиональный аспект идентичности («представитель своей профессии») и гендерно-нейтральный («человек»). У таджичек в большей степени, чем у представительниц других изучаемых групп, актуализирована этническая и семейно-ролевая идентичность; у узбечек больше выражен гендерный аспект идентичности.

Главным этноинтегрирующим признаком является культура, на втором месте – язык. На третьем месте – «родная земля, природа».

Такие признаки как «историческое прошлое», черты характера» и «внешний облик» чаще выбирают опрошенные-киргизки.

В целом абсолютное большинство опрошенных отмечают, что не имеют сложностей в общении с местным населением.

44% узбечек, 26% таджичек и 15% киргизок отмечают, что у них есть подруги (друзья) среди местного населения (чаще это те люди, которые работают вместе с респондентами) (табл. 1).

Таблица 1

«На каком основании Вы можете сказать, что эти люди – Ваши друзья?», %

Повод для обращения	Узбечки	Таджички	Киргизки
Обращаюсь к ним в критической ситуации	4,5	7,7	6,7
Совместно проводим свободное время	11,4	7,7	40
Вместе работаем	75	76,9	40
Поздравляем друг друга с праздниками	9,1	7,7	13,3

Таким образом, среди женщин-киргизок больше тех, кто демонстрирует вовлеченность в более широкий круг социальных контактов с представителями местного населения (не просто вместе работают, а «проводят совместно свободное время»).

Качественные методы исследования позволяют констатировать наличие выраженной межгрупповой дистанции между принимающим населением (в первую очередь, русскими и татарами) и мигрантами, которая, по словам самих опрошенных женщин, выражается прежде всего в разнице культурных потенциалов. Чаще об этом говорят узбечки и таджички.

Из глубинного интервью: «Отличие проявляется в воспитании. Нас воспитывали намного строже, чем русских: “это не делай, так не делай...”. А русским все можно» (*таджичка, 20 лет*).

Из материалов фокус-групп: «...Вот молодежь (местная) меня разочаровала, так как они отделяют людей, не проявляют уважения к старшим, даже вот в общественных транспортах не видела, что

молодежь уступает место взрослым. А вот иностранцы уступают. Я как-то в начале даже удивлялась» (*фокус-группа, узбечки*).

«То, что у них воспитание совсем другое. Отличается от нашего. У нас в основном воспитание построжее. Девочек особенно воспитывают, а тут им все разрешают, им все дозволено» (*фокус-группа, таджички*).

Также опрошенные таджички и узбечки говорят о том, что не ощущают близости с татарами-мусульманами Республики Татарстан.

Из глубинного интервью:

«И: А ощущаете ли вы близость с мусульманами другой национальности?»

Р: С татарами – не особо. С мусульманами из Средней Азии – ощущаю. Из-за того, что заметно, что у татар даже исламские слова произносятся по-другому» (*узбечка, 20 лет*).

Из материалов фокус-групп: «Это про наш Таджикистан. Не носить короткое девушкам, это тоже контролируется религиозными нормами. Распитие алкоголя. Общие понятия: курение, не спать до свадьбы, алкоголь, по религиозным понятиям нельзя выщипывать брови. У нас это есть в городе. В Татарстане я такое очень редко встречала. Татарки носят короткие шортики, брови выщипывают, с парнем до свадьбы могут встречаться, для них это норма. Я думаю, что им не хватает немного тех понятий которые у нас, не перегибать конечно» (*фокус-группа, таджички*).

Часть опрошенных упоминает о случаях неуважительного или небрежного отношения со стороны представителей местного населения.

Из материалов фокус-групп:

«На первом курсе был такой инцидент. Мне нужно было оплатить проживание в общежитии. Я пошла в бухгалтерию, и женщина которая там была меня очень сильно взбесила. Она всеми силами пыталась показать, где мое место. Зайдя я максимально проявляла вежливость. Постучала, спросила можно ли войти, поздоровалась, села и начала говорить с ней. Она увидела мой паспорт и начала всеми силами показывать обратное. Она увидела гражданин какой страны я и начала говорить – “Вы в чужую страну приехали, вы знайте свое место, вы без разрешения не говорите”. Она два раза отправляла меня за документами, которые в итоге оказались

не нужны.... Тогда аж у меня у самой появилось такое недоброжелательное отношение к русским» (*фокус-группа, таджики*).

Киргизки чаще говорят о том, что увеличение межгрупповой дистанции может быть следствием поведенческих практик самих мигрантов.

Из материалов фокус-групп: «По правде сказать, всех, кто приехал из СНГ учиться или работать, граждане Российской Федерации недолюбливают. Их отчасти понять можно. Потому что многие из них ведут себя здесь некультурно. Если можно так сказать, они ведут себя как животное. Допустим, взять человека из Узбекистана, он может повести себя как-то по-хамски. И люди, видя этого человека, думают, что в Узбекистане все такие. Получается, что даже если они встретят 100 человек с хорошими манерами, которые будут образованы и толерантны, то судить они будут только по одному плохому человеку».

«Мне кажется, что возможно это зависит от того, что многие граждане СНГ приезжают в Россию на заработки. И они приезжают из очень сельской местности. Они необразованные, в какой-то степени культурные. Из-за таких людей впечатление портится. Как сказать...по этим людям судят всю нацию, всю страну» (*фокус-группа, киргизки*).

В вопросе, касающемся возможности заключения межэтнических браков, респонденты занимают достаточно однозначную позицию неприятия (табл. 2).

Таблица 2

«Как бы Вы отнеслись к браку Вашей дочери (сына, брата, сестры) с человеком другой национальности?», %

Отношение	Узбечки	Таджики	Киргизки
Одобрил бы	1	0	3
Не одобрил бы, но возражать бы не стал	4	1	3
Категорически не одобрил бы	94	95	85
Затрудняюсь ответить	1	4	9

Из экспертного интервью:

«Узбечек и таджичек, как правило, за своих. Категорически. Сколько я общалась, только за своих. Парни еще могут жениться на других, но девушек только за своих».

Из материалов фокус-групп:

«Моим братьям мама сказала, когда они уезжали – “Ко мне домой невесток татарок не приводить”» (*фокус-группа, таджички*).

«У меня с этим строго. Мои родители говорят мне, чтобы я выходила замуж только за кыргыза. Но мне кажется, что если я скажу, что люблю человека другой нации своим родителям, то они это примут. А так, конечно, папа хочет, чтобы я вышла замуж за человека своей нации» (*фокус-группа, киргизки*).

Таким образом, для женщин-мигранток общение с представителями местного населения сводится главным образом к рабочим контактам.

Для киргизок характерна несколько более широкая сфера взаимодействия с представителями местного населения.

О высоком уровне внутригрупповой сплоченности говорит тот факт, что опрошенные демонстрируют ориентированность на моноэтнические браки.

Абсолютное большинство опрошенных считают своим родным национальный язык.

Степень владения русским языком различается у представителей разных национальностей (табл. 3).

Таблица 3

«Какими языками Вы владеете (русским)?», %

Русский язык	Узбечки	Таджички	Киргизки
Владею	45	70	81
Не владею	55	30	19

Таким образом, женщины-киргизки декларируют лучший уровень владения русским языком, чем представители других этнических групп, принявших участие в исследовании. Хуже всего владеют русским языком женщины-узбечки.

Уровень лингвистической компетенции в сфере русского языка у большинства опрошенных невысок (табл. 4).

Таблица 4

«В какой степени вы владеете русским языком»? , %

Русский язык	Узбечки	Таджички	Киргизки
Свободно говорю, читаю, пишу	8	2	2
Свободно говорю, немного читаю и пишу	12	6	6
Только говорю	47	57	42
Понимаю, но не говорю	29	35	47
Не понимаю и не говорю	4	0	3

Татарским языком значительная часть опрошенных не владеет (табл. 5).

Таблица 5

«В какой степени вы владеете татарским языком»? , %

Татарский язык	Узбечки	Таджички	Киргизки
Свободно говорю, читаю, пишу	3	0	0
Свободно говорю, немного читаю и пишу	3	0	4
Только говорю	2	3	2
Понимаю, но не говорю	43	21	20
Не понимаю и не говорю	49	76	74

Из глубинных интервью: «Татарский-то понимаю, но не говорю. Когда что-то говорят я 60 на 40 понимаю» (киргизка, 20 лет)

«И: А какими языками вы владеете?

Р: Таджикский, русский, английский.

И: А татарский вы знаете?

Р: Нет, если только пару слов» (*таджичка, 20*)

«Р: Да, татарча суйляшам. В университете изучаем татарский.

И: Вы его понимаете?

Р: Конечно, он очень похож на узбекский. Даже больше, чем узбекский похож на турецкий» (*узбечка, 20 лет*)

«И: А Вы знали русский язык, когда приехали?

Р: Знала, но чуть-чуть. А сейчас хорошо знаю, говорю.

И: А татарский вы знаете?

Р: Немного совсем. Но понимаю и могу объяснить чуть-чуть» (*узбечка, 38*).

40% узбечек и более 20% таджичек и киргизок отмечают, что хотели бы усовершенствовать знание русского и татарского языков и готовы предпринять для этого все необходимое.

Около половины узбечек, 60% таджичек и 40% киргизок говорят, что хотели бы повысить уровень владения русским и татарским языками, но не имеют такой возможности.

Из глубинного интервью:

«Хочу изучить. Я слушаю татарскую речь на улице, потому что кыргызский и татарский очень схожи, и я все понимаю, и это очень греет душу. Кажется, что я на миг телепортировалась домой. Я бы хотела изучить, да» (*киргизка, 18 лет*).

Таким образом, уровень владения языками принимающего населения среди опрошенных невысокий (на уровне «только говорю» либо «понимаю, но не говорю»).

Результаты исследования свидетельствуют о высокой роли религии в жизни опрошенных женщин-мигрантов. 92% опрошенных узбечек, 99% таджичек и 93% киргизок считают себя религиозными людьми.

Также для опрошенных характерно согласие с утверждением: «Моя религия – самая правильная».

Из глубинного интервью:

«Р: Я думаю, что у мусульман очень хорошее воспитание. Люди знают, что такое хорошо, плохо, уважение, благодарность... И как бы это не звучало, я не националистка, нет, но мне кажется, что мусульмане лучше внутренне, чем русские.

И: Вы говорите лучше, чем русские или христиане?

Р: Ой, да, христиане. Потому что мусульмане... мы в каком-то смысле святые, отчасти, конечно. Мы другие... Мы мыслим по-другому, мы благодарим, мы уступаем место, делаем простые вещи, но иначе» (*киргизка, 18 лет*).

Религиозные практики респонденток не носят систематического характера; опрошенные женщины признают, что не в полной мере соблюдают религиозные предписания.

Из глубинного интервью: «Пытаюсь по максимуму придерживаться религиозных предписаний. Ну получается, наверное 50 на 50. Спиртное не пьем, свинину не едим, пост соблюдаем и я и дети, на Курбан и Рамазан байрамы ходим к родным, как положено» (таджичка, 46 лет).

Молодые женщины-мигрантки в меньшей степени уделяют внимание догматической стороне религии. Мотивируют они это тем, что в силу большой загруженности в учебе не успевают выполнять необходимые религиозные предписания; также для молодых мигранток характерно мнение о том, что в религии важна не внешняя атрибутика, а то, что «в душе».

Из материалов фокус-групп:

«Дома, в Таджикистане, я читала намаз, а когда сюда приехала, у меня поначалу время сбилось. Потом учеба, не успевала читать, так и забросила. Можно в конце дня читать, все то, что пропустил, но опять-таки это неправильно, поэтому сейчас я не читаю вообще» (фокус-группа, таджички).

«Я не отношусь к этому достаточно серьезно, но есть такие вещи, которые я соблюдаю. Допустим, не есть свинину. Держать уразу» (фокус-группа, киргизки).

«Для меня не важна внешняя атрибутика, а важно то, что нужно делать и идти по правильной дороге».

«Я не считаю себя мусульманкой потому что не доросла того уровня что бы считать себя мусульманкой, я не выполняла еще ни одного из 5 обязанностей мусульманина, но в дальнейшем буду» (фокус-группа, узбечки).

Опрошенные отмечают, что с препятствиями для осуществления своей религиозной деятельности на территории республики не сталкивались.

Из глубинного интервью:

«Именно из-за этого нас отправили в Казань. Ну как бы изначально я хотела поступить в зарубежный вуз, в Китай, мои родители сказали, что далеко не будем отправлять. А в Татарстане там мусульман, народы дружат разные. Спокойно тут поэтому» (киргизка, 20 лет).

В вопросе о том, в какой степени жизнь общества должна регулироваться религиозными нормами и насколько государственный строй Российской Федерации должен соответствовать принципам религиозного государства, большинство женщин-мигрантов выбирали усредненные позиции, что свидетельствует о том, что опрошенные рассматривают религию как сферу своей частной жизни и не стремятся транслировать свои религиозные убеждения в публичном пространстве.

Таким образом, можно резюмировать, что общение с представителями местного населения сводится в первую очередь к рабочим контактам. Для киргизок характерна несколько более широкая сфера взаимодействия с представителями местного населения.

Опрошенные ориентированы на мононациональные браки, что свидетельствует о высоком уровне внутригрупповой сплоченности.

Уровень владения языками принимающего населения среди опрошенных невысокий («только говорю», «понимаю, но не говорю»).

Религия играет важную роль в жизни опрошенных, большинство опрошенных считают себя религиозными людьми. Однако женщины-мигрантки рассматривают религию как сферу своей частной жизни и не стремятся транслировать свои религиозные убеждения в публичном пространстве.

Исследование зафиксировало довольно высокий уровень внутригрупповой сплоченности и зависимости женщин-мигранток от семейных и родственных связей. В сочетании с зафиксированным невысоким уровнем владения языками принимающего населения это создает трудности для интеграции женщин-мигрантов в принимающее сообщество.

О.В. Цветкова (Москва)

*кандидат политических наук, доцент кафедры
российской политики Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

Концепт региональной идентичности в современной России

Понятие «идентичность» трактуется в современной науке и практике достаточно широко. Под этим понятием подразумевается: система культурных отношений, совокупность количественных и качественных характеристик индивида, осознающего свою принадлежность к определенной территории и территориальной общности.

Региональная идентичность – это набор ценностных характеристик индивида, который отождествляет себя с региональным пространством, с историческими, политическими, экономическими, культурными особенностями региона – «малой родины».

Современные российские исследователи по-разному интерпретируют региональную идентичность. Теории и методы изучения личностного уровня межнациональных отношений и структуры этнической идентичности, проблема государственно-гражданской идентичности и факторов поддержания межэтнического согласия в политическом пространстве Российской Федерации раскрыты в исследованиях: Л.А. Беляевой¹, Л.М. Дробижевой², С.В. Рыжовой³, В.А. Тишкова⁴.

Актуальные вопросы национальной идентичности и управления в условиях многонациональности, а также проблема конфликтов на почве межэтнических отношений, методы их предотвращения и разрешения исследует В.Ю. Зорин⁵.

Под концептом «региональная идентичность» понимается система культурных отношений, которая связана с понятием «малая родина» или «отношение индивида к своей малой родине, к земле, на которой он родился или живет и работает»⁶.

Региональная идентичность служит основой для особого восприятия общенациональных политических проблем и склады-

вается на основе общности территории, особенностей региональной жизни, определенной системы ценностей⁷.

На современном этапе региональная и локальная идентификация служит одним из определяющих и стабилизирующих факторов формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности. При этом «региональные пространства не только являются социально конструируемыми феноменами, но и сами формируют поведение, идентичность, сознание и коммуникационные стратегии»⁸.

Региональная идентичность – это результат отождествления индивида с региональной общностью, принадлежности к своему региону, представляющий собой социокультурный феномен, основанный на объективных социальных свойствах и особенностях региона (исторических, политических, экономических, культурных), его роли в общегосударственном историческом процессе и т. д.⁹

Существует позиция исследователей регионалистов, что региональная идентичность влияет на развитие региона. В основе этого влияния лежит «осознание индивидом себя субъектом регионального сообщества, уважение и любовь к конкретному региону, гордость за него, понимание своей ответственности за его развитие и возможность влиять на этот процесс на базе осознания и самооценки перспектив эффективной самореализации на данной территории»¹⁰.

Региональные общности имеют свою индивидуальность и социокультурную специфику. Вспомним, Ф. Ратцель писал, что «мерой развития культуры является уровень духовной связи человека с конкретной территорией»¹¹.

По мнению автора, региональная идентичность складывается на основе общности территории, определенной системы ценностей, особенностей хозяйственной жизни каждого отдельного пространственного региона.

Политолог В.А. Ачкасов считает, что «разграничение политического пространства неразрывно связано с формированием на огромном пространстве территориальных общностей. Территориальные общности выделяются своей индивидуальностью, имеют свою социокультурную специфику. Причем такая региональная идентификация определялась скорее не по национальной или этнической основе, а по территориальной принадлежности, придающей в собственных глазах и глазах окружающих специфические социально, психологически и культурно значимые признаки»¹².

Так, по мнению П. Сорокина, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми

сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т. п.»¹³

При этом «региональные пространства не только являются социально конструируемыми феноменами, но и сами формируют поведение, идентичности, сознание и коммуникационные стратегии»¹⁴.

Автор считает, что региональная идентичность складывается из представлений, осознания образа людьми субнациональной территории как ментально-духовного пространства. Региональная идентичность связана с политико-административной составляющей. Региональная идентификация индивида имеет особенность, она может не совпадать с административно-территориальным делением государства, т. е. может соотноситься с формальными и неформальными регионами и имеет уровни по «матрешечному» принципу (регион, город, село).

Отметим позицию Д.Дж. Элейзера, который выделяет одну из главных политических проблем нового столетия, – это защита территориально-этнической и региональной идентификации¹⁵.

Таким образом, региональная и этническая идентичность имеет сложностойный характер. Региональная идентичность – это «ключ» к конструированию региона как политического, социального и институционального пространства. Это проявляется в том, что индивид одновременно идентифицирует себя со своим государством и с регионом как частью этого государства.

Литература

¹Беляева Л.А., Семенова Ю.А. Толерантность в структуре гражданской идентичности личности = Tolerance in the structure of civil identity of the person // *Философия образования*. 2010. № 2 (31). С. 240–246.

²Дробижева Л.М. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Дробижева Л.М. Центр и региональные идентичности в России. СПб.: Летний сад, 2003. С. 47–76.

³Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 5. С. 9–24; Дробижева Л.М., Рыжова С.В.

Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Горшков М.К. [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь мир, 2015. С. 176–197; *Дробизжева Л.М.* Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5 (43). С. 105–126; *Она же.* Межнациональное согласие: концептуальные подходы и социальная практика в российском обществе // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 377–384; *Она же.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.

⁴ *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

⁵ *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционные методы и инновационные подходы реализации на современном этапе // Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Вестник Российской нации. 2015. Т. 1. № 1 (39). С. 17–37; *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики: проблемы и решения // Мир перемен. 2014. № 2. С. 166–180.

⁶ *Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования, 2005. № 3. С. 13–23.

⁷ *Жаде З.А.* Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. № 2. С. 173–184.

⁸ *Макарычев А.* Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 3.

⁹ *Тумакова К.Е.* Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 13.

¹⁰ *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2012. С. 141.

¹¹ *Ratzel F.* Politische Geographie. München, 1897.

¹² *Ачкасов В.А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Электронный ресурс]. URL: <http://politex.info/content>

¹³ *Сорокин П.* Система социологии. Т. 2. М., 1993. С. 210–213.

¹⁴ *Макарычев А.* Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. С. 142.

¹⁵ *Elazar D.J.* Federal Systems on the World: a Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements. Harlow, UK: Longman Current Affairs, 1991. P. 322.

Ю.П. Шабает

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором этнографии Института языка,
литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
yurshabaev@mail.ru*

Исторические корни современного финно-угорского паннационализма

Введение

В современном российском этнополитическом дискурсе очень активно и основательно обсуждаются вопросы, связанные с проявлениями этнического национализма. Однако проблемы паннационализма, который активно заявил о себе в первой половине XIX в., не привлекают большого влияния исследователей. Это связано с распространенным убеждением, что паннационализм как форма идеологии себя уже изжил. Но на самом деле паннационализм все еще оказывает влияние на этнополитические процессы и особенно это очевидно на примере деятельности этнонациональных движений финно-угров.

Предыстория

Уральские народы России являлись органичной частью российского культурного и политического ландшафта с самого начала возникновения Российского государства. Если следовать летописной традиции, то призвание Рюрика и формирование раннегосударственного объединения со столицей в Старой Ладогe произошло в результате совместного обращения пяти племен, из которых только два (словены и кривичи) были славянскими, а три были финскими (в разных летописях называют разные племена). Финское и самодийское население составляло заметную часть населения как Древней Руси в целом, так и ее отдельных княжеств. Из исторических источников известно, что одна из пятин Великого

Новгорода носила название Водской, а в числе земель, которые входили в состав княжества, были земли ижоры, води, карел, веси, а позднее и лопи (Лопская волость). Финское население было составной частью и целого ряда других древнерусских княжеств, причем значительное количество представителей финских племен жило в городах: мурома – в Муроме, меря – в Суздале. Об интегрированности финского (финно-угорского) населения в общерусское культурное и политическое пространство говорят многочисленные исторические факты: финно-угры были в составе рати Дмитрия Донского на поле Куликовом, они участвовали в ополчении Минина и Пожарского, были они и в составе ополченцев Отечественной войны 1812 года.

Да и само формирование современной территории и культурного ландшафта России происходило при непосредственном участии уральских народов. В этом плане необходимо особое внимание уделить присоединению сибирских земель, ибо после присоединения Сибири и Дальнего Востока страна изменилась радикально, превратившись в великую евроазиатскую державу. Покорение Сибири началось с похода Ермака, который спонсировали солепромышленники Строгановы, начавшегося в 1581 году. Принципиально важно, что большая часть отряда состояла из коми-зырян Яренского уезда, а также казанских татар, меньшая – из служилых людей Строгановых и немецких и литовских наемников. Хотя поход и закончился относительной неудачей, но его итогом стал фактический разгром Сибирского ханства, после чего серьезных препятствий на пути в Сибирь для новых экспедиций уже не было. В этих экспедициях традиционно принимали участие коми-зыряне, а потому многие деревни в Западной и Восточной Сибири носят по сей день название Зыряновка, Зырянка и т. п. Помимо коми в сибирских походах участвовали кодские ханты, казанские татары, якуты и представители многих других народов. Поэтому исторический штамп о «покорении русскими Сибири» является в корне неверным. Присоединение Сибири к Российскому государству стало совместным предприятием многих российских народов¹.

Что же касается культурного облика уральских народов, то к началу XX в. в их культурных традициях наблюдалось очевидное влияние этнических соседей. Фольклорные сюжеты и праздники, типы жилищ, одежда и пища у прибалтийских и пермских финнов были близки к северорусским традициям, а в культуре волжских финнов помимо русского влияния очевидно просматривается и влияние татарской культуры.

Менее всего русское влияние было заметно в культуре эстонцев и финнов. На эстонцев значительное влияние оказала немецкая культура, на финнов – шведская. Чтобы ослабить это влияние и укрепить местное самосознание, а тем самым и лояльность к имперской власти, российское правительство поощряло процессы национального пробуждения в Эстонии и Финляндии. Благодаря такой практике в середине XIX в. появляется этноним *эстонец* и начинает формироваться движение национального пробуждения. В Великом княжестве Финляндском процессы национального пробуждения начинаются еще в первой половине указанного столетия, вскоре после его присоединения в 1809 г. к Российской империи. Уже в 1863 г. созывается сейм Финляндии и принимается решение о том, что через 20 лет все граждане будут иметь право обращаться в любые учреждения на финском языке, в 1886 г. финский язык становится рабочим языком в государственных учреждениях. По существу, с 1860-х гг. этап национального пробуждения сменяется этапом националистического строительства и в финской прессе разворачивается острая дискуссия, в ходе которой в массовых представлениях укоренилось убеждение, что Финляндия является самостоятельным государством, отдельным от России и лишь состоит с ней в союзе. «В среде финской политической элиты русофобские настроения приобрели устойчивый характер. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке. К концу XIX в. идеологи ученых и деятелей культуры идеичность немалой части финляндской элиты трансформировалась в политическую идеологию или национальную идею, основанием которой служил «карелианизм». Основатель карелианистского движения А.В. Эрваста после своей поездки в Олонецкую губернию написал, что за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая земля, ибо именно Карелию следует считать материнской землей (*emämaa*), а собственно Финляндия есть колония, в Карелии нужно искать духовные истоки финнов. Карелия превратилась в объект паломничества ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и просто любителей старины.

Представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» органично вошло в основополагающий «финляндский национальный миф»². Развитию этого мифа послужило основание в Гельсингфорсе в 1883 г. Финно-угорского общества, ставившего своей целью изучение родственных финно-угорских народов и языков, а также усилия культурной элиты, направленные на поиск места финнов в культурном пространстве Европы. В результате этих поисков родилась первая паннациона-

листическая идея финно-угров – концепция «Великой Финляндии». Это понятие было внедрено в публичную сферу финским общественным деятелем К.Э. Лепелундом. В первоначальном варианте это была культурная идея, предполагавшая объединение родственных финно-угорских народов под патронажем Финляндии. В политическую доктрину эта идея превратилась между двумя мировыми войнами, когда она приобрела экспансионистский характер и использовалась для прямого, а чаще косвенного обоснования территориальных претензий к соседнему государству. Однако хотя финны и пытались оказывать культурное влияние на восточных соседей и особенно карел, эти попытки были малопродуктивны, и для формирования современной паннационалистической концепции «Финно-угорского мира», на наш взгляд, большую роль сыграло не финское влияние, а советская модель национальной политики.

*Советское национально-государственное
строительство и его последствия*

Смена эпох и политических режимов неизбежно влечет за собой и смену культурной политики. На европейском севере и в Поволжье последствия прихода к власти большевиков в 1917 г. проявились достаточно быстро. После победы большевиков ими была принята на вооружение доктрина этнического национализма, суть которой иллюстрируют ее два основных положения: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием; 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции³. Исходя из положений данной доктрины система административного деления страны, при котором этнические/культурные границы не принимались во внимание, была разрушена и территорию государства разделили на этнические анклав: союзные и автономные республики, области, округа и т. д. Иными словами, обширные территории передавались в символическую «собственность» отдельным избранным этническим группам. Необходимость подобного шага диктовалась стремлением обеспечить новой власти политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости особого внимания к интересам этих культурных групп⁴. В реальности новый

режим ориентировался не столько на интересы населения, сколько на амбиции новых элит, формировавшихся самими большевиками за счет рекрутирования местных кадров в ряды РКП(б), т. е. фактически на интересы региональных властных группировок. Условное идейное и политическое единство региональных и центральных большевистских элит должно было обеспечивать лояльность новообразованных местных элитных группировок центральной власти. На деле стихийный национализм элит и их амбиции нередко приводили к противоречиям с Центром, которые позднее центральная власть устранила путем репрессий. При этом главной политической опорой нового режима был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители культурных меньшинств рассматривались лидерами большевиков как эксплуатируемая часть общества, а в качестве главного эксплуататора выступало само имперское государство в лице его чиновников и в лице представителей государствообразующего народа, т. е. русских. Русские, согласно официальной точке зрения, были названы главными эксплуататорами на Севере⁵, а борьба с эксплуататорами и ликвидация всех форм эксплуатации преподносилась обществу как основная цель новой власти. При этом принципиально важно, что этнические автономии не создавались демократическим путем снизу – в результате *актов самоопределения*, т. е. референдумов, а являлись результатом бюрократического «творчества» новой политической элиты как в центре, так и на местах, которая мало считалась с мнением населения и реальной культурной ситуацией.

Важно заметить, что до сих пор серьезного анализа того, как само население будущих автономий относилось к начальным усилиям новых элит форсировать процесс нациестроительства, в исторической литературе нет. Есть лишь отдельные упоминания и замечания касательно этого, свидетельствующие о формальном характере контактов между властью и населением при обсуждении вопросов будущего национально-государственного устройства национальных территорий. Например, даже в Беломорской Карелии, где «Общество беломорских карел» было создано в 1905 г. (и состояло в основном из финнов), а идея автономии родилась в 1906 г., после большевистского переворота не наблюдалось какого-либо массового движения в поддержку местной автономии. Вместе

с тем здесь наиболее значимым, как и прежде, был «финский фактор»⁶, который собственно и определил специфику карельского самоопределения, несмотря на то, что большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии. Финны полагали, что и их родственники на европейском севере тоже стремятся пойти по пути создания независимых государств, и видели свою миссию в том, чтобы оказать им поддержку на пути к самоопределению. В 1918–1920 гг. развернулась борьба за так называемую Восточную Карелию (ее иногда называют первой советско-финской войной), которую финны, рассматривавшие Беломорскую Карелию общей прародиной финнов и карел (здесь были записаны руны финского национального эпоса Калевала), воспринимали как священную войну за некое идеальное отечество. «Финская власть не получила доказательств готовности карел присоединиться к Финляндии, однако добровольческий поход в Беломорскую Карелию все же был начат и продолжался с марта по октябрь 1918 года. Читая дневники и воспоминания финских добровольцев, начинаешь понимать, как глубоко проникла идеология национализма в сознание простых финнов. Добровольцы были вдохновлены идеей освобождения из-под русского и большевистского ига своих кровных братьев, соплеменников, сородичей. И полной неожиданностью для них оказалось то обстоятельство, что сородичи в массе своей совсем не были готовы принимать их помощь. Дневники участников похода, рапорты самого Мальма проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать!»⁷. Не имея массовой поддержки местного населения, финны проиграли борьбу за Беломорскую Карелию, хотя там и недолго существовало независимое Ухтинское правительство (был даже создан свой герб и флаг). Вторая попытка, в которой принимали участие лишь группы добровольцев (1921–1922 гг.), или вторая советско-финская война, также потерпела неудачу, как и последовавшие за ней усилия развязать в Карелии партизанскую войну (до 1925 г.). Эта борьба рассматривалась в Финляндии как внутрифинская проблема, чему способствовал тот факт, что официально установленной границы между Финляндией и Советской Россией еще не было. Итогом «первого освободительного похода» явилось заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались интересы карел и ингерманландцев в России.

В начале 1920-х гг. советское государство приступило к реализации масштабных планов, связанных с решением вопроса

о национально-государственном размежевании, что, конечно, коснулись и европейского севера. Согласно условиям Тартусского мирного договора, карелы должны были получить автономию, и для власти имело значение не то, нужна ли эта автономия самим карелам, а лишь то, кто и как будет создавать эту автономию, какие геополитические цели она должна будет решать. Что касается геополитических целей, то они были обозначены достаточно четко – карельская автономия должна стать плацдармом для предполагаемой большевистской экспансии в Скандинавию. Поэтому руководителями Карельской трудовой коммуны, созданной в 1920 г., вполне логично стали не карелы или вепсы, а финны, а точнее так называемые «красные финны», которые потерпели поражение в 1918 г. во время гражданской войны в Финляндии, но мечтали о реванше. Не случайно, что само название Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (*Karjalan Työväenkommuuni* – Трудовая Коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно также и то, что «попытки создания карельской и вепсской письменности «красные» финны признавали шовинистическими, политически неверными и слухившими «одурачиванию темных масс»⁸.

Политические амбиции «красных финнов» были далеки от интереса культурного развития автономии, но получив во владение некую территорию, они стремились расширить свои властные полномочия и укрепить свой руководящий статус за счет расширения подвластных территорий и превращения автономии в обширный и значимый субъект Советской России. Поэтому они сразу же стали вести борьбу за расширение территории автономии, добиваясь включения в ее состав всего Кольского полуострова⁹. Эти притязания были отвергнуты, но важно обратить внимание не только на территориальные притязания, но и на идейную платформу новых властей Карелии. А их идейным кредо стал национализм в той его версии, которая поддерживалась «красными финнами» и их лидером – бывшим доцентом Гельсингфоргского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую Трудовую Коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии. Финский исследователь Маркку Кангаспуру в этой связи указывает на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не

справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма»¹⁰.

Серьезных устремлений в пользу автономии не было также и среди других финских и самодийских народов европейского севера. Причем не было их у самых крупных народов региона: ненцев, проживавших в Архангельской губернии, и коми, этнические территории которых были разделены между Архангельской, Вологодской и Вятской губерниями. На территориях проживания этих народов не возникло даже зародышей этнонациональных организаций и движений, и идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями малочисленных местных элит в процессе их большевизации. Но эти идеи не были глубоко проработаны, а представляли собой либо некие модификации политики имперской России в отношении инородцев, принципы которой были определены в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), либо утопические проекты, никак не связанные со спецификой культурного развития территорий. Так, в 1927 г. ненецкие активисты обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с призывом: «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались»¹¹. Фактически требование «отдайте нам нашу тундру» означало, что ненцы желали возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия Устава об управлении инородцев Мезенского уезда (1835 г.), предоставлявшего им приоритетные права на распоряжение оленьими пастбищами и иными угодьями¹². Большого им и не надо было, ибо идея автономии вряд ли была понятна рядовым ненцам, составлявшим подавляющее большинство населения европейских тундр. При этом ненцам не только идея автономии была чуждой и непонятной, но они не принимали и попытки преобразования их устоявшегося образа жизни: «Ясное, а чаще всего смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа»¹³ и при этом даже политические выдвигенцы в местных органах власти были против приобщения их к европейской бытовой культуре.

Ситуация на территории проживания коми была иной. Здесь, как сказано выше, тоже не было какого-либо массового движения в поддержку автономии, но были активисты, которые после большевистского переворота 1917 г. примкнули к партии большевиков, восприняли их идеи и не случайно впервые о Коми автономии заговорили в Петербурге в 1918 г. и обсуждение коми автономии

началось среди солдат-коми, призванных в действующую армию из Архангельской и Вологодской губерний. Как и в Карелии, местные большевистские выдвиженцы были полны амбиций, и их проекты автономной республики строились не на глубоких знаниях и понимании сущности культурных процессов в регионе проживания народа, к которому они волей судеб принадлежали, а на стремлении стать лидерами большого и влиятельного территориального образования. Проект по созданию Зырянской Автономной Социалистической Советской Республики, выдвинутый Д. Батиевым, предполагал включение в ее состав не только территорий Архангельской и Вологодской губерний, где проживали зыряне, но и территории проживания коми-пермяков (которых тогда не рассматривали как отдельную этническую группу)¹⁴, а также территории по Нижней Печоре, заселенные русскими и ненцами, архипелаг Шпицберген, все пространство по Нижней Оби, где проживали ненцы, ханты, манси и т. д. В основе названной идеи, как полагают некоторые современные исследователи, лежала «историческая концепция «Перми Великой – Биармии»¹⁵. Однако нынешние историки оценивают притязания «отцов Коми автономии» с позиций тех знаний и представлений, которые накоплены сегодня. Творцы же Коми автономии не только не могли быть знакомы с изобретенными сегодня «концепциями», но они не имели перед глазами ни писаной истории коми (первые варианты которой появились спустя десятки лет), ни ясных представлений об этнической культуре и этнической истории своего народа. Нет никаких оснований полагать, что разрабатывая планы национального строительства, они штудировали труды финских и российских историков, этнографов и фольклористов, в которых говорилось о «золотом веке» финно-угров и о мифической стране Биармии. Как и «красные финны», они были националистами и карьерными бюрократами, стремившимися использовать этничность в интересах укрепления и расширения своих властных полномочий. Как и любые другие националисты, они не были заинтересованы в формировании в республиках и округах интегрированных гражданских сообществ и в этой связи финский историк Пекка Кауппала, который в целом положительно оценивает идею государственного строительства в Карелии и Коми, замечает: «ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии своеобразная идеология, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ»¹⁶. Более того, идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей не только на начальном этапе национально-государственного строительства, но и все последую-

щие десятилетия (включая постсоветскую эпоху) не стояли в политической повестке дня у руководства всех российских республик, *поэтому до сих пор нет политонимов, обозначающих все население национально-государственных образований в РФ как политических сообществ и почти нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержанию.*

Если говорить о волжских финнах, то и у них до 1917 г. не было сформировано каких-то движений или групп, выступавших с идеей самоопределения. Но на них серьезное влияние оказывали активисты татарского движения, которое, правда, тоже не было институционально оформленным. Тем не менее уже после февральской революции 1917 г., в мае месяце в Казани состоялся первый съезд малых народностей Поволжья, где говорилось о необходимости предоставить автономию и широкое самоуправление малым народам. Прошедший в феврале 1918 г. съезд мари поддержал советскую власть, но политических требований не выдвигал и дело создания марийской автономии, как и в других регионах, взяли в свои руки местные большевистские выдвиженцы (Марийская АО создана в 1920 г.). Первый съезд удмуртов состоялся в июне 1918 г., а автономная область организована по решению ЦИК РСФСР и СНК в 1920 г., а Мордовская автономная область решением центральных органов власти создана только в 1930 г.

Поскольку творцы автономий были либо идейными, либо стихийными националистами (в региональной исторической литературе их личности героизированы и мифологизированы), идеалы свободы равенства и братства, рожденные в ходе Великой французской революции, им были чужды, равно как и идея гражданина и гражданства. И естественно, что они с восторгом восприняли доктрину этнического национализма, которую на начальном этапе советского строительства активно поддерживали большевики. А потому для них естественным направлением деятельности стало формирование разделенных сообществ, в которых на вершине социальной иерархии оказывался так называемый «коренной народ», и вели активную работу по коренизации государственного аппарата в своих автономиях и «коренизации» всей культурной жизни. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания,

а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестенги и Ухты русский язык вообще не преподавался»¹⁷. В Коми процесс коренизации не принял таких крайних форм, но она вызывала недовольство некими населения, о чем можно судить по многочисленным публикациям областной газеты «Югд туй» (Светлый путь), издававшейся на русском языке. Сходные явления имели место и в ряде других регионов. Финский исследователь П. Кауппала полагает, тем не менее, что «сторонники самоуправления в Коми после образования административной автономии в 1921 г. были интегрированы в единую политическую систему, в которой были успешно проведены «коренизация» и «зырянизация» местного аппарата»¹⁸. Можно согласиться с этим утверждением в том плане, что именно тогда сформировались основы региональных элитных политических группировок и их мировоззрение. Несмотря на то что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований уральцев неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии и идея «коренного народа» как главного народа на данной территории. В 1994 г. эта идея была закреплена в Конституции Республики Коми, ибо там было заявлено: «Коми народ – источник государственности Республики Коми»¹⁹. Использование подобных трактовок означало, что вместо конституирования основополагающих правовых норм (источником государственности может быть только право на самоопределение, которым обладает не отдельная этническая группа, а территориальное сообщество в целом), конституировались идеи этнического национализма. В Конституции Карелии, принятой в 2001 г., заявляется: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»²⁰. А вепсы, финны и русское сраожильческое население, получается, никак не определяют национальные особенности республики. В Конституции Удмуртии странным образом республиканское сообщество делится на удмуртский народ и удмуртскую нацию²¹. Тем самым, как и в случае с Коми, нетитульные этнические группы, исторически связанные с территориями республик, как бы символически исключаются из процесса нациестроительства. Принципиальных изменений в мировоззрении и позициях региональных элит, несмотря на официально одобряемый проект формирования российской гражданской нации, не произошло. Об этом можно судить не

только по Основным законам, но и по республиканским концепциям этнокультурного образования и практикам этнополитики, в которых идея гражданской интеграции отодвинута на второй план и должным образом не акцентирована.

Укоренившиеся благодаря советской национальной политике представления о «коренных народах» как о «главных» народах на «своих» этнических территориях и как о символических владельцах этих территорий не только препятствует гражданской интеграции и формированию прочных региональных идентичностей, но и позволяет воспринимать титульные этнические сообщества как группы, которые не интегрированы в общее культурное пространство страны и конкретного региона и как бы находятся вне его. А потому эти группы могут самостоятельно, не считаясь с интересами территориального сообщества в целом, формировать некие символические трансграничные миры, которые якобы отвечают их национальным интересам и имеют «глубокие» исторические корни. Такая позиция нашла отражения в тех идейных конструкциях, которые созданы за последние десятилетия этнонациональными движениями российских финно-угров.

*Идейные позиции современных
этнонациональных движений финно-угров*

Надо признать, что каких-то законченных и глубоко обоснованных концепций политического и культурного реформирования местных сообществ у этнонациональных движений, осуществляющих свою деятельность в республиках/округах с финно-угорским населением, не существует. Тем не менее, есть ряд принципиальных положений, которые признаются (или признавались) большинством этнонациональных организаций. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей идеологии этнонациональных движений российских финно-угров. Базовыми идеями являются две: 1) идея приоритетности групповых прав; 2) противопоставление этничности гражданству. Этническое сообщество рассматривается как однородное, целостное социальное образование, в котором некий коллективный интерес доминирует над индивидуальными интересами личности. Личность, которая не «растворяется» в группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается этническими анрепреенерами как девиантная (личность, склонная к отклоняющемуся поведению). В идеологии названных этнонациональных движений приоритет групповых прав наиболее

последовательно обосновывается в идее этнического самоопределения. Поскольку титульная этническая группа рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета», постольку право на самоопределение рассматривается как право одной этой группы самоопределяться независимо от полиэтничного состава населения республики или округа, где она расселена. Таким образом, гражданин и член этнической группы представляются не как взаимосвязанные социальные позиции личности, которые она занимает в рамках единого сообщества (например, «я россиянин, а по происхождению мариец»), а как противостоящие друг другу социальные категории (что побуждает говорить о предоставлении «особых» политических, экономических, культурных прав титульным группам в ущерб интересам остальных граждан). Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что титульные группы являются коренным, т. е. исконным населением того или иного региона, а потому имеют особые права на земельные ресурсы, природные богатства, политический и социальный статус.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений и важной составляющей их идеологии являются попытки обосновать необходимость некой новой идентичности – «Финно-угорского мира». По форме и содержанию это паннационалистическая идея, которая рождена стремлением расширить группу солидарности, усилить политические позиции этнонациональных движений российских финно-угров за счет привлечения ресурсов внешних акторов. Названная идея не нова и ее истоки восходят к упомянутой выше доктрине «Великой Финляндии». Поэтому не случайно «мир» был назван не по имени языковой семьи, к которой принадлежат финно-угры (Уральская языковая семья), а ориентируясь на старые панфинские идеи.

Идея финно-угорского (но не уральского) родства и единства постоянно присутствует на всемирных конгрессах финно-угорских народов (но не уральских), первый из которых был проведен в 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре по инициативе местных властей и коми этнонационального движения. Здесь же впервые была озвучена идея о «возрождении финно-угорского мира»²², был создан исполнительный комитет конгресса – Консультативный комитет финно-угорских народов, штаб-квартира которого разместилась в Хельсинки, а ее деятельность финансировалась правительством Финляндии через различные фонды. К концу 1990-х гг. различными этническими активистами и финноугроведами публично было заявлено, что «Финно-угорский

мир» сформировался как культурная реальность, хотя серьезных доказательств его реальности представлено не было. А у населения республик с финно-угорским населением, где повсеместно титульные группы являются меньшинством, почему эти республики называются пространством «Финно-угорского мира» тогда, когда большая часть населения не является финно-уграми, почему вся национальная и культурная политика строится с ориентиром на некий виртуальный мир, хотя сложный состав населения республик диктует необходимость пропагандировать поликультурность регионов и одновременно стремиться к укреплению единства сложных территориальных сообществ. На эти вопросы общественность «финно-угорских регионов» (так стали называть свои республики и представители местных властей) до сих пор не получила вразумительного ответа от политических и культурных акторов.

*Для пропаганды идеи «Финно-угорского мира»
в России специальные институты*

Еще в 2006 г. в Сыктывкаре был открыт федеральный финно-угорский культурный центр, деятельность которого финансируется из федерального бюджета. Центр поддерживает деятельность информационного портала финноугория (www.finnougor.ru), издает журнал «Этнический комфорт», финансирует создание фильмов и передач в рамках проекта «ФИННОУгровидение», организует и проводит фестиваль «Финно-угорский транзит» и другие мероприятия, которые призваны демонстрировать культурную отличительность финно-угров, причем тема самодийских народов и проблем их культурного развития является периферийной, а идея культурной близости финно-угров с другими народами РФ вообще никак не акцентирована в его деятельности. Получается, что это *федеральное учреждение* в своей практической деятельности нацелено на систематическую работу по маркированию границ (символических, культурных) между этническими группами населения российских республик и России в целом.

В 2008 г. в столице Мордовии Саранске создан Поволжский центр культур финно-угорских народов, который выполняет те же функции, что и центр в Сыктывкаре. Из наиболее значимых сторон его деятельности следует отметить издание научного журнала «Финно-угорский мир».

Некой площадкой для демонстрации финно-угорского единства и культурной отличительности стал Финно-угорский

этнокультурный парк, построенный в нескольких десятках километров от Сыктывкара. В его создание вложены огромные федеральные деньги, но эффективность его деятельности низка во всех смыслах.

Однако очевидно, что широкая финно-угорская идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе. В культурном же плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. Несомненно, что формирующая идеологию этнонациональных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов. В этом отношении существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжают острейшие дискуссии. Но в идеологии этнонациональных движений нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере. В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтничные территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях этнонациональных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует, и лишь в резолюциях последних двух съездов АФУН появились декларативные заявления о гражданском единстве россиян. Несмотря на серьезные изменения в положении финно-угорских народов России, перемены в самих этнонациональных движениях и во внутренней политике государства, идеологические конструкции этих движений принципиальным образом не пересматриваются, хотя с начала 2000-х гг. происходит деполитизация движений и связанная с этим деконцептуализация их идеологии.

Концепции финно-угорского, тюркского «миров» и особого культурного пространства коренных «народов Севера» привели

в итоге к тому, что в символических и идеологических представлениях этнических активистов национальных движений финно-угров, тюрков, малочисленных народов Севера места для крупнейшего народа страны на символической карте России почти нет. Они объявляют «русским регионом» только территорию Центрального федерального округа, а, к примеру, Архангельскую и Вологодскую области, где доля русских составляет 98%, относят к этническим территориям финно-угров. Лозунг этнических радикалов «русским свою русскую республику» опасен тем, что не только может положить начало символической картографической (и виртуальной) войне, но и усилит влияние идей сторонников русского национализма.

Заключение

Современная паннационалистическая концепция «Финно-угорского мира» родилась на волне подъема этнонациональных движений в начале 1990-х годов. Серьезных культурных, политических оснований под ней нет. Все мероприятия, которые осуществляются в рамках «мира», есть обычные культурные связи между регионами и странами: фольклорные фестивали, писательские конференции, обмен выставками и студентами. В связи с этим остается непонятным, в чем состоит культурная сущность «Финно-угорского мира». Однако понятно, что эта идея имеет очевидную политическую сущность, ибо создается впечатление, что «мир» создан лишь для внутрirosсийского использования, ибо Венгрия, Финляндия и Эстония воспринимают себя сегодня, прежде всего, как часть объединенной Европы и общего «европейского дома». Даже усилившаяся в последние годы борьба за финскость в Финляндии и венгерскость в Венгрии принципиально не меняют ситуацию. При этом конструкция «мира» есть удобный инструмент как культурного, так и политического влияния на Россию, что уже имело место на практике²⁵. А поскольку в пропаганду идеи «Финно-угорского мира» вовлечены многие государственные и общественные институты, поскольку ее активно эксплуатируют в своих интересах региональные элиты, постольку «мир» будет востребован и в дальнейшем.

Примечания

¹ Колонизация Сибири // Народы севера России: Справочник / отв. ред. Ю.П. Шабаев, А.П. Садохин. М., 2017.

² Финляндия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник. 2-е изд. / под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин, 2015. С. 427.

³ *Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993.

⁴ *Ленин В.И.* К вопросу о национальностях или об автономизации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М., 1986.

⁵ *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

⁶ *Мусаев В.И.* «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX в.) / Сост. и вступ. ст. В.И. Мусаева // Нестор. № 10. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007.

⁷ *Витухновская-Кауптала М.* «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 73–74.

⁸ *Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» финн(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 179.

⁹ *Бутвило А.И.* «Красные финны» в борьбе за Мурман // Живущие на Севере. Альманах. Вып. 1. Мурманск: МГГУ, 2010.

¹⁰ Цит. по: *Кангаспуро Маркку.* Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 116.

¹¹ *Канев Ю.В.* История Ненецкого края: Пособие по краеведению. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005. С. 85.

¹² Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии // Национальная политика императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской России, Сибири и Русской Америки. М.: Старый Сад, 1998.

¹³ *Кортаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. С. 175.

¹⁴ *Шабаев Ю.П., Истомин К.В.* Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4.

¹⁵ Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути (очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар: Глава Республики Коми, Коми НЦ, 1996. С. 31.

¹⁶ Кауптала Пекка. Социализм на европейском севере: сходство и различие со скандинавским путем развития Финляндии (на примере Карелии и Коми, 1921–1941 гг.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: Правительство Республики Марий Эл, 2004. С. 252.

¹⁷ Сурво В., Сурво А. Указ. соч. С. 126.

¹⁸ Кауптала Пекка. Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: Материалы республиканской научной конференции. Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2006. С. 20.

¹⁹ Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта.

²⁰ Конституция Республики Карелия / Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия // www.gov.karelia.ru/Constitution

²¹ Конституция Удмуртской Республики // http://www.udmurt.ru/about/government/about_government/constitution

²² Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. С. 161.

²³ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Финно-угорская проблема: наш ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196. М.: ИЭА, 2007.

Этнонациональная политика Российской Федерации:
состояние, проблемы, ход реализации

В.А. Авксентьев (*Ставрополь*)
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
федерального исследовательского центра
«Южный научный центр РАН»,
avksentievv@rambler.ru

Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски

В настоящее время имеются признаки стабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Однако насколько устойчивы позитивные тренды? В каких сферах и жизни концентрируются риски этнополитической стабильности?

На пике обострения напряженности на Северном Кавказе Президент России Д.А. Медведев на заседании Совета безопасности России в г. Махачкале 9 июня 2009 г. определил основные причины и факторы поддержания нестабильности в регионе¹. В течение нескольких лет нами осуществляется анализ динамики влияния этих факторов на региональную ситуацию. Для сравнительного анализа были использованы доступные данные за 2014 г. и 2015–2016 гг.

На основе данных за 2014 г. в сравнении с данными по предыдущим годам (2012 г.) был сделан вывод, что «все факторы напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе, репродуцирования экстремизма и терроризма сохраняют свое действие, хотя изменилась интенсивность их влияния и их иерархия»².

По итогам анализа данных за 2015 и 2016 гг. и их сравнения с 2014 г. сделан вывод, что большинство факторов дестабилизации продолжают действовать, а сами факторы большей частью имеют

© Авксентьев В.А., 2018

Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № проекта АААА-А18-118011990322-1).

внерегionalный генезис и по многим показателям регион не является лидером по кризисным процессам³.

В 2018 г. был продолжен факторный анализ механизмов поддержания нестабильности; эта работа приобрела характер мониторинга и позволила выявить «узлы рисков» в развитии региональной ситуации на Северном Кавказе.

Далее приводятся данные и выводы по трем этапам мониторинга факторов поддержания напряженности, воспроизводства экстремизма и терроризма на Северном Кавказе: за 2014 г. приводятся конечные выводы, за 2015–2016 гг. приводится сокращенная аргументация. Ссылки на источники приводятся в исходных публикациях. Каждая таблица (табл. 1–10) соответствует одному фактору, обозначенному Президентом РФ Д.А. Медведевым в 2009 г.

Таблица 1

Низкий уровень промышленного производства

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась	Ситуация противоречивая: на втором месте в России по темпам роста промышленного производства – Дагестан. Наибольшее снижение индекса производства из республик СКФО – в КБР; лидируют в «антирейтинге» республики Коми и Марий-Эл	По индексу промпроизводства ни одна из республик СКФО не входит в число аутсайдеров (последние 20 мест). Во всех республиках имеется рост: наименьший – в Чеченской Республике и Кабардино-Балкарии, наибольший – в Республике Дагестан (+15,7%) и Ингушетии (+15,6) ⁴

Хотя итоги 2017 г. можно считать оптимистическими, по сравнению с предыдущими годами, нужно учесть затяжной эффект «низкого старта». Три из шести республик СКФО, а также Ставропольский край имели минимальный индекс промышленного производства в 2017 г. (в пределах +1–1,8%). Вывод: имеются позитивные тенденции, требующие закрепления; риски, коренящиеся в уровне промышленного производства, несколько снизились.

Таблица 2

Критическая зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась	Тенденция сохраняется. В пересчете на душу населения иерархия следующая (2016): ... 4. Чеченская Республика; 5. Республика Дагестан; ... 9. Ставропольский край	В пересчете на душу населения иерархия следующая (утвержденный объем на 2017 г.): ...7. Республика Ингушетия; 8. Республика Дагестан; ...11. КЧР; 12. Чеченская Республика ⁵ .

Примечание: методика расчета предоставления субсидий постоянно меняется.

По общему объему дотаций, выделенных на 2017 г., на третьем месте в России – Дагестан. Четыре из шести республик Северного Кавказа входили в группу с 7-го по 12-е место по объему дотаций на душу населения. Из республик региона лидирующую позицию занимает Ингушетия (7-е место), однако размер дотаций существенно снижается (более чем в два раза) при переходе от первых шести мест, в которые входят территории с суровым климатом, а также Крым и г. Севастополь, к группе «места с 7-го по 12-е». Вывод: зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета сохраняется, но стала менее критической.

Таблица 3

Относительная бедность населения

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась	Тенденция сохраняется. Лидирует в «антирейтинге» Псковская область, предпоследнее место – за Дагестаном. 6-я позиция – у КБР, 8-я – у КЧР. Несколько лучше показатели у РСО-Алании и Республики Ингушетия и Чеченской Республики	Тенденция сохраняется. По доле работающих с зарплатой менее 10 тыс. руб. в первую десятку «антирейтинга» входят все республики Северного Кавказа, при этом в Дагестане доля таких работающих составила 34,8% ⁶

Примечание: сложности объективной оценки ситуации вследствие создания значительного дохода в «теневом» секторе

Вывод: бедность по-прежнему является важной чертой жизни на Северном Кавказе, однако это характерно для многих регионов России. При этом реальные доходы на Северном Кавказе выше за счет теневой экономики. В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести оценку Д.С. Саркарновой ситуации в Дагестане: «Почти во всех городах, особенно поселках и сельской местности, значительная часть трудоспособного населения занята в сфере теневой экономики, либо на многочисленных рынках, в мелких лавочках, либо ведет индивидуальное частное хозяйство»⁷.

Таблица 4

Отставание по качеству жизни
в Южном федеральном округе и республиках Северного Кавказа
от среднероссийского

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Тенденции сохраняются, однако замыкают рейтинг не северокавказские республики (Алтай, Калмыкия, Тыва)	Распределение позиций по Северо-Кавказскому федеральному округу в 2015 г.: Ставропольский край – 19-е место в России, в 2016 – 21; республики региона занимают места с 59-го (РСО-Алания) по 84-е (Ингушетия); в 2016 г. ситуация изменилась мало	Республики СКФО в 2017 г. занимают позиции: Республика Ингушетия – 84-е место в России из 85 (без динамики по сравнению с 2016 г.); КЧР – 83-е (ухудшение); КБР – 75-е (без динамики); Дагестан – 73-е (без динамики); Северная Осетия – 72-е (существенное ухудшение); Чеченская Республика – 68-е (улучшение) ⁸

Примечание: возможные большие погрешности из-за объема теневых доходов и услуг в регионе.

Вывод: с началом экономического кризиса расклад среди субъектов федерации, входящих в СКФО, мало изменился по сравнению с «докризисным» 2014-м годом. В 2017 г. несколько ухудшилась позиция в «антирейтинге» Ингушетии, Карачаево-Черкесской Республики, значительно ухудшилась позиция РСО-Алания. Однако как и в случае с распределением бедности по территории страны, «национальные республики» региона расположены в одном контексте с субъектами федерации из других федеральных округов.

Таблица 5

Высокий уровень безработицы

2014 г.	2015–2016 гг.	2018 г.
Влияние этого фактора уменьшилось	Наибольшие показатели безработицы за III квартал 2016 г. в России – Республика Ингушетия и Чеченская Республика; далее – Республика Тыва; КЧР; Калмыкия; Забайкальский край; КБР (уровень Иркутской области)	Наибольшие показатели безработицы в России за III квартал 2018 г. в Ингушетии – 26,3%; Чеченская Республика – 13,7% – на третьем месте. Уровень безработицы в КЧР (11,2%) и Дагестане (10,5%) близок ситуации в Республике Алтай (11,2%) и Забайкальском крае (10,2%) ⁹

Примечание: возможные большие погрешности из-за занятости в теневом секторе.

Вывод: высокий уровень безработицы по-прежнему остается отличительной чертой Северного Кавказа, хотя именно по этому показателю достигнуты наибольшие позитивные результаты. Сложной остается ситуация в Ингушетии, ситуация в других республиках хотя и сложная, но совпадающая с рядом других регионов России.

Таблица 6

Масштабы коррупции

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Влияние на региональную ситуацию сохраняется	Сохраняется и расширяется. Борьба с коррупцией в регионе не принесла результатов	Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия вошли в список регионов России, где, по данным Национального антикоррупционного комитета, коррупция росла в течение 2017 г. наиболее быстрыми темпами ¹⁰

Согласно информационному бюллетеню Национального антикоррупционного комитета, Ингушетия заняла по росту фактов коррупции в 2017 г. первое место в России (почти двукратное увеличение). Карачаево-Черкесия – на третьем месте. В масштабах России фиксируется снижение числа фактов коррупции на 10% по сравнению с 2016 г.¹¹

Развернувшаяся борьба с коррупцией в Дагестане может дать определенный результат при условии ее последовательности. Однако не ликвидируются системные основания коррупции: этноклановость, дотационный характер экономики, неразвитость гражданского общества, теневая экономика.

Вывод: проблема коррупции на Северном Кавказе очень острая, и на сегодняшний день именно эта проблема выдвигается в число главных факторов поддержания напряженности, социального недовольства, воспроизводства экстремизма и терроризма. Феномен коррупции «работает» на делигитимацию государства и является одним из главных «козырей» в борьбе экстремистов и террористов за умонастроения людей. Однако решить проблему коррупции в отдельно взятом регионе, без существенных позитивных сдвигов в этом деле в масштабах всей страны, невозможно. Спецификой Северного Кавказа является сочетание коррупции с этноклановостью, что превратило эти два явления в своеобразный сплав с трудноразделимыми компонентами.

Таблица 7

Крайне низкая эффективность
региональных органов власти

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Влияние на региональную ситуацию сохраняется	В рейтинге эффективности региональных органов власти в 2016 г. Чеченская Республика занимает 4-е место, КЧР – 37–40-е; КБР – 50–51-е; Ставропольский край – 54-е; РСО-Алания – 72-е; Ингушетия – 74-е; Дагестан – 83-е. Замыкают рейтинг не северокавказские республики	Рейтинг эффективности региональных органов власти в 2017 г. следующий: Чеченская Республика – 3-е место (незначительное улучшение по сравнению с 2016 г.); КЧР – 51-е (существенное ухудшение); КБР – 63-е (существенное ухудшение); Ингушетия – 69-е (улучшение); РСО-Алания – 68-е (улучшение); Ставропольский край – 70-е (существенное ухудшение); Дагестан – 76-е (улучшение) ¹²

Вывод: сохраняется ранее сделанный вывод, что неэффективность органов власти не является северокавказским феноменом и характерна для большинства регионов России и властей всех уровней.

Таблица 8

Этноклановость

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Сохраняется с тенденцией к усилению	Сохраняется. Отсутствуют экономические механизмы демонтажа клановой системы	Сохраняется и видоизменяется

Клановая система на Северном Кавказе претерпевает изменения. Клановые группы расширяются, включают в себя группы и лиц «по интересам», К.И. Казенин отмечает, что «...центральное отличие Кавказа от других частей России не в «традиционности», не в межэтнических сложностях и не в патрон-клиентских отношениях между вышестоящими и нижестоящими чиновниками или между чиновниками и предпринимателями (в этом плане все как раз очень похоже на другие регионы страны). Отличие в большей плотности на Северном Кавказе социальных связей, в механизмах солидарности, способных охватить заметные слои местных жителей, вывести их на публичные акции. Эта солидарность может работать на защиту прав жителей, а может – на защиту клановых лидеров»¹³.

Мы сохраняем ранее сделанный вывод, что единственным путем к демонтажу клановой системы на Северном Кавказе является реиндустриализация и технологическая модернизация, однако на современном этапе трудно считать эту задачу реалистичной, поскольку не началась реальная модернизация в масштабах страны.

Таблица 9

Преступная деятельность бандподполья:
влияние на региональную ситуацию

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Влияние на региональную ситуацию уменьшилось вследствие эффективных действий «силовиков»	Ситуация остается сложной. Постоянно поступают сообщения о ликвидации боевиков или их небольших групп	Бортников: за 2017 г. «правоохранительными органами и органами власти реализован комплекс силовых и профилактических мер, позволивших более чем в два раза снизить количество преступлений террористической направленности на территории Северо-Кавказского федерального округа» ¹⁴

Вывод: деятельность «силовиков» является важной составляющей стабилизации обстановки на Северном Кавказе, однако последовательное искоренение бандподполья по-прежнему остается одной из главных задач по стабилизации обстановки.

Таблица 10

«Экстремизм, который поставляется
нам из-за рубежа»

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Резко возросло по причине разрастания геополитической борьбы по всему Азово-Причерноморью-Прикаспию	Негативные тенденции сохраняются	Специфика современного этапа – возрастание роли социальных сетей в распространении экстремистской информации и вербовки в ряды боевиков, в которых активно действуют анонимные группы, закрытые сообщества и другие каналы

На протяжении последних двух лет наблюдается явное перемещение экстремистской активности в сеть «Интернет». Значительно сократилось иностранное влияние через неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа вследствие их нежелания работать в статусе «иностранного агента». Как отмечает секретарь-координатор Кавказского геополитического клуба Я. Амелина, «основной проблемой общественно-политического ландшафта Северного Кавказа на сегодняшний день является не деятельность тех или иных НПО, не оказывающих реального влияния на ситуацию в регионе, а реализуемое разного рода деструктивными элементами активное создание и проработка альтернативных каналов воздействия на сознание, в круглосуточном режиме доступных прямо на экране любого дешевого смартфона»¹⁵.

Таким образом, корни и конкретные источники этнополитической напряженности, находящиеся, прежде всего, внутри общества, в его социально-экономической и институциональной сферах, сохранились. Этим обусловлена высокая концентрация рисков возникновения конфликтов с этническим компонентом и уязвимость и обратимость позитивных трендов.

Примечания

---

¹ *Медведев Д.А.* Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности. 09.06.2009 // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4384> (дата обращения 27.01.2018).

² *Авксентьев В.А.* Факторы поддержания нестабильности, экстремизма и терроризма в южном макрорегионе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4236–4246. URL: <https://my-files.ru/vncd7g>.

³ *Авксентьев В.А.* Затяжной региональный кризис на Северном Кавказе: есть ли свет в конце тоннеля? // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов: 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 511–521.

⁴ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2018.pdf (дата обращения 16.11.2018).

⁵ Объем дотаций регионам в 2017 г. увеличен на 100 млрд рублей // Storm24.media, 15.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://storm24.media/news/382> (дата обращения 16.11.2018).

⁶ Богатые и бедные регионы России: рейтинг // Кризис-копилка, 04.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://krisis-kopilka.ru/archives/49104> (дата обращения 16.11.2018).

⁷ *Саркарова Д.С.* Влияние теневой экономики на политическую ситуацию в республиках СКФО // Горизонты экономики. 2015. № 6/2 (26). С. 108.

⁸ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2017 // РИА РЕЙТИНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения 16.11.2018).

⁹ Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации // Трудовые ресурсы. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения 16.11.2018)

¹⁰ Три республики Северного Кавказа стали лидерами в России по росту коррупции // И.А. Regnum, 05.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: Подробности: <https://regnum.ru/news/2387332.html> (дата обращения 20.1.2018).

¹¹ Там же.

¹² Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2017 году // Агентство политических и экономических коммуникаций, 20.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.apresom.ru/articles/?ELEMENT_ID=4332 (дата обращения 16.11.2018).

¹³ *Казенин К.* Что означает упадок кавказских кланов для федеральных властей? // РуАН, 11.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://новости.ru-an.info/новости/что-означает-упадок-кавказских-кланов-для-федеральных-властей> (дата обращения 17.11.2018).

¹⁴ *Бортников:* на Северном Кавказе в 2018 году предотвратили шесть терактов // ТАСС, 09.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5652858> (дата обращения 21.11.2018).

¹⁵ *Амелина Я.* Деструктивная деятельность на Северном Кавказе: концепция изменилась // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 14.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://nic-pnb.ru/vnutrennie-ugrozy-nacionalnoj-bezopasnosti/destruktivnaya-deyatelnost-na-severnom-kavkaze-kontsepsiya-izmenilas/> (дата обращения 21.01.2018).

Д.В. Овсянников (Санкт-Петербург)

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории народов стран СНГ Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
d.ovsiannikov@spbu.ru*

А.А. Андреев (Санкт-Петербург)

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры этнополитологии факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
gal7gas@yandex.ru*

Национальная и конфессиональная идентичность населения ГБАО в позднесоветский период: к вопросу о возникновении «памирцев»

Впервые проблема феномена идентичности была затронута в заочной полемике Дж. Локка, Д. Батлера, Т. Рейда и Д. Юма¹. В более широкий научный оборот она была введена американским психологом Э. Хомбургером. Ему же принадлежит авторство определения ее функции поддержания «единства внутриличностных и социально-культурных процессов»². С тех пор дискурс идентичности прочно вошел в методологию культурологических, антропологических и исторических исследований.

Последнее время особый интерес научного сообщества вызывают проблемы идентичности обществ постсоветской Центральной Азии. Во многом это связано с многочисленными попытками пересмотра советской национальной политики (этнополитики), включавшей в себя элементы «позитивной дискриминации» и радикальные «европоцентристские» преобразования. Поэтому представляется важным осмысление влияния на формирование

© Овсянников Д.В., Андреев А.А., 2018

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991–2005)».

идентичности мусульманских народов СССР политических и культурных инициатив союзного Центра и республиканских властей. В этом докладе мы постараемся проанализировать формирование региональной и этно-конфессиональной идентичности народов Советского Бадахшана в указанный период.

Памирские народы занимают особое положение в Таджикистане. Проживая на 45% территории республики (Горно-Бадахшанская автономная область, далее – ГБАО), они составляют не более 4% ее населения. Условия высокогорья определили сохранение национальной, религиозной и языковой обособленности памирцев (постепенно ассимилируемых, преимущественно, таджиками³), консервацию традиционных общественных институтов и бедность местного хозяйства.

Всего на Памире насчитывается девять самостоятельных языков и диалектов, которые относятся к «древнеиранским группам языков»⁴. Наиболее многочисленные из памирских народов (шугнанцы, ваханцы, рушанцы) живут и в Таджикистане, и в Афганистане (а ваханцы также в Пакистане и Китае)⁵. Кроме того, на территории ГБАО проживает ряд локальных фарсиязычных групп, как ассоциирующих себя с памирцами (горонцы, жители долины Кух-и-лаъл, а также население четырех кишлаков таджикского Вахана), так и отделяющих себя от них (дарвазцы и ванчцы). На Восточном Памире в суровых условиях высокогорной пустыни проживают тюркоязычные кочевники-киргизы⁶.

Важно отметить, что к моменту вхождения в состав России языковая и религиозная обособленность горцев осознавалась властью и учеными империи. При этом исследователи отмечали, что общими экзонимами для оседлых горцев региона были «гальча» и «таджик», маркировавшими их отличие от тюркоязычных кочевников региона⁷.

Окончательно утвердившаяся на Памире (точнее, в Памирском районе Туркестанской АССР)⁸ в ноябре 1920 г. новая Советская власть оказала на него сильное и весьма противоречивое влияние. Были созданы системы образования и здравоохранения, проведены мероприятия по модернизации сельского хозяйства. Коллективизация развернулась в ГБАО довольно поздно, при этом не вызвав серьезных негативных последствий. К 1940 г. автомобильные дороги связали Памир с киргизским Ошем и центром Таджикистана – Сталинабадом (Душанбе). Годом позже вступила в строй Хорогская ГЭС⁹. Показателем относительного благополучия бадахшанцев стало двукратное увеличение численности населения ГБАО за межвоенный период¹⁰. С другой стороны, с 1921 г. регио-

нальное партийное руководство начало борьбу с исмаилитскими религиозными деятелями. Большая их часть бежала в Афганистан¹¹. С 1924 г. блокировались каналы общения, связывавшие памирцев с проживавшим в Бомбее главой секты Ага-ханом – передача *закята* и *хадж*. Итогом стало полное закрытие границы с Афганистаном и Китаем в 1936 г.¹² Помимо религиозных были заблокированы семейные и этно-культурные связи. Внутри ГБАО начало формироваться современное памирское самосознание.

Еще одно ключевое изменение было оформлено 2 января 1925 г. постановлением ЦИК СССР об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской автономной ССР¹³. Когда в 1929 г. Советский Таджикистан стал союзной республикой, Памир сохранил автономию.

Поначалу географическая изоляция, национальная политика 1920-х гг. и ключевая роль ряда памирцев в создании самой ТССР способствовали качественному скачку в развитии культуры народов ГБАО. Успехи были достигнуты наиболее многочисленными шугнанцами. На рубеже 1920–1930-х гг. советскими учеными был разработан шугнанский алфавит на основе латинской графики. В 1932–1938 гг. с использованием этой письменности было издано два десятка книг, а также проведены эксперименты по преподаванию на родном языке в школах Шугнана¹⁴. Также разработан проект ваханского алфавита. Интересно, что в данный период советская наука пыталась сконструировать новую терминологию, которая бы отразила и разнообразие населения Бадахшана, и его несомненную общность в составе автономии. Результатом этих усилий стало появление терминов «припамирские иранцы» и «припамирцы»¹⁵.

Изменение советской национальной политики в 1930-х гг., расстрел Ш. Шотемура, И. Исмаилова, С. Абдуллоева, занимавших посты в республиканском руководстве, и последовавший разгром партийных органов ГБАО предопределили свертывание памирского проекта и наиболее успешной его части – шугнанского «эксперимента»¹⁶. Преподавание и издание литературы на самом распространенном памирском языке было запрещено, а все население ГБАО, кроме киргизов, объявлено таджиками «по национальности» (правда, в материалах переписи 1939 г. бадахшанцы были выделены в самостоятельные группы)¹⁷.

В послевоенный период были созданы предпосылки для будущего «возрождения» памирской идентичности. Прежде всего, этому способствовало своеобразие экономического развития ГБАО. На 80% дотируемый из республиканского центра местный бюджет

обеспечивал повышение уровня жизни горцев. На территории автономии действовал т. н. «северный коэффициент». Присутствие пограничников в населенных пунктах долины Пянджа создавало много дополнительных рабочих мест. При этом бадахшанцы почти не были затронуты процессами специализации хозяйства среднеазиатских республик¹⁸. Поэтому за пределами ГБАО они проживали в основном в Душанбе, где их роль во властных структурах была незначительна. Это отражало как малочисленность памирцев, так и доминирование в высших партийных и государственных органах ленинабадцев (ходжентцев). Среди немногих представителей горцев в высшем звене партийного аппарата можно отметить председателя Президиума Верховного совета, а затем Совета министров ТССР Н. Додихудоева (1950-е гг.) и председателя Президиума Верховного совета ТССР Г. Паллаева (1984–1990 гг.).

Таким образом, численность, уровень благосостояния, образования, культуры памирцев росли, не будучи подкреплены ни развитием хозяйства региона, ни значимой ролью в управлении республикой. Богатая природными ресурсами территория не имела ни одного промышленного объекта республиканского значения. Эти диспропорции дополнялись административным прессингом Душанбе, призванным ускорить ассимиляцию памирцев. В документах всесоюзных переписей они сознательно не отделялись от таджиков. Таджикизация образования, литературы, прессы и делопроизводства ГБАО проводилась даже в ущерб русскому языку. Апофеозом данной политики стало уничтожение в 1972 г. книг на шугнанском языке в фондах библиотеки им. Фирдоуси¹⁹.

С другой стороны, в ГБАО были внедрены все блага советской цивилизации. Грамотность населения выросла с 2% в 1913 г. до почти 100% в 1984 г. Памирцы занимали одно из первых мест среди регионов всего Советского Союза по количеству людей, получивших высшее образование. Росла численность и мобильность населения²⁰. Значительную роль в поддержке стремления избежать ассимиляции сыграло активное изучение локальных общностей ГБАО советскими лингвистами и этнографами, а также представление о том, что жители Памира сохранили субстратную культуру и языки, распространенные до арабского завоевания среди предков современных таджиков²¹.

В сложившейся ситуации памирцы использовали вполне традиционные способы сохранения идентичности. Внешне принимая таджикскую культуру в ее советской интерпретации, они в кругу семьи и соседей продолжали говорить на родных языках и исповедовать исмаилизм. Об этом красноречиво свидетельство-

вали результаты последней Всесоюзной переписи 1989 г., в материалах которой памирские народы снова были учтены в составе таджиков, но с указанием родного языка. В итоге лишь 537 чел. отметили свою принадлежность к той или иной памирской народности. В то же время родным один из памирских языков назвали 101 тыс. чел. (шугнанский – 64,8 тыс., рушанский – 13,2 тыс., ваханский – 11,9 тыс., бартангский – 5,5 тыс., язгулемский – 3,3 тыс., хуфский – 1,5 тыс., ишкашимский – 0,8 тыс.)²².

Актуализация проблем культурного развития и консолидации памирцев приходится на период перестройки. С 1988 г. в Таджикистане развернулось «национальное возрождение»²³, в которое втянулась и часть гуманитарной интеллигенции бадахшанского происхождения, поддержанные рядом влиятельных российских ученых. Литераторы и исследователи критиковали отождествление памирцев с таджиками и экономическую политику властей, не способствовавшую развитию промышленности в регионе. Звучали голоса в поддержку разработки алфавитов для бесписьменных языков Бадахшана²⁴.

Учитывая «дух времени», областной комитет КПТ в январе 1989 г. организовал в Хороге круглый стол на тему «Язык и развитие культуры». Партийные функционеры, сотрудники системы образования и работники культуры обсудили необходимость включения памирских языков в школьную программу²⁵.

После принятия 22 июля 1989 г. республиканского закона «О языке» лингвистические устремления памирцев были узаконены. В третьей статье данного правового акта утверждалось: «Таджикская ССР создает условия для свободного развития и использования горно-бадахшанских (памирских) языков и сохранения ягнобского языка. Горно-Бадахшанская автономная область самостоятельно решает вопросы функционирования местных языков»²⁶. Вероятно, стремясь как можно быстрее внести определенность в болезненный вопрос, Совет министров Таджикской ССР 17 июля (т. е., до утверждения закона) принял постановление «О мерах по выполнению Закона Таджикистана о языке», в котором, помимо прочего, облисполкому ГБАО вменялась разработка мер по обеспечению функционирования и сохранения памирских языков, а также подготовка предложений, требующих решения на республиканском уровне²⁷. 23 декабря 1989 г. Исполнительный комитет Совета народных депутатов ГБАО создал комиссию, в состав которой вошли главы районных администраций, учёные и представители от языковых сообществ. В рамках комиссии были выделены три рабочие группы. Первая занималась составлением

алфавита, вторая – внедрением памирских языков в СМИ, на предприятиях и в сфере культуры, а третья – мерами по совершенствованию школьной системы преподавания таджикского²⁸.

С начала 1990 г. ярко проявилось и стремление жителей ГБАО обрести свою политическую идентичность. Ее формирование первоначально шло в рамках областного Совета народных депутатов. В первой декаде апреля 1991 г. его Президиум подготовил и опубликовал в газете «Советский Бадахшан» проект конституционного закона «О ГБАО»²⁹. В нем были зафиксированы особенности региона, послужившие основой к получению статуса автономной области: «ГБАО является видом советской автономии, образованной на основе общей территории, географических условий, бытования таджикского (персидского), язгулямского, рушанского, бартангского, шугнанского, ваханского, ринского языков, экономического и духовного своеобразия, соседства с иностранными государствами». Со ссылкой на конституции СССР и ТССР, а также в силу исторической близости, Горный Бадахшан признавался частью Таджикской ССР. Таджикский язык сохранил свой исключительный официальный статус, но в проекте допускалось использование памирских языков в суде, что означало их введение в правовое поле. Прямого утверждения о наличии в автономии отличных от таджиков общностей в законопроекте не было, как не было в нем и упоминания религиозного своеобразия значительной части Памира. Очевидно, что упоминание об исмаилизме и признании памирцев нацией/нацией поставили бы вопрос о статусе и праве на самоопределение таджикоязычных жителей Дарваза и Ванча, а также мургабских киргизов.

Весна последнего года существования СССР ознаменовалась институционализацией политической активности памирцев в рамках возникающей многопартийной системы. 31 мая 1991 г. в Министерстве юстиции Таджикистана была зарегистрирована негосударственная общественная организация «Лаъли Бадахшон» («Бадахшанский лал») ³⁰. Ее лидером стал преподаватель Душанбинского педагогического института А. Амирбеков, а членами – учащиеся вузов и столичная памирская молодежь. Согласно уставу, «Лаъли Бадахшон» намеревался активно содействовать «в развитии политического мышления, уровня экономики, культуры и образования народов Бадахшана»³¹. На практике организация выступала с общедемократическими лозунгами и продвигала создание культурного центра памирцев в Душанбе. Первичные ячейки «Лаъли Бадахшон» имелись в Хороге, а также за пределами ГБАО – в Нуруке, Яване и Курган-Тюбе, где про-

живали выходцы с Памира. Общее число членов организации доходило до 500 человек³². Правда, на самом Памире активность «Лаъли Бадахшон» станет заметна только в ходе декабрьских событий 1991 г.³³

Что касается религиозной составляющей идентичности бадахшанцев, то ее стремительное «возрождение» началось на исходе «перестройки». В 1990 г. в Душанбе по инициативе выходца с Памира Худойберди Холиканзарова было создано общество «Носири Хусрав». Свою задачу участники данной группы видели в просвещении исмаилитов ТССР. Они выступали за создание молельных домов в Душанбе и в других местах компактного проживания низаритов, поддержание и возрождение религиозных традиций, воспитание подрастающего поколения в духе веры предков, издание и распространение соответствующей литературы³⁴. Позднее установились прямые контакты (первых с 1930-х гг.) пиров Шугнана и Дарваза с самим Ага-ханом IV. Уже 27 июня – 6 июля 1991 г. его высокопоставленные представители М. Кашевджи, А. Раджпута и С. Джалола посетили ГБАО. Значительным консолидирующим поводом для низаритов региона стал также сбор средств на возведение памятника легендарному проповеднику Носир-и-Хосрову³⁵.

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что в послевоенный период происходило постепенное формирование консолидированной идентичности населения ГБАО. Важной предпосылкой для него, помимо языковой, религиозной и географической изоляции, стала установка Советской власти на формирование наций «европейского» типа для народов Востока. Таджикский проект нациестроительства по ряду причин оказался недостаточно силен, привлекателен и гибок для населения Памира. К тому же его ассимиляционная составляющая способствовала сплочению и уравниванию потенциала бадахшанских общностей, затушевывая существенные различия между ними. Поддержанию культурного и языкового своеобразия памирцев способствовало благосклонное внимание союзных академических кругов, конвертированного в 1980-е годы в политическую поддержку. В то же время культурное и политическое «возрождение» титульной нации блокировало сходные процессы в ГБАО. «Перестройка» лишь обнажила противоречия между республиканским центром и уникальным регионом, создав условия для их открытого столкновения. В нарастающем конфликте «памирцы» из географического обобщения превратились в социально-экономическую, политическую и культурную общность.

Примечания

---

¹Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ: Серия «Психология». 2005. Вып. 1 (45). С. 14; Гуревич П.С., Спицова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. С. 20–21.

²Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.; Он же. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 [2] с.

³Моногарова Л.Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. Вып. 14: Памир. М.: Наука, 1975. С. 174–191; Бушков В., Моногарова Л. Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 215–233 и др.

⁴Хоналиев Н. Горно-Бадахшанская автономная область: проблемы социально-экономического развития // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 1 (31). С. 186.

⁵Пахалина Т.Н. Памирские языки. М.: Наука, 1969. С. 9–11; Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 103–113.

⁶Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР. Азиатская часть. М.: Мысль, 1978. С. 146–166; Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). Душанбе: Университет Центральной Азии, 2008. С. 11–12.

⁷Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год). СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. С. 202–211; Борбринской А.А. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1902. С. 1; Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911. С. 1–7; Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Барганга // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. 5. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1917. С. 103–104, и др.

⁸Раджабов С., Бободжанов Н. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 16–17.

⁹Лукницкий П.Н. Путешествия по Памиру. М.: Молодая гвардия, 1955. С. 480–481; Новейшая история исмаилитов. Преемственность и перемены в мусульманской общине. М.: Наталис, 2013. С. 79–81;

Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 95–98.

¹⁰ *Бушков В.И., Монозарова Л.Ф.* Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. URL: http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/23.bushk.shtml (дата обращения: 02.09.2015).

¹¹ *Каландаров Т.С.* Шугнанцы... С. 85–87, 91–92; *Ходжибеков Э.* Исмаилитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX – 30-е годы XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2002. С. 17; *Новейшая история исмаилитов...* С. 81–82; *Каландаров Т.С.* Исмаилизм на Памире: поиск новых путей и решений // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник.* Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 182–185.

¹² *Шохуморов С.* Исмаилизм: традиции и современность // *Центральная Азия и Кавказ.* 2000. № 2 (8). С. 128–138.

¹³ *Раджабов С., Бободжанов Н.* Советский Бадахшан... С. 17.

¹⁴ *Додихудоева Р.* Из истории письменности шугнанского языка. Вводные замечания // *Языки и этнография «Крыши мира».* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. С. 30–36.

¹⁵ *Зарубин И.И.* Труды Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Вып. 9: Список народностей Туркестанского края. Л.: Изд-во Рос. акад. наук: 1925. С. 5–6.

¹⁶ *Ходжибеков Э.Х.* Репрессии 1930-х годов XX века и исмаилиты Бадахшана // *Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований).* М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. С. 102–103; *Худоеров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации на постсоветском Памире. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 29–30.

¹⁷ *Народы СССР. Краткий справочник.* М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 9; *Чешко С.В.* Время стирать белые пятна // *Советская этнография.* 1988. № 6. С. 5–6; *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 229–230; *Додихудоева Р.* Из истории письменности... С. 34; *Худоеров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 33–34.

¹⁸ *Бозоров К.Д.* Переселенческая политика правительства Республики Таджикистан в послевоенный период и ее социально-экономическое и культурно-бытовое значение, 1946–1965 гг. Автореф. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2002.

¹⁹ *Додихудоев Р.Х.* Языковая политика и языковое строительство в Таджикистане // *Русский язык в СССР.* 1991. № 9. С. 5–7.

²⁰ *Ниёзов С.* Шниты-исмаилиты Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ.* 2003. № 6 (30) URL: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/05.niyu.shtml (дата обращения: 23.02.2017).

²¹ См., например: *Кисляков Н.А.* К вопросу об этногенезе таджиков // Советская этнография: Сб. ст. VI–VII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 316–319. *Андреев М.А.* Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. 1949. № 15. С. 3–18.

²² *Брук С.И.* Этнический состав населения России // Народы России. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 28–29.

²³ *Даудов А.Х., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г.* Национальное строительство в Таджикистане в 1988–2000-е гг. Поиск «основы конструкта» // Былые годы: Российский исторический журнал. 2015. Т. 35 (1). С. 204–210.

²⁴ *Чешко С.В.* Время стирать белые пятна // Советская этнография. 1988. Вып. 6. С. 5–6; *Давыдов А.С.* Не обоснованно... зато публицистично // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 15–23; *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Несколько замечаний по поводу отклика А.С. Давыдова на статью С.В. Чешко // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 35–38; *Додихудоев Р.* Доколе будем слыть манкуртами // Коммунист Таджикистана. 1989. Вып. 5. С. 28–29; *Зуробеков Н.* Шох ё гадо // 10.08.1989. С. 3.

²⁵ *Худоеров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 102–103.

²⁶ Закон Республики Таджикистан от 22 июля 1989 года № 150 «О языке». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=-30496905#pos=0;38 (дата обращения: 10.04.2018).

²⁷ Постановление Совета министров Таджикской ССР «О мероприятиях по выполнению Закона Таджикской ССР о языке» // Вечерний Душанбе. 17.07.1989. № 136 (5276). С. 2.

²⁸ Подробнее см.: *Худоёров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 103–107.

²⁹ Коғуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон» (лоиха) // Бадахшони Совети. 6.04.1991. С. 1–3; Коғуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон» (лоиха) // Бадахшони Совети. 9.04.1991. С. 1–3.

³⁰ Центральный государственный архив Республики Таджикистан. Ф. 297. Оп. 40. Д. 1538. Маджлиси Оли РТ 1993. Л. 236.

³¹ Приложение № 7: Устав организации «Лаъли Бадахшон» // Худоеров М.М. Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 244–225.

³² *Худоеров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 54.

³³ Подробнее см.: *Daudov A.Kh., Shorokhov V.A., Andreev A.A.* Anatomy of the Political Transformations during the Period of the Dissolution of the USSR on the Material from Kūhistoni Badakhshon // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2018. Vol. 63. Issue 3. P. 819–821.

³⁴ *Худоеров М.М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации... С. 136.

³⁵ *Ходжибеков Э.Х.* История активизации религии и религиозных деятелей ГБАО Республики Таджикистан в годы Перестройки (1985–1991 гг.) // Успехи современной науки. 2017. Т. 4. Вып. 2. С. 179–180.

В.А. Ачкасов (Санкт-Петербург)

*доктор политических наук, профессор, заведующий
кафедрой этнополитологии факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
val-achkasov@yandex.ru*

Проблемы защиты прав коренных малочисленных народов: конфликт в районе Усть-Луги

Описание ситуации и выявление базы для возникновения конфликта. В Кингисеппском районе Ленинградской области в начале 2000-х годов началось строительство крупного морского порта в районе поселка Усть-Луга. Данный регион считается ареалом расселения народа водь (вожане), одного из самых малочисленных народов области. С началом реализации этого проекта стало понятно, что дальнейшее запланированное расширение территории порта может привести к уничтожению двух последних деревень указанной этнической группы – Лужицы и Краколя¹. Ввиду этого строительство порта начало вызывать протесты со стороны ряда общественных организаций Ленинградской области и представителей академических кругов Санкт-Петербурга, занимающихся лингвистикой и этнографией финно-угорских народов.

Формирование сторон конфликта, выявление основных спикеров, фиксация позиций сторон. Сложившаяся ситуация привела к формированию конфликтующих сторон – с одной стороны были представители администрации строящегося порта, с другой – не столько жители Лужицы и Краколя, сколько представители общественных организаций («Общество водской культуры» (зарегистрировано в ходе конфликта), «Центр коренных народов Ленинградской области», «Вепсария», «Общество воды и ижоры») и представители академических кругов Санкт-Петербурга². Со стороны администрации порта заявления по данной проблеме делались преимущественно пресс-службой компании. Со стороны защитников водских поселений наиболее часто в медиапространстве появлялись руководитель «Общества водской культуры»

(зарегистрировано в ходе конфликта) Татьяна Ефимова и этнолог, руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова.

Позиция строителей порта строилась на основании необходимости реализации разработанного плана развития транспортного узла, который подразумевал строительство промзоны на территории деревни Лужицы. Активисты, жители деревни и сочувствующие им требовали сохранения своих территорий и защиты со стороны региональной администрации³.

Экономический интерес администрации Ленинградской области также заключался в том, чтобы развитие порта продолжалось ввиду того, что это одна из основных точек экономического роста в стратегии долгосрочного развития региона⁴. В отмене строительства порта были заинтересованы экономические ведомства соседних государств (в первую очередь Эстонии), для которых появление нового российского порта на Балтике угрожало снижением товарооборота в их собственных портах. Не случайно первыми подняли вопрос об угрозе исчезновения малочисленных финно-угорских народов воедь и ижора эстонские этнологи. Стоит также отметить, что проблема защиты народа воедь до сих пор тревожит наших соседей, так, президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес даже в 2014 г., через несколько лет после урегулирования конфликта, упомянул о ситуации в Усть-Луге как о нарушающей декларацию ООН «О правах коренных народов»⁵.

Динамика развития конфликтной ситуации. Достаточно широкий резонанс проблема защиты народа воедь получила после подключения к решению вопроса представителей Института языкознания РАН (2008 г.). Так, его директор, профессор В.В. Виноградов написал два открытых письма – в Министерство экономического развития РФ и в Правительство Ленинградской области. В них он апеллирует к статье 69 конституции РФ «О защите коренных малочисленных народов» и статье 4 ФЗ «О защите окружающей среды» и просит представителей федеральной и региональной власти принять активное участие в сохранении водской культуры и языка⁶. Также Виноградов выступил с предложением создать в районе компактного расселения малого народа специальный заповедник для защиты культурной самобытности местного населения. Отмечалась, что чрезмерно тесный контакт с промышленной зоной порта, даже в случае сохранения деревни, серьезно повредит окружающей среде и все равно поставит водское население на грань вымирания⁷.

Вскоре последовала реакция со стороны администрации порта. Руководитель кампании Николай Иевлев сделал заявление, в ко-

тором отметил, что непосредственно территория деревни Лужицы застройке не подлежит. Он также подчеркнул, поскольку води нет в федеральном списке коренных малочисленных народов России, следовательно, де-юре такого коренного малочисленного народа не существует⁸. Указанные высказывания вызвали возмущение и негативную реакцию поддерживающей водь общественности, в интернете появляются катастрофические публикации типа: «Российские власти уничтожают последние водские деревни» или «Порт «Усть-Луга» поможет народу водь окончательно исчезнуть» и др. Ситуацию усугубляло и отсутствие окончательно утвержденной южной границы территории застройки порта. В результате, центральной задачей для активистов стало лоббирование включения народа водь в официальный список коренных малочисленных народов РФ. Добившись этого в 2008 г., защитники народа водь поменяли стратегию поведения. Как отмечала в 2009 г. руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова, ввиду того что порт «Усть-Луга» уже почти построен, то имеет смысл не протестовать против его дальнейшего строительства, а искать пути взаимодействия и нахождения компромисса⁹. Площадкой для трансляции интересов исчезающего коренного народа стал ежегодный праздник «Лужицкая складчина», который носил фольклорный характер, но создавал информационный повод и возможность публично заявить о проблеме. Позже взаимодействие между сторонами конфликта продолжилось. Площадкой для переговоров стали общественные слушания по застройке территорий порта «Усть-Луга» и совместные совещания сторон.

Результаты разрешения конфликта. Стенания по поводу угрозы существованию народа водь продолжались и в последующие годы, в том числе и за пределами Ленинградской области – в Эстонии, даже после того как в 2008 г. этническая группа получила официальный статус коренного малочисленного народа России и активно заработали «Центр коренных народов Ленинградской области» и «Общество води и ижоры» (ижора тоже рассматривается в Ленинградской области как коренной малочисленный народ). Обе организации возглавила О. Конькова, признанная в результате успеха этой акции значимым экспертом в области региональной этнополитики. После нескольких лет переговоров летом 2011 г. администрация порта окончательно установила его южную границу, оставив деревню Лужицы вне опасности¹⁰. Таким образом, базовое требование стороны, защищающей водское население, было удовлетворено, кроме того администрация порта финансировала специальные экологические программы в районе и даже издание книги

главной защитницы воды – О. Коньковой (*Конькова О.* Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.; ил.)¹¹. В этой книге автор без обиняков заявляет: «Пусть официальные данные говорят о том, что вожан осталось менее сотни человек. На самом деле, в каждом четвертом жителе западных районов Ленинградской области течет часть древней водской крови. И если бы многие сотни тысяч современных жителей внимательно изучили историю своей семьи и взгляделись в лица своих родителей, они с радостным удивлением нашли бы в себе мощную уникальную составляющую коренных народов нашей земли (выделено мной. – В. А.). Вожанами были их деды и прадеды, на водском языке разговаривали еще их бабушки. Ведь водь – один из древнейших народов Северо-Запада России, о котором говорили летописи еще в XI в. Но сотни войн и нападений, изломы истории и политики привели к тому, что некогда сильный и известный народ в наши дни насчитывает лишь десятки человек»¹². Мало того, что Конькова определяет этническую принадлежность фактически по крови, что крайне удивительно для ученого-этнолога, позднее она уже утверждает, что вожан, как и ижорцев, насильственно записывали как русских, и что «Практически весь XX век был направлен на ассимиляцию народов, на принижение национального самосознания(?)»¹³. И это говорится о Советском Союзе, где государство всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от гражданского «нациестроительства» в пользу поощрения многонациональности и пропаганды «дружбы народов». Как резонно отмечал по этому поводу В.А. Тишков: «Нет такого региона мира, где бы в течение XX в., как это было в Советском Союзе, не исчезла ни одна малая культура, и фактически сохранилась вся культурная мозаика огромного государства, в то время как исчезали сотни малых культур в других регионах мира. И это касается не только стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и развитого европейского мира, где средств для поддержки культурного многообразия на порядок больше»¹⁴. В свою очередь, по мнению внешнего эксперта – американского исследователя Терри Мартина, советское государство осуществляло политику «положительной дискриминации» («аффирмативных действий»), то есть акцентирования и сохранения любых форм национальной самобытности малых туземных народов, вместо того чтобы поощрять постепенную интеграцию с русскими или другими крупными и более развитыми народами¹⁵. Тем самым Т. Мартин продемонстрировал, что первыми к проведению политики мультикультурализма обратились не канадцы и американцы в 70-е годы XX в.,

а большевики на 50 лет ранее, причем осуществляли ее в гораздо более радикальной форме и практически до конца существования Советского Союза.

Казалось бы, анализ данного кейса показал, что усилиями активистов гражданского общества удалось обеспечить локальному конфликту интересов широкий резонанс, вывести его обсуждение на федеральный и даже международный уровень и обеспечить его успешное разрешение. Все это, казалось бы, указывает на наличие у «третьего сектора» Ленинградской области и Санкт-Петербурга серьезного потенциала правозащитной деятельности и урегулирования возникающих конфликтных ситуаций.

Однако если быть объективным, то надо сказать, что води как народа уже не существует – есть очень небольшие группы престарелых граждан, которые идентифицируют себя как водь, и есть небольшая группа петербургских энтузиастов, которые играют в ролевые игры про «дискриминируемый народ водь», а также есть этнические антрепренеры, которым доверились власти Ленинградской области¹⁶. О каком коренном народе водь может идти речь, если в деревнях Лужицы и Краколье Кингисеппского района Ленинградской области, т. е. в районе традиционного расселения, проживает всего 15 старушек, именующих себя вожанками, а балтийскую кильку вожане не ловят уже лет пятьдесят, т. е. никто из них не занимается традиционным промысловым хозяйством, что является неременным требованием для получения этнической группой статуса коренного малочисленного народа России¹⁷. Из 64 вожан, зафиксированных переписью 2010 г., четверо якобы еще знают водский язык, но фактически группа уже исчезла и в этом нет ничего необычного, ибо вся история человечества свидетельствует о том, что языки, культуры и народы рождаются и умирают, и это, к сожалению, естественный процесс, примеров которого можно найти достаточно, в том числе в Восточной и Западной Европе.

Еще более проблематично говорить о народе ижора. И дело не только в численности, хотя она тоже невелика: 229 человек называют себя ижорой, однако вся ижорская молодежь покинула свои деревни, отказалась от ижорского языка и искренне считает себя русскими, что является логическим завершением процесса культурной эволюции ижор. Как отмечает А.В. Крюков, наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание – «русские» («venäläiset»), первоначально представляло собой политоним (социальный маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства – «Venäjä»), а в XVIII–XIX вв. конфессионим («русские» как носители православной религии, прихожане право-

славной церкви – «venäjän kirkko»). Ижорцы, искренне считавшие себя «настоящими русскими», с XVII в. представлялись таковыми в первую очередь перед ингерманландскими финнами-лютеранами. Ижорцы вплоть до XIX–XX вв. рассматривали себя не как этническое меньшинство, а как часть русского народа. Данное самосознание стало причиной того, что среди ижорцев не было заметного стремления к обретению автономии, они приняли крайне незначительное участие в «ингерманландской армии» в период Гражданской войны, а местные учителя в 1930-е гг. в большинстве своем были против «ижоризации» школы (т. е. ижорской письменности и преподавания предметов в начальной школе на ижорском языке)¹⁸. Однако важно заметить, что сегодня «культурные игры» вокруг воды и ижор приобрели совсем иной характер, суть которых состоит в конструировании и демонстрации их этнической отличительности, которой в реальности уже не существует¹⁹.

В отличие от современных этнических антрепренеров и их «группы поддержки» (выступающих от имени воды и ижоры, но не получившие мандата на это), реальные представители этих групп выбрали путь вполне сознательной культурной интеграции в русское этнокультурное сообщество. Однако можно ведь и не замечать этого, как это случилось в Ленинградской области, и пойти на поводу у этнических антрепренеров, которые в результате получили репутационный и политический капитал на этнизацию возникшего конфликта интересов. И такая позиция властей отнюдь не безобидна. Поощряя и даже оплачивая бюджетными деньгами акцентирование этнокультурных различий, власти тем самым исподволь закладывают конфликтный потенциал в отношения между представителями разных народов России, которые, по заявлениям политических элит, должны консолидироваться в единую политическую нацию посредством формирования единой надэтнической политической идентичности.

Примечания

¹Репортаж из деревни Лужицы. [Электронный ресурс] <http://rarepapeg.ru/fullscreen/vadjamaa/>

²Порт Усть-Луга угрожает води. [Электронный ресурс] <http://m.finugor.com/news/port-ust-luga-ugrozhaet-vodi>

³Порт «Усть-Луга» поможет народу водь окончательно исчезнуть. [Электронный ресурс] <http://www.online812.ru/2014/10/10/009/>

⁴Концепция комплексного развития территорий Ленинградской области, прилегающих к границам Санкт-Петербурга / Фонд ЦСР «Северо-

Запад» для Правительства Ленинградской области. [Электронный ресурс] <http://www.csr-nw.ru/files/publications/it2.pdf>

⁵ Президент Эстонии: Порт Усть-Луга противоречит декларации ООН о правах коренных народов [электронный ресурс] <https://regnum.ru/news/polit/1850832.html>

⁶ Российские власти уничтожают последние водские деревни. [Электронный ресурс] <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/20.html>

⁷ Там же

⁸ Компания «Усть-Луга»: малого народа водь нет. [Электронный ресурс] <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/24.html>

⁹ Порт «Усть-Луга» поможет народу водь окончательно исчезнуть [Электронный ресурс] <http://www.online812.ru/2014/10/10/009/>

¹⁰ Южная граница порта Усть-Луга определена окончательно и не затрагивает водскую деревню Лужицы – ОАО «Компания Усть-Луга» (карта). [Электронный ресурс] <http://portnews.ru/news/65803/>

¹¹ Финансирование экологической программы УПК (Усть-Луга) за 3 месяца 2017 года выросло в 5,6 раза – до 1,96 млн руб. [Электронный ресурс] <http://portnews.ru/news/238053/> Правда, проект специального заповедника, предлагаемый Институтом языкознания РАН, не был реализован.

¹² *Конькова О.* Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 5–6. Книга издана при финансовой поддержке комитета по культуре Ленинградской области и ОАО «Компания Усть-Луга».

¹³ Там же. С. 68.

¹⁴ *Тишков В.А.* Политика мультикультурализма: Теория и практика // <http://www.uic.bashedu.ru>

¹⁵ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁶ Хочу поблагодарить Ю.П. Шабаева за предоставленную информацию о реальном положении народов водь и ижора.

¹⁷ См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 104-ФЗ от 20 июля 2000 года // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 30.

¹⁸ *Крюков А.В.* Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // *Нестор.* № 10. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007.

¹⁹ Сегодня руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» уже добивается от власти запуска подготовки преподавателей водского языка. Однако неясно: кто может учить студентов этому языку и, главное, кого они будут учить после окончания вуза?

А.Г. Большаков (*Казань*)
*доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой конфликтологии
Казанского федерального университета
bolshakov_andrei@mail.ru*

Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта

В первом полугодии 2017 г. Татарстан находился в ожидании вердикта о пролонгации федеративного договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Республикой Татарстан. В июле–августе стало очевидно, что договор не будет продлен. Информация об этом поступила через медийные источники «РБК» и «Коммерсант». Стало также известно, что должность республиканского президента будет сохранена в Татарстане до 2020 г. – срока окончания полномочий действующего руководителя республики Р. Минниханова [1]. Заместитель главы Администрации Президента РФ С.В. Кириенко высказался в том смысле, что «федерация в России не носит договорного характера», а «все достижения Татарстана уже имплементированы (введены) в существующее федеральное законодательство, поэтому договор не нужен» [2]. Это высказывание поставило точку в дискуссиях об отдельном договоре.

Республиканская элита не оказала активного сопротивления в этом вопросе. Президент Татарстана Р. Минниханов публично отказался от идеи необходимости данного документа, Государственный Совет Республики Татарстан в своем обращении робко попросил федеральную власть не отменять договор. Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» 2007 г. имел форму федерального закона, был подписан на двух языках, русском и татарском, и был рассчитан на 10 лет с возможностью последующей пролонгации. «Специфика» статуса Республики Татарстан и равноправный статус двух государственных языков были закреплены

именно в этом документе. Аннулирование договора способствовало появлению «языковой проблемы», которую поспешили назвать конфликтом.

До начала осени «проблема» на уровне общественного мнения не осознавалась. У части жителей республики имелось недовольство количеством часов преподавания татарского языка в школах, но недовольство не носило открытого характера и не было адресовано властям и администрации учебных заведений. Противостояние и провокации создали постепенно ситуацию общественного напряжения, которое развивалась по следующим направлениям: федеральные и республиканские власти; прокуратура – республиканское министерство образования и науки; школы (администрация, учителя, родители учащихся); жесткие дискуссии на уровне общественных организаций в СМИ и Интернете.

Наиболее активные обсуждения языковой проблемы и акции провели «Ассамблея народов РТ», Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), «Русскоязычные родители Татарстана» и другие общественные организации. Постоянный интерес к данной теме характерен для ряда Telegram-каналов, а также радио «Курай» и электронных изданий «In Kazan» и «Бизнес-онлайн».

20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле президент РФ В. Путин обратил внимание на то, что «заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского» [3]. 31 августа Генпрокуратуре РФ совместно с Рособназдором было поручено до 30 ноября проверить, как в регионах соблюдают законодательство об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик.

16 октября Прокуратура Казани потребовала исключить предметы «татарский язык» и «литературное чтение на татарском языке» из обязательной части учебного плана средних учебных заведений. После этого школы приступили к отмене обязательного преподавания татарского языка. Однако это было сделано на основе планов Министерства образования и науки РТ, которое предложило изучать татарский язык, поставив его в учебные планы в разделе «родной язык» два-три учебных часа в неделю вместо пяти-шести часов ранее.

26 октября Р. Минниханов высказался в пользу сохранения обязательного изучения татарского языка в школах республики. Предполагалось, что Государственный Совет РТ поставит точку в спорах. Но 4 ноября Прокуратура заявила, что планы, подготовлен-

ные Министерством образования и науки РТ, «не обеспечивают добровольность изучения языков». На заседании Государственного Совета РТ 8 ноября Р. Минниханов сообщил о том, что переговоры с Администрацией Президента РФ и Министерством образования и науки РФ «продолжаются» и они идут вокруг двух учебных часов в неделю обязательного для всех учащихся татарского языка.

15 ноября «РБК» обнаружено интервью анонимного федерального чиновника, в котором говорилось, что позиция Администрации Президента РФ по поводу изучения национальных языков в школах не изменится. «Все будет в соответствии с законодательством – национальные языки изучаются на добровольной основе. Это правило для всех национальных республик, исключений не будет ни для кого. Министерство образования и науки РФ не гарантировало Татарстану сохранения обязательного татарского языка в школьном расписании, Министерство поддержит позицию Администрации Президента РФ» [4]. В продолжение темы пресс-секретарь Президента РФ Д.С. Песков сообщил, что «языковой вопрос может быть решен властями Татарстана, но на основе добровольности» [5].

Напряженность ослабела в ноябре, когда федеральный центр предложил оставить в школах и других средних учебных заведениях республики до двух часов татарского языка на основе факультативности. Последовавшее за этим заседание Государственного Совета РТ подтвердило это решение, депутаты проголосовали за него, даже не приступив к дискуссии. Министр образования и науки РТ Э. Фаттахов был отправлен в отставку.

Нужно учесть, что события разворачивались в канун приближавшихся федеральных выборов президента. Завершением острых языковых дискуссий стало заявление Р. Минниханова о том, что «татары сами должны как следует овладеть родным языком», жителям республики надо «забыть все обиды» и «поддержать на выборах Владимира Путина» [6]. Несмотря на то что острота момента прошла, принятое решение не смогло устранить имеющиеся противоречия. С одной стороны, преподавание русского языка в школах республики ведется в полном объеме, отменен экзамен по татарскому языку в 9-м классе, а татарский язык стал факультативным. С другой стороны, власти республики и школьные администрации столкнулись с проблемой «лишних» учителей татарского языка, их переобучения и спасения от увольнений.

Языковая тема сохранила политизированную остроту в Интернет-блогах и сетевых сообществах Татарстана. Внимание к этой проблеме подогревалось и средствами оперативного обмена

сообщениями через Telegram-каналы. Многие, если не большинство участников, оказались вовлечены в языковые дискуссии при косвенных обстоятельствах как бы помимо их воли. Массовость объясняется тем, что в кампаниях «за» и «против» были задействованы практически все родители, у которых есть дети школьного возраста. А если добавить к их числу прочих родственников учащихся (бабушек, дедушек и др.), а также школьные администрации и учителей, то получается значительная часть населения Татарстана с «активной позицией».

Впрочем, однозначности в общественном мнении не было. Например, при опросах методом фокус-групп многие русские настаивали на том, что их дети должны учить татарский язык, поскольку «мы живем в Татарстане». А вот городские татары при опросе нередко желали, чтобы их дети «изучали только русский язык», поскольку «именно он дает возможность хорошего трудоустройства и учебы в вузе», а татарский язык, по их мнению, «нужен только для домашнего общения» [7].

Представляется, что именно благодаря разнообразию мнений жителей Республики Татарстан общественное напряжение не переросло в этнополитический конфликт. Более радикальными были установки сельских татар, заявлявших, что просто не понимают, «почему у них отбирают возможность учить детей на родном языке». Но и с этим мнением не все однозначно, поскольку сельчане зачастую высказывали не личное отношение, а повторяли точку зрения, тиражируемую в социальных Интернет-сетях и местных СМИ. Заголовки материалов в некоторых СМИ говорят сами за себя: «Никто не спасет татарский язык, кроме самих татар», «ВТОЦ предложил оставить один государственный язык в Татарстане – татарский», «Защитим родной язык» и др.

До массовых дискуссий многие в Татарстане не считали «языковую проблему» существенной и не задумывались о ней.

Информацию об общественном мнении дают опросы населения. Экспертный совет по общественно-политическим и этноконфессиональным вопросам при Казанском федеральном университете принял решение пригласить социологов ВЦИОМ [8], которые провели исследование и 11 декабря 2017 г. представили результаты. С ключевым докладом выступил руководитель управления социально-политических исследований этой организации К.С. Родин. Он сообщил, что для оценки этнополитической ситуации в Татарстане жителей республики спрашивали о социальных проблемах и респонденты могли дать до пяти вариантов ответов в свободной форме. Чаще прочих опрошенные упоминали «отсутствие повы-

шения зарплат», «уменьшение количества рабочих мест (безработица)», «ухудшение дорожно-транспортной ситуации», «высокие тарифы ЖКХ», «отсутствие повышения пенсий», «высокие цены, инфляция». Проблема изучения и использования татарского языка оказалась у опрошенных на 8-м месте, она волнует только 7% опрошенных. То есть «проблема татарского языка», хотя и важна для татарстанцев, но не является приоритетной.

Исследования местных социологов свидетельствуют, что 88% татарстанцев в той или иной мере осознают силу этнических связей. В целом показатели татар и русских, живущих в Татарстане, достаточно сравнимы, особенно это касается горожан. Показательно, что в межэтнических взаимодействиях, вызывающих беспокойство у татарстанцев, проблемы, связанные с функционированием языков, довольно значимы. Рассмотрены две их составляющие: проблема обучения родному языку и проблема использования родного языка. Обе проблемы беспокоят, прежде всего, татар (21–25%); русских – в меньшей степени (7–9%). Для сравнения: большую обеспокоенность наличием инокультурных мигрантов в Татарстане высказывают 24% татар и 29% русских, то есть здесь показатели сравнимы [9].

В этой связи понятно, что основные усилия государства должны быть направлены на решение социально-экономических проблем граждан. При этом значительное внимание нужно уделять национальной и языковой политике, развитию русского и татарского языков, других языков в Республике Татарстан. При этом языковая тема не является масштабной, не волнует большинство жителей республики, и ее не следует квалифицировать как «этнолингвистический конфликт» или «языковой кризис».

Представляется, что наиболее верное решение языковой проблемы лежит через внедрение новых методик изучения татарского языка и его популяризацию. Следует также учесть, что в некоторых районах Татарстана, преимущественно сельских, татарский язык активно используется в повседневной жизни. Там возможно школьное преподавание татарского языка в больших объемах, но при обеспечении прав русского языка, который дает возможности социальной мобильности выпускников, их поступления в вузы, переезда в другие регионы России, устройства на работу в самых разных сферах.

Конфликтная ситуация 2017 г. не получила своего окончательного разрешения, напряжение ослабело путем временного урегулирования проблемы. Руководство Татарстана во взаимоотношениях с федеральной властью продемонстрировало полную лояльность общероссийскому политическому курсу Президента

РФ В. Путина. Татарстан голосовал преимущественно за действующего Президента, поддержал поствыборные реформы российского правительства с НДС, пенсионным возрастом и др.

С начала 2018 г. Татарстан активизировал вою деятельность и в языковом вопросе. Часть депутатов Государственного Совета явно пыталась отыграть за «поражение» в языковой реформе 2017 г. Предложения в российское законодательство Татарстан вносил через своих депутатов Государственной Думы, представляющих фракцию «Единая Россия». Наиболее активным был И. Гильмутдинов, который возглавляет профильный комитет российского парламента.

Некоторые республиканские СМИ встали в этот период на радикальные позиции под флагом «защиты татарского языка и культуры»: электронная газета «Бизнес-онлайн», Телеграмм-канал «НЕАЙСИН» и др. Интересно, что татарский язык защищался преимущественно текстами на русском языке. Появились различные инициативные группы, которые пытались «защитить» татарский язык от «уничтожения» в результате федеральной языковой реформы. Неформальным лидером подобных групп стал историк Р. Айсин, который полемизировал не только с федеральными депутатами и чиновниками, но и критиковал татарстанские власти за «бездействие в языковом вопросе». Однако изменить существенно настроения основной массы населения они не смогли.

Летом 2018 года был принят федеральный закон об изучении родных языков. Вначале власти Татарстана сочли законопроект «недопустимым», а Государственный Совет РТ практически единогласно сказал нет первоначальной версии документа. После протестов некоторых национальных республик в Администрации Президента РФ состоялись переговоры (куратор – С. Кириенко), в ходе которых компромиссные предложения переговорщиков от Татарстана были приняты.

Согласно поправкам, родной язык остается в обязательной части учебного плана. Но устанавливается «свободный выбор языка» образования, а также выбор языка для изучения как родного или государственного языка республики по заявлению родителей (в том числе русского языка). После принятия закона Президент России уже издал указ о создании фонда поддержки родных языков, сделал его президентским с соответствующим федеральным финансированием.

Тем не менее, языковая реформа пока не завершена, не на все вопросы даны ответы. Вопреки постановлению Государственной Думы РФ, принятому в ходе первого чтения, депутатам не предста-

вили ни новой версии ФГОС, ни концепции преподавания родных языков. Процесс затормозило разделение Министерства образования и науки РФ. Поэтому напряженность вокруг нового закона остается.

Общественное мнение не зафиксировало существенного изменения в позиции татарстанцев по стабильности межнациональных отношений в республике, произошло определенное снижение показателей в этой сфере (на 3–5%), которое связано с некоторым падением доверия властям различного уровня и проводимым ими социально-экономическими реформами в 2018 г., прежде всего, это касается федеральной власти [10].

Летний опрос в рамках мониторинга общественного мнения в Татарстане продемонстрировал, что за изучение татарского языка в полном объеме для представителей всех национальностей выступают 7,2%, 45,1% за его изучение в полном объеме для татар и разговорном минимуме для остальных народов, 37% настаивают на необходимости изучения только русского и английского языков [10]. При этом значимое большинство жителей республики скорее положительно (34,7%) или нейтрально (37,6%) отнеслись к новому федеральному закону об отмене обязательного для всех изучения татарского языка, скорее отрицательно его восприняли 22,6% жителей, затруднились ответить 5,1% респондентов [10].

Это означает, что ситуация продолжает развиваться, возврата к обязательному изучению татарского языка не будет, а число людей, выступающих за изучение его в полном объеме всеми жителями республики, независимо от их национальности, минимально. По всей видимости, языковая напряженность 2017–2018 гг. постепенно могла сойти на нет, однако непростая социально-экономическая обстановка в России, приближающиеся выборы в Государственный Совет РТ, отсутствие ясности в вопросе о выборах главы республики могут, при определенных условиях, дестабилизировать ситуацию и вызвать рост националистических настроений.

Литература

---

1. СМИ узнали о решении Кремля по вопросу о должности президента Татарстана (<https://www.rbc.ru/politics/15/07/2017/5969c0bb9a79472e76e2de75>, 15.04.2018).
2. Кириенко высказался о договоре с Татарстаном (<http://www.mk.ru/politics/2017/08/20/kirienko-vyskazalsya-o-dogovore-s-tatarstanom.html>, 15.04.2018).

3. Путин назвал русский язык духовным каркасом страны (<https://ria.ru/society/20170720/1498850306.html>, 15.04.2018).
4. Кремль не изменит позицию по вопросу изучения татарского языка в школах. Коммерсант (<https://www.kommersant.ru/doc/3467745>, 15.04.2018).
5. Песков: Путин всегда говорил о добровольном изучении национальных языков (<https://inkazan.ru/news/politics/08-11-2017/peskov-putin-vsegda-govoril-o-dobrovolnom-izuchenii-natsionalnyh-yazykov>, 15.04.2018).
6. В Татарстане не утихает родная речь. Коммерсант-Казань (<https://www.kommersant.ru/doc/3528120>, 15.04.2018).
7. Материалы социологического исследования методом фокус-групп КИСИ «Консенсус» (г. Казань) с 15 сентября по 15 октября 2017 г. в четырех городах Республики Татарстан: Казани, Альметьевске, Нижнекамске, Набережных Челнах.
8. Количественный опрос ВЦИОМ в Татарстане проводился с 28 октября по 8 ноября 2017 г. В нем приняли участие 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше. Опрос осуществлялся методом личного интервью по месту жительства респондентов. Исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,6%.
9. Данные республиканского мониторинга. Ежеквартальные опросы Фонда «Общественное мнение – Татарстан» проводятся в республике с 2013 г. на систематической основе. В каждом количественном опросе принимают участие не менее 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет. Опросы осуществлялись методом личного интервью по месту жительства респондентов, а исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,5%. Параметры мониторинга сравнимы с исследованием ВЦИОМ по Татарстану.
10. Данные ежеквартального мониторинга ситуации в Республике Татарстан за второй квартал 2018 г. Параметры исследования приведены в предыдущей сноске.

З.Р. Высоцкая (Москва)

*аспирант кафедры управления в сфере межэтнических
и межконфессиональных отношений факультета
государственного управления Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
zoza_vysotskaya@list.ru*

Структуры гражданского общества в системе этнонациональной политики в современной России

Говоря об этничности, ученые обращают внимание [10, с. 15] на два важных аспекта этого понятия: этничность как форма самоидентификации, и этничность как основание для самоорганизации граждан по этническому признаку. Этничность является одной из форм социальной организации и при определенных условиях может использоваться как социальный и политический актив. Это суждение опирается на выводы работы Фредерика Барта [11], знаменитого норвежского антрополога, в которых он анализирует природу возникновения коллективных норм и ценностей в условиях, когда индивидуумы действуют на основании личных интересов и расчета. Такие действия Барт описывает через понятие трансакций, совокупность которых является артикуляцией групповых интересов. Претворение этих интересов в жизнь приводит к процессу включения этнического дискурса в публичную сферу и формирует институциональные основы функционирования межэтнических отношений в обществе, что справедливо для современного российского общества. Институтам гражданского общества отводится центральная роль в реализации функций государства во многих сферах, но особенно в социальной и этнокультурной сферах.

Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин в работе «Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием», анализируя новые тенденции в управлении этнокультурным многообразием в мире, отмечают, что «теперь государство подстраивается под человека и запросы общества. Это верно и в отношении темы культурного разнообразия. (...) Важно отметить, что данное ви-

дение радикально отличается от подходов с позиции социальной инженерии и мышления в духе государственного патернализма, характерных для советского и постсоветского контекста» [8, с. 111].

Реализация этнонациональной политики в России идет в русле мировых тенденций по более активному включению гражданского общества в сферу управления межэтническими отношениями, отказа от директивной системы управления данной сферой. Причем это тот случай, когда политические намерения государства обретают прикладной характер на операционном уровне управления. Это было обусловлено следующими действиями власти.

Во-первых, на протяжении 2012–2017 гг. в существующее законодательство о некоммерческих организациях (далее – НКО) были внесены изменения и дополнения, которые определяли деятельность в сфере развития межнационального сотрудничества как одно из приоритетных направлений в сфере оказания общественно полезных услуг [1]. Ранее данная сфера деятельности НКО не обладала таким статусом, что вызывало много вопросов со стороны профессионального сообщества, поскольку очевидным был тот факт, что именно общественные организации являлись главным субъектом гармонизации межэтнических отношений, особенно до образования Федерального агентства по делам национальностей (далее – ФАДН) в системе федеральных органов исполнительной власти в 2015 г. По состоянию на ноябрь 2018 г. в базе НКО Министерства экономического развития РФ [12] значится 108 социально-ориентированных НКО, чья деятельность направлена на развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов РФ, что составляет порядка 6,5% от общего числа представленных в базе социально-ориентированных НКО.

Во-вторых, обращаясь к тексту государственной программы «Реализация государственной национальной политики» [2] (далее – Госпрограмма), можно заметить, что задача выстраивания взаимодействия между властью и гражданским обществом является одной из генеральных линий реализации государственной политики в этнокультурной сфере. Как следует из содержания первой подпрограммы «Государственно-общественное партнерство в сфере государственной национальной политики Российской Федерации», основные направления реализации сводятся к следующему: бюджетная поддержка деятельности НКО (субсидии и гранты); образовательные мероприятия для работников сферы

НКО как субъектов реализации национальной политики и молодежи, принимающей участие в мероприятиях этнокультурных организаций, как объекта национальной политики; разработка методических материалов и распространение информации о существующих практиках этнокультурных НКО; определение модели государственно-частного партнерства при реализации этнонациональной политики; стимулирование и мотивация НКО к развитию в указанной сфере и другие. Особое внимание уделяется работе НКО с молодежью, где именно некоммерческий сектор выступает основным исполнителем молодежной политики в межнациональной сфере.

В-третьих, можно констатировать, что на данный момент выстроена системная работа по предоставлению этнокультурным некоммерческим организациям субсидий и грантов для реализации проектов, направленных на укрепление межнационального и межрелигиозного согласия. С 2017 года единым оператором грантов Президента РФ на развитие гражданского общества является унитарная некоммерческая организация «Фонд президентских грантов», в рамках которого проводится отдельный конкурс среди проектов этнокультурной и религиозной тематики. Всего на данный момент было проведено четыре конкурса. По данным портала «Национальный акцент» [14], количество победителей в первом конкурсе 2017 г., в первом и втором конкурсе 2018 г. в направлении «Укрепление межнационального и межрелигиозного сотрудничества» составляло около 40 проектов на конкурс, плюс некоторые проекты оказывались в других номинациях конкурса Фонда президентских грантов. Прорывным для этнокультурной сферы стал второй конкурс 2017 г., когда гранты получил 101 проект, и еще 50 – по смежной тематике.

В самом общем виде структура гражданских институтов в системе этнонациональной политики РФ выглядит следующим образом [5, с. 47–51].

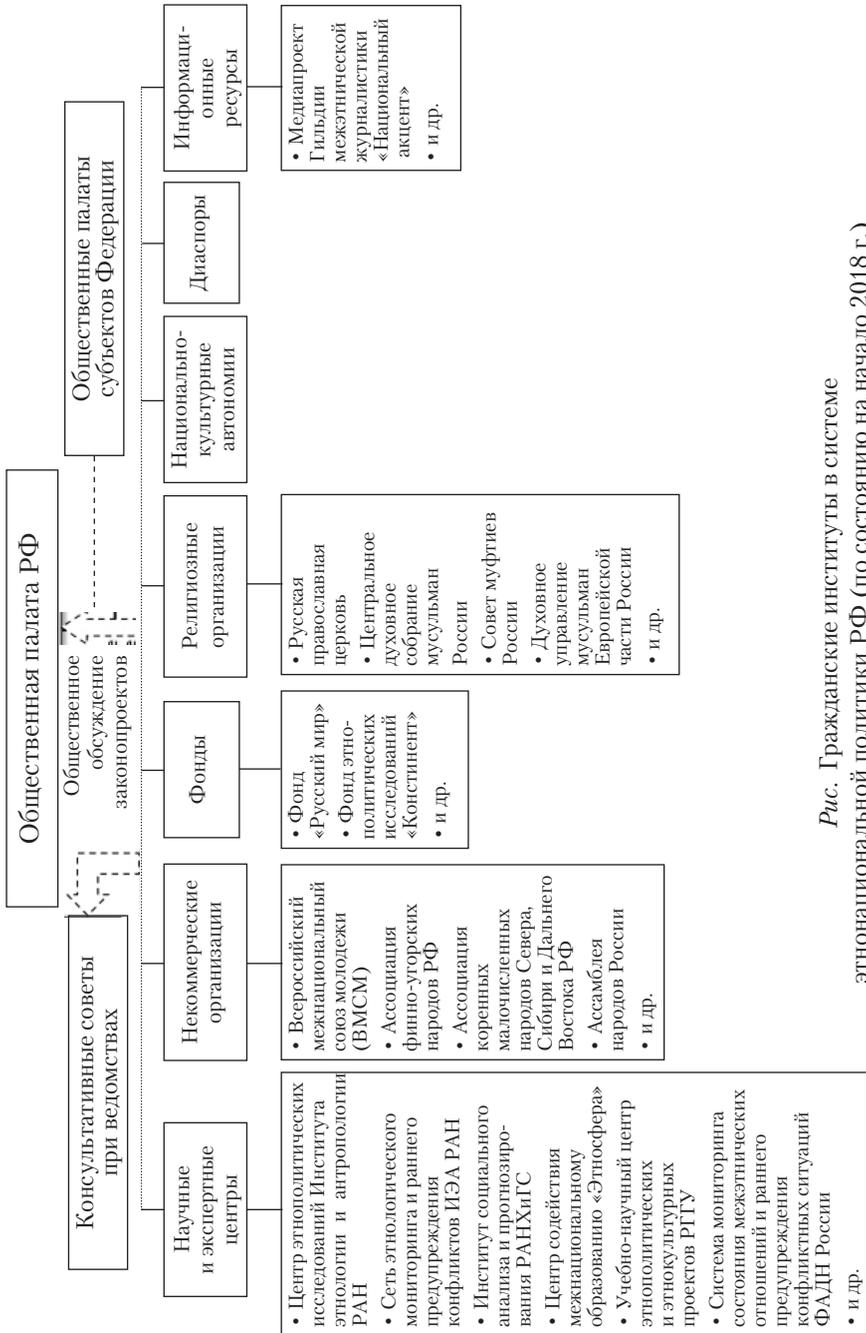

Рис. Гражданские институты в системе этнонациональной политики РФ (по состоянию на начало 2018 г.)

Исследователи А.Я. Лившин и И.В. Купцова выделяют следующие направления деятельности структур гражданского общества по гармонизации межэтнических отношений [3, с. 109–113]: 1) научно-аналитическое направление, представленное экспертным сообществом, образовательными и научными организациями; 2) пропаганда и контрпропаганда – организации, в том числе СМИ, осуществляющие освещение и популяризацию различных этнокультурных аспектов; 3) образовательно-методическое направление, заключающееся в реализации обучающих программ как для подрастающего поколения, так и для специалистов, работающих в сфере национальной политики или включенных в этнокультурную среду; 4) нормативно-методическое и организационное направление, включающее проведение профильных экспертиз и слушаний по вопросам национальной политики, разработку и тиражирование методических материалов и так далее; 5) институционально-представительное и институционально-исполнительное направления, отраженные в формате проведения публичных слушаний или участия представителей гражданского общества в консультативных и совещательных органах при органах власти по межнациональным отношениям.

К этому списку стоит добавить еще два менее очевидных направления деятельности структур гражданского общества, но не менее значимых.

Во-первых, воспитание лидеров общественного мнения. В уже указанной выше Госпрограмме особое внимание уделяется воспитанию молодежи, причём Госпрограмма предлагает перечень различных форматов этой деятельности. Сейчас большую огласку получают «слёты», «межнациональные лагеря», «форумы» и «конференции» молодежи разных этнических групп, проведение которых направлено на развитие навыков проектной работы, коммуникации между представителями регионов, общегражданского сплочения. В.А. Сажина верно подмечает, что участие в таких формулах «зачастую становится первой большой ступенью для инициативной молодежи на пути к своей общественной и/или политической карьере. При этом формат форума позволяет организаторам вовремя разглядеть тех активистов, чьи интересы и «новаторские идеи» идут в разрез с целями национальной политики, не способствуют формированию гражданского единства, несут в себе идеи сепаратизма или в целом деструктивны для молодежной среды» [9, с. 874].

Во-вторых, именно структуры гражданского общества становятся непосредственными субъектами реализации государственной национальной политики. Именно они через систему тендеров

и госзакупок являются основными организаторами фестивальных и образовательных мероприятий, проведения социологических и мониторинговых исследований и так далее.

При подсчете количества некоммерческих организаций этнокультурного толка в современной России необходимо учитывать, что такие организации могут создаваться фактически в любой организационно-правовой форме. Это затрудняет определение количества НКО, осуществляющих свою деятельность в сфере межэтнических отношений. Тем не менее, существующее законодательство выделяет несколько организационно-правовых форм, которые напрямую идентифицируются как профильные в данной сфере: национально-культурные автономии (далее – НКА), общины коренных малочисленных народов, казачьи общества.

А.В. Зайцев отмечает: «В институциональном дизайне публичной политики современной России особое место занимает и играет исключительно важную роль диалог государства и гражданского общества, находящийся в самом начале длительного процесса институционализации. Публичная политика – это открытое коммуникативное пространство, где протекает диалог государства и гражданского общества в процессе осуществления публичной политики. Важнейшими элементами публичной политики являются гражданское общество, публичное пространство, диалог государства и гражданского общества, механизм обратной связи и другие институты публичной политики» [4]. Рассмотрим конкретные примеры того, как подходы, присущие публичному управлению, находят свое отражение в современной этнополитике России (таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Краткие сведения об этнокультурных и религиозных
некоммерческих организациях [3, с. 104–105]
(по состоянию на октябрь 2018 г.)

Тип организации	Количество организаций		Число человек в расчете на одну действующую организацию («организационная плотность»)
	зарегистрированных	исключенных	
Национально-культурные автономии (РФ)	1245	691	117 976
по федеральным округам:			
Центральный	279 (max)	136	140 901
Северо-Западный	114	98	122 386
Южный	175	70	93 953 (min)
Северо-Кавказский	74	61	132 750
Приволжский	256	97	115 401
Уральский	108	80	114 410
Сибирский	190	125	101 513
Дальневосточный	29 (min)	19	212 596 (max)
Общины коренных малочисленных народов (РФ)	1528	987	96 126
по федеральным округам:			
Центральный	0	0	–
Северо-Западный	61	24	228 721
Южный	0	0	–
Северо-Кавказский	10	1	982 348 (max)
Приволжский	0	0	–
Уральский	143	141	86 407
Сибирский	309	206	62 419
Дальневосточный	1005 (max)	615	6135 (min)

Окончание таблицы 1

Тип организации	Количество организаций		Число человек в расчете на одну действующую организацию («организационная плотность»)
	зарегистрированных	исключенных	
Казачьи общества (РФ)	2716	828	54 080
по федеральным округам:			
Центральный	418	90	94 046
Северо-Западный	135 (min)	38	103 348
Южный	1047 (max)	249	15 704 (min)
Северо-Кавказский	278	43	35 336
Приволжский	249	57	118 645 (max)
Уральский	208	110	59 405
Сибирский	238	185	81 040
Дальневосточный	143	56	43 114

Таблица 2

Проявление характеристик публичного управления
в национальной политике России

Характеристика публичного управления сост. по: <i>Купряшин Г.Л.</i> Публичное управление [7, с. 112–113]	Проявление данной характеристики в национальной политике (пример)
Включение общественного уровня исполнения управленческих решений	Политическое и правовое признание НКО, чья сфера деятельности связана с межэтническими отношениями, исполнителями общественно полезных услуг (2015–2017 гг.)
Особое значение обратных связей	При оценке реализации национальной политики широко используются социологические методы мониторинга: социологические опросы ФАДН, оценка реализации Госпрограммы «Реализация государственной национальной политики (2017–2025 гг.)» и др.

Продолжение табл. 2

Институты и процессы политико-административной системы рассматриваются как итог компромиссов и столкновений заинтересованных коалиций и групп	При возникновении между отдельными группами населения разногласий, связанных с преподаванием родных языков в школах национальных республик РФ (2017–2018 гг.), в переговорный процесс были включены представители Министерства образования и науки, руководства республик, представителей от широких слоев населения – родителей, выступающих как за обязательное изучение неродных языков в школах, так и против [13]
На первый план выходят коммуникации, связи и взаимодействие между менеджерами государственных, частных и общественных организаций	Создание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, последующее создание подобных консультативных и совещательных органов на региональном и муниципальном уровнях
Предъявление к профессиональной подготовке государственных служащих требований, связанных с их аналитическими способностями; наличие профессиональных экспертов-аналитиков	Специальные программы подготовки специалистов в сфере управления межэтническими отношениями и этнополитики открыты в ИЭА РАН, Институте социологии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РАНХиГС при Президенте РФ, Поволжском государственном технологическом университете [6, с. 17–18]. Принят профессиональный стандарт специалиста в сфере национальных и религиозных отношений [15]
Государство берет на себя инициативную функцию сотрудничества, становясь партнером, а не доминирующим властным институтом	Проведение по инициативе ФАДН и ФАДМ молодежных форумов, таких как «Золото торков», «Молодежный этнокультурный конвент», «Машук» и др.
Проявление «качественного государственного управления» – способность создавать создавать и поддерживать сетевые структуры, в рамках которых оно совместно с частными личными и групповыми интересами вырабатывает систему управления обществом	Создание экспертной панели ФАДН (2018 г.), объединение национально-этнических организаций в движение «ПроРФ» (2018 г.)

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что благодаря достаточно активной деятельности НКО, горизонту охвата видов и сфер их деятельности, соучастию и поддержке со стороны государства, гражданское общество является важнейшим звеном реализации государственной национальной политики. Нельзя не отметить, что выстроена полноценная система государственно-частного партнерства в этнокультурной сфере. Однако необходимо констатировать, что деятельность этнокультурных НКО сопровождается рядом проблем, связанных с регламентацией и критериями отбора проектов для грантовой поддержки, преимущественно моноэтнической специализацией НКО, слабой методической поддержкой деятельности гражданского сектора и другими. Преодоление данных проблем станет еще одним шагом в деле совершенствования взаимодействия между государством и гражданским обществом в реализации этнонациональной политики.

Литература

---

1. Указ Президента РФ от 08.08.2016 N 398 (ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» // Собрание законодательства РФ. 15.08.2016 № 33 ст. 5164. Изменения и доп. Указ Президента РФ от 08.08.2016 № 398 (ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» // СЗ РФ. 2017. № 2, ст. 361 (ч. I).
3. Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации: метод. мат. / науч. ред. А.Ю. Полунов. М.: КДУ; Университетская книга, 2018.
4. *Зайцев А.В.* Институциональный дизайн публичной политики и институционализация диалога государства и гражданского общества // Политика, государство и право. 2014. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/07/1768> (дата обращения: 19.11.2018).
5. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2018. Вып. 263.

6. *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59).
7. *Купряшин Г.Л.* Публичное управление // Политическая наука. 2016. № 2.
8. *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.
9. *Сажина В.А.* Молодежные форумы в национальной и этнокультурной политике Российской Федерации / сб. ст. по результатам VII Межд. науч.-практ. конф. ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы», 01–02, 16 декабря 2017 года, Москва [под общ. ред. С.Ю. Глазьева]. М.: Перо, 2018.
10. *Федоров С.Е., Филюшкин А.И.* История и теория наций и национализма: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016.
11. *Barth F.* Models of social organization. L.: Royal Anthropological Institute, Occasional Papers. 1966. № 23.
12. База НКО. Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Organization> (дата обращения: 22.11.2018).
13. Минобрнауки отреагировало на решение Татарстана по изучению языка. [Электронный ресурс] // РБК. 29.11.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a1ef28c9a7947277089e9d9> (дата обращения: 08.05.2018).
14. Сюжет «Президентские гранты». [Электронный ресурс] // Проект Гильдии межэтнической журналистики «Национальный акцент». URL: <http://nazaccent.ru/story/prezidentskie-granty/> (дата обращения: 22.11.2018).
15. Специалист в сфере национальных и религиозных отношений: РАНХиГС и вызовы XXI в. [Электронный ресурс] // ИГСУ РАНХиГС. 30.06.2017. URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p50091/> (дата обращения: 08.05.2018).

М.А. Горячева (Москва)

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра по национально-
языковым отношениям Института языкознания РАН
masha22275@list.ru*

Современная образовательная политика в отношении языков народов России как важная часть этнонациональной политики страны

Образовательная политика на всем протяжении существования Российского государства была важной частью политики национальной, и образование помимо своей прямой функции выполняло функцию интеграции полиэтнического российского общества. Именно это свойство образования как социального института и как коммуникативной сферы представляет особый интерес для его изучения социалингвистикой.

Национальная политика Российского государства всегда была направлена на решение двух взаимосвязанных задач: 1) построения единого государства с эффективно действующей системой централизованного управления всей его территорией; 2) консолидации населения страны в надэтническую российскую нацию с русским языком как главным интегрирующим фактором и русской культурой как ведущей в цивилизационном развитии страны. Эта доминантная тенденция периодически вступала в противоречие с тенденцией усиления политической самостоятельности регионов, возглавляемых национальными элитами. В разные исторические эпохи соотношение этих двух тенденций было неодинаковым: эти две линии находились в диалектическом противоречии. Разнообразие типов представленных в регионах страны языковых ситуаций несет в себе явные и потенциальные языковые конфликты (о типах языковых ситуаций см.: [Горячева, 2003; 2006; 2010 (с. 46–91)]. Одним из путей их предотвращения долгие годы виделся курс на увеличение толерантности. Но, как показывает действительность, эта идея не может считаться пана-

цей от национальных конфликтов. Да и сам термин воспринимается в обществе неоднозначно, ассоциируясь с последствиями национальной политики в Европе. Представляется, что развитие идеи политической российской нации на фоне поддержания в обществе принципа взаимоуважения (как более отвечающего вызовам современного общества, чем термин «толерантность») даст в долгосрочной перспективе ощутимые результаты в деле смягчения национальных конфликтов.

С президентства В.В. Путина начался новый период в развитии идеи построения политической нации: как государство, так и общество оказалось готовым воспринимать эту идею как наиболее верную в сложившейся непростой для России ситуации.

Сфера образования является одной из доминантных коммуникативных сфер для большинства языков народов России. Эта сфера по своей сути направлена на будущее, и во многом от нее зависит языковая карта будущей России. Сам факт использования языка в коммуникативной сфере образования переоценить невозможно. Именно там создаются условия для дальнейшего функционирования языка в разных сферах общения. По данным многочисленных анкетирований, именно в школе многие опрашиваемые начинают знакомство с языком своего этноса. Массовость обучения определенной возрастной группы помогает самоидентификации нового поколения этноса. Также важна интегрирующая функция образования в создании литературного языка. В современных условиях на первый план выступает такая функция использования языка в сфере образования, как престижная. Для самосознания населяющих Россию этносов особенно важным является сам факт использования языка в ряде коммуникативных сфер, и прежде всего – в доминантной сфере образования.

В этом году произошло важное для народов России событие: приняты поправки к Федеральному закону от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ст. 7598). Суть поправок состоит в следующих изменениях.

1. Статья 11 дополнена частью 1.1 следующего содержания (суть новых поправок выделена подчеркиванием): «Федеральные государственные образовательные стандарты и образовательные стандарты обеспечивают возможность получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации, включая русский язык, по выбору обучающихся, роди-

телей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся (до получения ими основного общего образования)».

Эта поправка была разработана после выступления В.В. Путина в Йошкар-Оле: «Русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый. Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского» [<http://www.tvc.ru/news/show/id/120374>]. Она упразднила наблюдаемое до настоящего времени длительное нарушение статьи 26 (п. 2) в разделе о правах человека и гражданина: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Свободного выбора языка обучения до внесения поправок 2018 года не было: это право по сути взяли на себя республиканские министерства образования. Именно они закладывают в учебный план соответствующие дисциплины и определяют количество отводимых на них часов в сетке учебного времени школ разных типов. Правовая база такой ситуации заложена в той же Конституции (ст. 68 п. 2): «Республики вправе устанавливать свои государственные языки».

Вторая поправка вводит в п. 4 понятие русского языка как родного языка: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка (как родного языка), в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании». Что изменится с этим добавлением, будет видно из реальных изменений в образовательной сфере после окончания переходного периода. Можно будет выбрать в качестве родного как язык какого-либо этноса, так и русский. Если родители выберут изучение русского в качестве родного языка, то их ребенок получит дополнительные часы его изучения. Любопытно, что с точки зрения терминологии понятие «родной язык» окажется размытым: поскольку русский язык будут выбирать в качестве изучения как родного и часть представителей нерусских этносов, то для них этот термин будет обозначать не «материнский», а «функционально первый» язык.

Необходимость в этих поправках назревала давно, и в целом их можно считать серьезным шагом в сторону правового общества и консолидации нации.

Однако с учетом накопленного исторического опыта возможные последствия реализации поправок вызывают ряд опасений. Достаточно вспомнить закон Н.С. Хрущева 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью», по которому право выбора типа школы предоставлялось родителям учеников. Это привело к сильному сокращению числа национальных школ и преподавания на языках в среднем и начальном звене. Родители всех национальностей предпочитали дать детям хорошее знание русского языка и выбирали соответствующие типы школ. В настоящее время все родители хотят, чтобы их дети успешно сдали ЕГЭ по русскому языку. Показателен тот факт, что в ряде республик еще до принятия поправок 2018 г. был на региональном законодательном уровне введен принцип свободы выбора изучения республиканского государственного языка.

Чтобы нейтрализовать последствия некоторых действий для языков народов России, особенно языков малочисленных этносов, одного осознания этой опасности недостаточно. Необходимы реальные механизмы по защите этих языков.

Предлагаю вспомнить уроки предыдущего хронологического периода и воспользоваться его потенциалом, не повторяя прежних ошибок. Базисный учебный план, специально выделяющий национально-региональный компонент, был принят в 1993 г. и содержал в себе черты своего времени, когда сфера образования рассматривалась многими деятелями как одна из важных карт в политической игре. Такое отношение к сфере образования характерно для всего периода 1990 – начала 2000 г. В ряде республик наблюдалось стремление «одностороннее повернуть содержание образования в национальной школе в ущерб единству культурного (ценностного) и даже образовательного пространства РФ» [Кузьмин, с. 28]. Ядро федерального компонента составляли в полном объеме русский язык, математика, информатика, физика с астрономией и химия. Остальные предметы находились либо в совместном ведении, либо исключительно в ведении регионов (родной язык и литература, история и география региона и др.). Региональный или национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта устанавливался субъектом Российской Федерации для того, чтобы полнее учесть социокультурные особенности и традиции населения, проживающего на соответствующей территории (Вариативная часть). Разделение образования на федеральный и региональный компоненты имело свои плюсы. Это передача новому

поколению знаний о родном крае, его особенностях и проблемах, о традициях своего народа и народов, живущих по соседству, их обычаях, культурно-нравственных ценностях. Такой подход не только должен работать на усиление взаимоуважения и добрососедских отношений, но и является хорошей альтернативой таким общемировым тенденциям, как космополитизм и глобализация индустрии массовой культуры и выращиванию потребителей. Теоретически язык изучается сразу в соответствующем культурном контексте: на уроках родной литературы дети изучают писателей и поэтов, в уроки истории России вплетена история региона, на уроках технологии они знакомятся с национальными блюдами, изобразительного искусства – с орнаментами, прикладным искусством, на классных часах продолжают изучение культуры своего региона и живущих в нем народов в краеведческих музеях, на выставках и т. п. «Шефские» предприятия организуют для своих подопечных экскурсии на свои производства, в мастерские и т. д., знакомя их с хозяйственной жизнью региона, рассказывают о преемственности с традиционными занятиями предков и о прогрессе современности. Безусловно, такой комплексный подход при умелом использовании обязательно должен повышать результативность процесса обучения и языку.

Вторым важным достоинством регионального компонента является его грамотность с точки зрения детской психологии. В центре познавательной сферы находится ребенок, и познание начинается от зоны его первичного окружения («я и мой дом», «я и мой город», «я и мой край»). Постепенно эта зона расширяется вокруг ребенка, и он начинает видеть себя и свой народ в широкой перспективе, чувствовать себя и свой народ частью огромной сильной страны, которой он гордится и за которую несет ответственность. Именно такой подход может позволить сформировать у ребенка правильное самосознание («моя страна огромная и сильная, я, мой край, мой город, мой народ – часть этой огромной сильной страны, и я в ответе за свою страну, за свой край, свой город, свой народ»). Последовательно проведенная в жизнь эта концепция со временем принесла бы замечательные плоды: неравнодушных, вооруженных знаниями патриотов своей страны, которые, не исключено, построили бы в России крепкое гражданское общество.

Однако сфера образования стала зачастую рассматриваться как одна из важных карт в политической игре, и в ряде республик стремились односторонне повернуть ее содержание в ущерб единству образовательного пространства страны, что рикошетом отра-

жалось на многих других серьезных аспектах ее жизни. Предметы гуманитарного цикла, которые являются главными в формировании самосознания ребенка как гражданина Российской Федерации, знающего и любящего ее культуру, гордящегося ее историей, оказались в Вариативной части плана. Контроль государства и общества над содержанием учебников и преподавания был крайне ослаблен: все решалось в регионах. Учебники нередко отражали в своем содержании взгляды, несовместимые с общенациональными российскими целями и интересами. Дополнительно эта политика щедро финансировалась иностранными фондами, как западными, так и восточными. В определенный момент эта проблема стала настолько наболевшей, что в попытке ее решения был отменен региональный компонент Базисного плана образования, с большим или меньшим успехом ужесточен контроль над учебниками и образовательным процессом в целом.

Мы видим большой потенциал в идее регионального компонента, но при условии, что его содержание находится в одних руках – федерального центра. Все этапы разработки, внедрения и работы должны четко контролироваться из центра, возможны даже определенные формы отчетности. Безусловно, разработан он должен при активном привлечении всего того потенциала, который может дать местная интеллигенция (не только педагоги, но и деятели культуры, искусства, музейные работники и многие другие). Здесь перед федеральным центром встает задача донести до нередко разобщенной, раздираемой внутренними противоречиями региональной культурной элиты необходимость в консолидации всех сил на насущных созидательных задачах. Эту функцию может взять на себя созданный 28 октября 2018 г. по инициативе В.В. Путина Фонд сохранения и изучения родных языков народов РФ.

Все сопровождение учебного процесса обязательно должно быть на современном техническом и методическом уровнях. Многоуровневость учебников и пособий с учетом реальной языковой компетенции учеников и поставленных на данном этапе обучающих задач, электронные словари и переводчики, обучающие игры и т. п., современность учебного и иллюстративного материала – важность этого аспекта переоценить невозможно. В методике преподавания иностранных языков накоплен огромный опыт, как сделать процесс преподавания привлекательным. Это позволит если не «возродить» функции языка, то, по крайней мере, познакомить с ним детей, сформировать у них положительное отношение к языку. Необходимо широко использовать возможности дистанционного обучения, внедрение которого позволит ребенку при желании

изучать свой язык, в частности, в условиях внутренней диаспоры, например, ребенку из семьи якутов, переехавших в Москву.

Параллельно с модернизацией системы преподавания необходимо повышать престиж идеи двуязычия. Человек, который не забывает свой язык и культуру, внутренне гораздо богаче, чем тот, кто не дорожит этой сокровищницей, полученной в дар от предков, – именно эта мысль должна лежать в основе мотивации изучения языков народов России. Не исключено, что поможет в этом комплекс мер, направленных на создание положительного образа человека, интересующегося родным языком и культурой, т. е. на то, чтобы сделать это актуальной тенденцией. Современные медийные средства располагают широким арсеналом действенных методов, и при должной государственной поддержке можно попытаться это сделать.

При соблюдении этих условий введение элементов регионального компонента стало бы мощным инструментом как для сохранения и развития языков и культур народов России, так и для консолидации российской нации.

Литература

---

1. *Горячева М.А.* Типология языковых ситуаций: Российская Федерация. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
2. *Горячева М.А.* Типологическая модель языковых ситуаций: итоги разработки и перспективы // Вопросы филологии. 2006. № 1. С. 60–67.
3. *Горячева М.А.* Сфера образования как объект исследования социолингвистики: цели и методы // Вопросы филологии. 2008. № 1. С. 15–24.
4. *Горячева М.А.* Российская Федерация: функционирование языков в современном образовательном пространстве. М.: Новый хронограф, 2010. 17 п.л.
5. *Кузьмин М.Н.* Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. М., 1997. С. 28.
6. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2012. № 53. Ст. 7598.
7. *Выступление В.В. Путина:* <http://www.tvc.ru/news/show/id/120374>, дата обращения 23.11.2018.

Д.С. Джантеева (Черкесск)

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий отделом социологических исследований
и анализа Карачаево-Черкесского института
гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
dchulyach@inbox.ru*

Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе

Очевидные радикальные преобразования политической структуры России и актуализация национальной политики в XXI в. [1] изменили отношение к политико-коммуникативным процессам в этнокультурной среде, связанным с выбором коммуникативных стратегий. Как известно, современная политика нациестроительства в РФ ориентирована на формирование гражданской нации и рассматривается как способ государственного регулирования межэтнических отношений посредством применения коммуникативных стратегий, установления различных конфигураций деловых контактов и поиска управленческих решений. Формирование государственной национальной политики представляет собой сложный нелинейный динамичный процесс, поток коммуникаций, транслирующий изменчивые вариации публичных и латентных, формальных и неформальных отношений государственных и гражданских акторов [2].

Под коммуникативными стратегиями этнонациональной политики в данной работе понимаются долгосрочные, перспективные задачи, направленные на укрепление государственной власти, достижение идентификационных целей актуальной политики нациестроительства с использованием властных полномочий при подготовке и принятии этнополитических решений и их легитимации с помощью коммуникативных технологий и практик – текстов, медиа- и вербальной коммуникации, связей с общественностью и т. д. В целом коммуникативные технологии включают все многообразие методов, приемов, механизмов и процедур этнополитиче-

ского стратегического взаимодействия на всех уровнях властных отношений. Поэтому этнонациональные коммуникативные стратегии в российских регионах органично вписаны в федеральную политическую повестку власти и обусловлены последовательностью реализации ее коммуникативной политики в контексте концепции нацистроительства.

Теоретическая и практическая значимость исследования коммуникативных стратегий этнонациональной политики в региональном измерении связана с интенсивным развитием информационного общества, неоднозначным воздействием глобализации на состояние и эволюцию этических культур и национальных государств, в связи с чем актуализируются локальные политико-коммуникативные процессы, ассоциированные с этничностью. В этом плане не является исключением и Северный Кавказ, которому присущи такие социокультурные характеристики как традиционализм, консерватизм, мультикультурализм, гражданственность, солидарность, коллективизм, этногруппизм и т. д. Вместе с тем стратегические этнополитические коммуникации обусловлены актуальной этнополитической ситуацией, состоянием политического информационного пространства, ресурсным потенциалом коммуникантов и типом устанавливаемых контактов. На эффективность коммуникативной деятельности в рамках реализации государственной национальной стратегии влияют различные конфигурации факторов внешнего и внутреннего порядка (современные геополитические и глобализационные вызовы, этнополитические провокации, манипуляция этнополитическим сознанием, распространение идеологии экстремизма и терроризма и т. д.). В совокупности обозначенные факторы определяют нелинейность, многомерность и разноуровневую направленность этнополитических коммуникативных стратегий, отличающихся по институциональному оформлению, социальной роли и функциям в этнополитическом процессе.

Одним из определяющих параметров оптимального сценария развития СКФО является стабилизация общественно-политической и межэтнической ситуации [3]. А в числе приоритетных мероприятий, направленных на укрепление гражданской идентичности, межэтнических отношений и содействие этнокультурному развитию народов Северного Кавказа, значится проведение соответствующей информационной политики. С учетом этого, а также значимости информационно-коммуникационной составляющей современной программы нацистроительства в РФ [4], отметим ключевую роль коммуникативных стратегий этнонациональной

политики, конструируемых органами государственной власти совместно с медийными структурами, общественно-политическими объединениями и другими акторами этнополитики. Тем самым институциональная структура этнополитических стратегических коммуникаций государства включает различные организации, участвующие в формировании их содержания и коммуникативных целей, т. е. стратегических результатов. Они определяются в четком соответствии с программно-целевыми задачами этнонациональной политики государства, обозначенными в федеральных, региональных и муниципальных программах и стратегических документах [5]. При этом коммуникативные цели государственной этнонациональной политики пересматриваются и эволюционируют в зависимости от национальных и этнополитических интересов государства и полиэтничного сообщества. Основные целевые установки стратегических этнополитических коммуникаций государства, равно как и других видов аналогичного социального коммуникативного воздействия, состоят в передаче сообщения (информировании), убеждении (изменении мнения и поведения, подчинении) и информационном обмене (установлении диалога, сотрудничества) [6: 74–75]. Этнополитическими целями стратегических коммуникаций государства на Северном Кавказе, на наш взгляд, являются:

- информирование реципиентов о значимых этнополитических/этнокультурных инициативах и событиях;
- регулирование этнополитической деятельности посредством целенаправленного административного воздействия (информационного, экономического, правового и т. д.);
- пропаганда позитивных практик и результатов межэтнического и межконфессионального взаимодействия/сотрудничества;
- создание позитивного имиджа этнических общностей и их политических интересов, рассматриваемых в контексте государственной политики;
- координация надэтнических гражданских инициатив и усилий по укреплению единства российской нации;
- контроль информационной деятельности участников этнополитического процесса;
- соблюдение ритуальных этнополитических текстов и коммуникативных действий.

Функциональное значение государственных стратегических коммуникаций, формируемых вокруг решения этнонациональных вопросов, направлено на стабилизацию этноконфессиональной

ситуации посредством использования различных коммуникативных стратегий. В их числе мы можем выделить – стратегию этнокультурного и межэтнического сотрудничества, этнорелигиозной толерантности и поддержания этнокультурной идентичности, стратегию расширения возможностей межкультурного диалога и участия в нем этнических объединений, стратегию самопрезентации этнических общностей, стратегию гражданской интеграции и т. д. С этой точки зрения государственные этнополитические коммуникативные стратегии рассматриваются нами как факторы инициации межкультурного диалога, гражданской активности, генерирования конструктивных идей и инновационных подходов, направленных на преодоление деструктивных этносоциальных явлений, межэтнической напряженности и соответствующих коммуникационных барьеров. Реализация некоторых мероприятий, предусмотренных государственными программами в рамках этнонациональной политики, предполагает использование коммуникативных стратегий межрегионального сотрудничества заинтересованных сторон – государства, СМИ и общества. К таким мероприятиям следует отнести северокавказские форумы, фестивали, конкурсы и другие значимые события этнокультурной направленности.

Коммуникативные стратегии взаимодействия государства, СМИ и общества в рамках реализации этнонациональной политики имеют отличительные свойства, присущие отдельным регионам Северного Кавказа, что обусловлено их социокультурной спецификой, этнополитическим дизайном и особенностями развития информационного пространства. К примеру, Чеченская Республика и Республика Ингушетия являются практически моноэтническими, в то время как Республика Дагестан и Карачаево-Черкесская Республика полиэтничны и отличаются высоким индексом этнической мозаичности в масштабах всей страны. В регионах Северного Кавказа сохраняются конфликтогенные этнические факторы – земельные/территориальные споры, незавершенность реформы местного самоуправления, политизация общественно-политической сферы, отток русскоязычного населения и т. д. [7: 608]. Особенности развития информационного пространства в регионах Северного Кавказа определяются, прежде всего, неравномерностью проникновения Интернета и цифровым разрывом между городскими и сельскими жителями, уровнем медиаграмотности населения, плотности медиаканалов, степени диверсификации СМИ, состоянии кадров СМИ, уровнем технической оснащенности СМИ [8] и т. д.

Этнополитические стратегические коммуникации государства на Северном Кавказе формируются с учетом социокультурных особенностей региона. Общеизвестно, что социокультурный контекст формирует уникальную социальную реальность, на фоне которой политические институты, политические коммуникации и публичная сфера власти не только на Северном Кавказе, но и в современной России (включая ментальные модели российских чиновников) тяготеют к формам, характерным для традиционных обществ [9: 63]. Современное северокавказское общество, пережившее ретрадиционализацию [10] и находящееся на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации [10], демонстрирует приверженность и доверие лекто-ническому типу коммуникации, который используется в коммуникативных стратегиях этнополитических элит в процессе формального и неформального взаимодействия. Здесь следует отметить и конструктивный потенциал неформальных этнополитических контактов, которые используются в консенсусно-коммуникативной стратегии власти во всех регионах Северного Кавказа. Это и межэтнические элитные договоренности по вопросам актуальной этнополитики, и соблюдение традиционных обычаев примирения этнических и иноэтнических кровников, и привлечение института старейшин и т. д. Латентный характер согласительных коммуникаций обусловлен неформальной политической коммуникативной культурой [11] и готовностью к поиску компромисса.

Эмпирические исследования неформальных политических практик на Северном Кавказе подтверждают мнение о том, что конфликтные этнополитические ситуации регулируются с помощью коммуникативной стратегии народной дипломатии при медиаторстве власти. Такой подход соответствует коммуникативной логике российской власти и общества, ориентированной на закрепление положительного результата в сфере этноконфессиональных отношений в стране в условиях новых вызовов и рисков, с которыми Российская Федерация столкнулась в последнее время [12: 19]. Неформальное медиаторство власти в кризисных этнополитических коммуникациях ограничено результатами выбора коммуникативной стратегии народной дипломатии и политической целью, поэтому оно имеет перманентный и ситуативный характер. При этом заинтересованность власти в урегулировании межэтнической ситуации является одним из факторов эффективности согласительной политической коммуникации, осуществляемой в неформальной обстановке. Преднамеренное участие власти в межэтнических кризисных коммуникациях проявляется в выполнении ею

неформальной медиаторной функции и включено в планируемый охват политического управления [13: 370], так как стратегическое коммуникативное действие было детерминировано неэффективной деятельностью официальных структур. Причем в роли латентных медиаторов могут выступать более статусные представители власти нерегионального/федерального масштаба и эффективные социальные менеджеры. Тем самым неформальные политические контакты дополняют официальные формы взаимодействия, которые не способны учесть все векторы эволюции социума, а также служат социально санкционированными типами коммуникативного этнополитического поведения, не предусмотренными в рамках официальных коммуникативных стратегий. История знает достаточно примеров, когда функциональные недостатки официальной структуры порождали альтернативную (неофициальную) структуру для реализации существующих потребностей более эффективным путем [14: 71]. И это один из факторов «живучести» неформальных типов политических контактов и наметившегося роста их числа в современном сетевом обществе.

Наряду с этим в современных условиях цифрового активизма анонимов, ботов, троллей и распространения fake-news у представителей власти, этноэлит, групп и других акторов этнополитики возникает потребность в постоянном присутствии в медиапространстве, создании информационных поводов, порождающих позитивные/одобрительные реакции, комментарии и адекватные интерпретации в СМИ. Все это элементы презентационных стратегических коммуникаций, которые практикуются сегодня на Северном Кавказе. Ранее мы уже обращали внимание на презентационные коммуникативные стратегии заинтересованных этнополитических групп в регионе [15: 43–46]. Анализ механизмов презентации этнополитических интересов дает представление об актуальности этносоциальных проблем и степени внимания к ним со стороны власти. В целом следует отметить, что презентационные стратегические коммуникации власти и этнополитических групп не всегда вписываются в контекст правоприменения и реализации этнонациональной политики, что, на наш взгляд, связано с политизацией этничности и этнизацией политики. Политизированная этничность является действенным политическим инструментом в стратегии этнополитической мобилизации [16] с использованием технологий манипуляции этническими обычаями, ценностями, мифами и символами.

Эмпирический анализ взаимосвязи этнополитической деятельности власти, СМИ и общества, состояния политического информационного пространства Северного Кавказа позволяет

говорить о деструктивном воздействии на него внутрисистемных противоречий, детерминированных сохранением ненормативных коммуникативных практик с неоднозначными последствиями, несбалансированным проведением государственной национальной политики и ее информационным сопровождением. Низкие темпы модернизации информационно-коммуникационной сферы не позволяют эффективно использовать рациональный и конструктивный потенциал массмедиа в медиастратегиях государства.

Обобщая изложенное, отметим следующее: во-первых, коммуникативные стратегии – это эффективный инструмент в управлении культурным разнообразием; во-вторых, государственная политика нациестроительства предполагает использование коммуникативных стратегий, ориентированных на достижение программно-целевых показателей при одновременном учете социокультурных особенностей региона; в-третьих, коммуникативные стратегии отличаются по институциональному оформлению / социальной роли / целям и используются государством, его партнерами и оппонентами; в-четвертых, в условиях гибридизации политических коммуникаций для утверждения идеологии гражданского нациестроительства необходимо совершенствовать коммуникативные стратегии и практики этнонациональной политики на Северном Кавказе.

Литература

1. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М., 2016. 102 с.
2. Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс. 2017. 480 с.
3. Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. (Утв. Пред. Правительства РФ 06.09.2010 г. № 1485-р.). С. 59. URL.: <http://krskfo.ru/44>
4. *Сулейманова Ш.С.* Эффективность информационного обеспечения государственной политики: проблемы и перспективы // Коммунология. 2018. Т. 6. № 1. С. 15–33. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-1-15-33.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/>; ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (утратило силу с 01.01.2017 на основании постановления Правительства Российской Федерации от

29.12.2016 № 1532); Региональные программы этнонациональной политики на Северном Кавказе.

6. *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 74–75.

7. *Агеева Е.А., Кулькин Е.С.* Социологические методы исследования в полиэтничных регионах // Ежегодная международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». М., 2013. С. 608. URL.: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha_2013/12.pdf

8. Измерение состояния институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ. ИГ ЦИРКОН. 27 ноября 2015 г. URL.:<http://www.slideshare.net/ZirconResearchGroup/ss-55812788>

9. *Зиновьев А.О.* Социокультурный контекст политических институтов, политических коммуникаций и публичной сферы в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России: Сборник научных статей / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М., 2013. С. 63.

10. *Авксентьев В.А., Васильченко В.А.* Ставрополье многонациональное: напряжения, конфликты, пути стабилизации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 198–201.

11. *Vaugut P., Reinemann C.* Informal Political Communication Cultures: Characteristics, Causes, Effects//German Policy Studies. 2013. № 1. Vol. 9. URL: <https://www.questia.com/read/1G1-353464506/informal-political-communication-cultures-characteristics>

12. *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник российской нации. 2018. № 1.

13. *Фалиньский А.* Характеристика и основная типология политических процессов (очерк проблематики) // Элементы теории политики / под ред. В.П. Макаренко. Ростов н/Д., 2001. С. 370.

14. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Общая социология. Хрестоматия / сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; пер. В.Г. Кузьминов; под общ. ред. Н.И. Лапина М.: Высш. гик., 2006. С. 71.

15. *Джантеева Д.С.* Дескрипция и анализ механизмов презентации этнополитических интересов в публичной сфере власти: (региональный аспект) // Власть. 2010. № 7.С. 43–46.

16. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: кол. монография / ред. В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник. М.: ФЛИНТА, 2016. 248 с.

Х.В. Дзуцев (Владикавказ)

*доктор социологических наук, профессор, руководитель
Центра исследований приграничных регионов
Института социально-политических исследований РАН;
заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского
государственного университета им. К.Л. Хетагурова
khasan_dzutsev@mail.ru*

А.П. Дибирова (Владикавказ)

*кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН
dibirova59@mail.ru*

Соблюдение верующими религиозных ритуалов в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации

Для определения уровня религиозности северокавказского общества представляется необходимым оценить частоту и тщательность соблюдения верующими религиозных ритуалов, выявить их мнение о важности посещения святых мест, могил религиозных деятелей, а также выяснить отношение к исполнению обрядов их согражданами вне стен культовых учреждений.

Сложность исполнения данной задачи состояла в том, что значительная часть респондентов, идентифицируя себя как «верующие», не могли определить, насколько глубока их вера. На деле это проявилось в колебании при выборе вариантов ответов «важно» «желательно», «не имеет значения» при оценке своих культовых действий. В ряде случаев участники опроса просили разъяснения формулировок вопросов или вообще отказывались на них отвечать. Это в большей мере относилось к вопросу о важности паломничества к святым местам и демонстративном проведении молитв и других религиозных действий вне стен культовых учреждений.

В первом случае респонденты были в замешательстве и просили уточнить, что понимается под святыми местами: только

Мекка и Медина с их атрибутами веры или известные места паломничества в их республиках. Эксперты также развернули дискуссию по этому вопросу. Некоторые из них высказывались, что на Кавказе таких мест нет и быть не может, так как святые места неизменно связаны с пребыванием на земле пророка Мухаммеда. Другая группа экспертов ссылалась на многовековой опыт народа и его традиции формировать отношение к отдельным необычным памятникам природы или истории, связанным с пребыванием выдающихся людей, просветителей или распространителей ислама в России и на Кавказе. Данные эксперты считают, что культура и традиции народов Кавказа, а также архаические, доисламские и дохристианские верования крепко «сплаваются» с каноническими учениями монотеистических религий, образуя в умах жителей Кавказа новое понимание религии как духовной категории.

На наш взгляд, в данном случае имели место вариативность исламской культуры, и бытовой в частности или факт присутствия исламской субкультуры в рамках единого мусульманского пространства.

Нашими коллегами было показано, что в различных природно-географических, социально-экономических, историко-культурных средах у народов одного вероисповедания формируются отличающиеся модели жизнедеятельности и поведения [Гаязов, 2015; Гараева, 2006; Рычков и др. 2016, с. 61–62; Столярова и др., 2018]. Принцип дозволенности/недозволенности (халяль/харам) и его отражение в гастрономическом поведении российских мусульман также находится в своеобразной «зоне толерантности». Привлеченные к исследованию эксперты, особенно Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, также неоднократно говорили о детерминированности религиозной жизни граждан их республик особенностями национальной культуры.

По данным наших коллег, жители Дагестана – мусульмане демонстрируют относительно высокую частотность участия в религиозной жизни. Так, от 50 до 60% их указали, что всегда соблюдают пост (уразу), постоянно совершают намаз (54,0%) [Абдулагатов, 2008, с. 80; Шахбанова, 2015, с. 59]. В среде православных респондентов – жителей РД выявлена низкая степень участия в религиозной деятельности: 23,1% указали, что молятся постоянно, 38,9% – что вообще не молятся и 59,3% указали, что вообще не соблюдают пост [Шахбанова, 2015, с. 59].

По данным З.М. Абдулагатова, 75,7% активно верующих (мусульман), 60% колеблющихся, 42,9% неверующих говорят

о том, что они раздают «саадака». Данное действие также является элементом религиозного сознания [Абдулагатов, 2006, с. 79].

Забегая вперед, можно сказать, что результаты нашего исследования оказались одного порядка с данными коллег в той его части, где речь шла о пищевом поведении мусульман (соблюдении постов и употреблении дозволенной пищи).

Основываясь на опыте наших предыдущих исследований (Дзугев, 2012, с. 358) и на изучении литературы по этому вопросу, была разработана рабочая гипотеза данной части научного труда. Она сформулирована следующим образом. Если предположить, что человек с крепкой верой на ответ о важности и желательности тех или иных религиозных действий всегда ответит «важно», то эти данные в совокупности и будут свидетельствовать об уровне религиозности жителей республик Северного Кавказа. Второй частью гипотезы, исходящей из первой, было предположение о том, что жители «мусульманских» республик на поставленные вопросы о важности соблюдения религиозных ритуалов предпочтут положительный вариант ответа «важно» ответу «желательно» и тем более ответу «не имеет значения». При этом наибольшее число таких респондентов окажутся в Чеченской Республике и Республике Ингушетия. В то же время большинство русских и русскоязычных и опрошенных в Северной Осетии выберут положительный ответ «желательно» или «не имеет значения». Насколько данная гипотеза соответствует действительному положению дел, можно судить по результатам нашего исследования.

По каждому из четырех вопросов респондентам были предложены семь вариантов ответов о соблюдении ими некоторых религиозных ритуалов и о том, в каких условиях их следует соблюдать. Из этих семи вариантов ответа были два положительных: «важно (это делать)» и «желательно (это делать)», два отрицательных: «важно не делать» и «желательно не делать», один нейтральный: «не имеет значения, каким образом их исполняют», далее – «не знаю» и «отказ». Результаты опроса отражены в таблицах 1–4 и в обобщениях высказываний экспертов.

У людей есть разные мнения относительно того, как следует соблюдать религиозные ритуалы. На вопрос, являются ли указанные ниже виды ритуалов важными, желательными или нет, большинство опрошенных ответили, что считают «желательным» посещение святых мест и могил святых и религиозных лидеров (см. табл. 1).

Так считают 43,9% карачаевцев и черкесов, 43,1% русских и русскоязычных, 41,4% осетин, 35,2% представителей народов Дагестана, 34,8% чеченцев, ровно треть кабардинцев и балкарцев. Та же треть кабардинцев и балкарцев, 32,6% карачаевцев и черкесов, 43,9% чеченцев, 16,4% русских и русскоязычных и 15,6% осетин, а также абсолютное большинство ингушей (72,0%) считают, что святые места и могилы посещать очень важно.

Четверть опрошенных в Дагестане (25,7%), русских и русскоязычных (24,0%) и кабардинцев и балкарцев (23,7%), каждый пятый опрошенный в Северной Осетии (20,3%), 12,9% карачаевцев и черкесов и только 8,6% чеченцев и 4,3% ингушей считают, что паломничество для человека не имеет значения.

Каждый десятый осетин (10,2%), 6,1% жителей Дагестана и Карачаево-Черкесии, 4,4% кабардинцев и балкарцев, 3,4% русских и русскоязычных и только 0,6% ингушей и 0,5% чеченцев считают, что «желательно не делать этого».

Совсем незначительное число респондентов считают, что важно не совершать паломничество к святым местам, могилам религиозных лидеров и святых. Так ответили 6,9% русских и русскоязычных, 3,8% карачаевцев и черкесов, 2,8% дагестанцев, 2,0% чеченцев.

Каждый десятый житель Северной Осетии (10,2%), 6,1% карачаевцев и черкесов и жителей Дагестана не знали ответа на этот вопрос.

Для опрошенных в Ингушетии посещение святых мест, могил религиозных лидеров и святых является обязательным, важным – так ответили абсолютное большинство участников опроса. Мнения респондентов других мусульманских республик распределились между вариантами «важно» и «желательно» с преобладанием последнего на 10%. Русские и русскоязычные респонденты и осетины (более 40%) предпочли вариант ответа «желательно» варианту «важно». Совсем немногие граждане были против посещения святых мест, могил религиозных лидеров и святых.

Мнения экспертов по этому вопросу разделились на две группы. Представители одной считают (38,0%), что на Кавказе таких мест нет и быть не может. Святые места неизменно связаны с пребыванием на земле пророка Мухаммеда. То есть под паломничеством и посещением святых мест можно понимать только хадж в Саудовскую Аравию. Все остальные «святые места» являются атрибутами язычества и «могилопоклонничества», запрещенного исламом.

Другая группа экспертов (58,0%) придерживается иного мнения, считая, что во главу угла нужно поставить многовековой опыт кавказских горцев и традиции, связанные с паломничеством к «намоленным местам».

Так как мнения экспертов республик СКФО в этой части опроса значительно разнились, в этом параграфе имеет смысл привести их высказывания отдельно по каждой республике.

Эксперты Чеченской Республики (80,0%) считают, что паломничество к святым местам (Мекка и Медина) совершают в основном представители старшего поколения.

Кабардино-Балкарская Республика: паломничество к святым местам было частым явлением в девяностых, нулевых годах, сейчас же сократилось из-за финансовых трудностей. «Население делится на несколько частей, и у каждой части свое мнение. Это связано с тем, что мусульманство пересекается с традициями и обычаями каждого народа, а так как у нас многонациональная республика, то эти обычаи разные. У балкарцев – одни, у кабардинцев – другие. Мусульманские обряды соотносятся с национальными обычаями, сейчас их сложно разделить, особенно в нашем регионе. Мы сильно придерживаемся традиций и обычаев, которые тоже можно назвать религией, потому что они выстроены достаточно правильно, системно и формируют в нас правильное отношение к жизни».

Республика Дагестан: паломничество к святым местам в Дагестане совершается часто. В девяностые и нулевые годы он лидировал на Северном Кавказе и в России по численности паломников в Мекку. Очень популярно также посещение святых мест и в нашей республике. Люди посещают могилы алимов¹, просветителей древности, восходят на священную гору Шалбуздаг (4142,2 м), чтобы воздать молитву Всевышнему и попросить у него милости близким.

Все эксперты Карачаево-Черкесии считают, что паломничество к святым местам считается важным делом: «Попроси, воздай хвалу за то, что Он тебе уже дал или даст».

Из таблицы 2 следует, что около половины респондентов считают, что не имеет значения, каким образом происходит общение человека с Богом – при помощи посредничества священников или непосредственно. Так ответили 52,5% респондентов Дагестана, 43,3% осетин, 43,0% кабардинцев и балкарцев, 41,8% русских и русскоязычных, 39,0% ингушей, 32,3% чеченцев и 16,7% карачаевцев и черкесов.

Около четверти опрошенных считают желательным прибегать к посредничеству религиозных лидеров или священнослужителей при общении со Всевышним. Так ответили в среднем каждый пятый опрошенный Северного Кавказа, среди которых были треть респондентов КЧР, 24,7% русских и русскоязычных, каждый пятый респондент РСО-А (20,5%) и ЧР (19,2%), 18,5% КБР, 14,0% РД и каждый десятый РИ (11,0%).

В среднем каждый десятый респондент считает важным посредничество духовных лиц при общении с Богом. Так ответили по 14,1% чеченцев, кабардинцев и балкарцев, 12,9% карачаевцев и черкесов, 12,8% респондентов Дагестана, 12,5% русских и русскоязычных и 6,3% осетин.

Четверть карачаевцев и черкесов (25,8%), 15,9% ингушей, 14,2% осетин, 14,1% кабардинцев и балкарцев, 11,7% жителей Дагестана, 9,1% чеченцев, 8,4% русских и русскоязычных считают, что желательно не делать этого.

В среднем каждый десятый респондент республик СКФО считает, что при общении с Богом прибегать к посредничеству священников и религиозных лидеров вообще не надо. Так ответили 20,1% ингушей, 14,1% чеченцев, 12,9% карачаевцев и черкесов, 8,4% русских и русскоязычных, 7,3% представителей Дагестана, 6,3% осетин и 4,4% кабардинцев и балкарцев.

В результатах массового опроса не обнаружена выраженная дифференциация в ответах жителей «мусульманских» республик, с одной стороны и русских и русскоязычных респондентов и осетин – с другой. Менее половины (41,9%) участников (КЧР – исключение) говорили о том, что посредничество духовных лиц при общении с Богом не имеет значения. 19,8% респондентов ответили, что посредничество духовенства желательно, немногим меньше (14,2%) – что нежелательно. 12,3% указали, что это посредничество важно, 10,5% – что неважно.

Эксперты Чеченской Республики считают, что прибегает к посредничеству духовных лиц в общении с Всевышним в основном старшее поколение.

Их коллеги из Кабардино-Балкарии (60,0%) отмечают, что в их республике население охотно контактирует с духовными лицами и в своих действиях часто руководствуется их советами: «Эти вопросы достаточно четко регулируются священнослужителями. Есть различия, которых нельзя не заметить даже в различных селениях по совершению тех или иных обрядов, но население почти всегда принимает и учитывает мнение священнослужителей, будь то имам или пастор. Население согласно с решением, которое выносит в итоге

представитель религии, поскольку привлекает как лицо сведущее в этом, и полагается на его мнение». Другая их часть замечает (40,0%), что прибегают к посредничеству духовенства в общении с Богом в большей степени православные жители республики.

Большинство экспертов Дагестана (80,0%) считают, что к посредничеству священников в общении с Богом прибегают последователи православной веры. В мусульманстве же это посредничество не обязательно.

Все эксперты Карачаево-Черкесии считают, что обращение за помощью к Богу через религиозных лидеров и священнослужителей в народе не является нормой – посредников между Богом и человеком не должно быть: «Во время ежедневной молитвы в течение дня надо просить у Бога, нельзя просто так уходить из мечети, не поприветовав, потому что это считается богоугодным делом».

Имеется выраженная дифференциация между ответами респондентов мусульманских республик и ответами жителей РСО-А и русских и русскоязычных на вопросы, касающиеся соблюдения религиозных норм в приеме пищи (см. таблицу 3).

Подавляющее большинство чеченцев (78,8%) и ингушей (82,6%), большинство кабардинцев и балкарцев (60,7%), карачаевцев и черкесов (62,9%) и половина опрошенных в Дагестане (49,2%) и лишь четверть русских и русскоязычных (25,6%) и 14,1% осетин также посчитали важным соблюдение постов и религиозно освященной пищи.

Треть русских и русскоязычных респондентов (35,1%) и карачаевцев и черкесов (31,8%), 43,8% осетин, четверть кабардинцев и балкарцев (24,4%) считают, что соблюдение религиозных норм в питании желательно. Так же ответили лишь 15,9% ингушей 15,1% респондентов Дагестана и 13,1% чеченцев.

В оценках 26,0% русских и русскоязычных респондентов, 29,1% опрошенных в Дагестане и 22,7% в Северной Осетии был выбран вариант ответа «не имеет значения, каким образом его исполняют». Каждый десятый житель Кабардино-Балкарии (10,4%), 5,1% респондентов Чечни, 3,8% Карачаево-Черкесии, 1,2% Ингушетии также выбрали этот вариант ответа.

Совсем немногие посчитали, что придерживаться исламской или христианской традиции в питании нежелательно. Ими казались 3,4% респондентов РД, 3,4% русских и русскоязычных, 2,3% РСО-А.

Убежденных противников этого оказалось пренебрежительно мало: только 3,1% русских и русскоязычных, 2,4% осетин, 2,8% жителей Дагестана.

Примечательно, что среди русских и осетин (8,4 и 12,5%) нашлось довольно много тех, кто не знал, как ответить на этот вопрос.

Представители мусульманских республик были категоричнее в своих высказываниях о соблюдении религиозных норм в питании. В их оценках преобладало слово «важно», а не «желательно». В оценках русских и русскоязычных респондентов, опрошенных в Дагестане и Северной Осетии, часто (около четверти) фигурировал вариант ответа «не имеет значения, соблюдаются ли религиозные нормы в питании». Каждый десятый русский и русскоязычный и осетин не знал ответа на этот вопрос. В ответах представителей мусульманских республик таких ответов было на порядок меньше.

Все эксперты ЧР считают, что граждане их республики очень щепетильны в соблюдении норм мусульманского образа питания. В 100% случаев свинина в пищу не употребляется, спиртное – очень редко, и в открытой продаже его нет.

«Всеобщие религиозные мероприятия большая часть населения соблюдает. Другое дело, что в религии предполагается, что человек может их соблюдать при наличии возможностей. Например, хадж, если нет возможности его совершить. Это компенсируется тем, что человек на месте будет выполнять действия полезные для общества. Поэтому здесь существует демократичность. Хотя есть и такая категория людей, которые инфантильны, но она незначительная».

Эксперты считают, что нормы религиозного питания в КБР, РД и КЧР соблюдаются, свинину жители их республик категорически не едят, хотя алкоголь в ряде случаев употребляют.

Более трети респондентов республик Северного Кавказа (35,4%) считают, что демонстративное выполнение религиозных действий (намаз, дуа², омовение, коленопреклонение, поклоны, молитва) нежелательно (см. таблица 4).

Об этом заявили 46,2% карачаевцев и черкесов, 36,3% кабардинцев и балкарцев, 32,9% ингушей, 32,8% осетин, 32,4% народов Дагестана, 31,9% русских и русскоязычных и лишь 18,2% чеченцев.

12,4% респондентов высказались категорически против того, чтобы демонстративно совершать религиозные действия. Каждый пятый русский и русскоязычный (20,9%) опрошенный и осетин (20,3%) высказались таким образом. Об этом также говорили 11,1% чеченцев, 10,4% кабардинцев и балкарцев, 8,9% дагестанцев, 8,3% карачаевцев и черкесов, 7,3% ингушей.

12,7% опрошенных считают, что демонстративно выполнять религиозные ритуалы желательно. Четверть (26,3%) указали, что для них не имеет значения, будут ли религиозные действия проводиться прилюдно или укромно, в культовых учреждениях. Так ответили 39,7% респондентов Дагестана, 32,9% ингушей, 27,3% осетин, 26,8% чеченцев, 24,7% русских и русскоязычных, 21,5% кабардинцев и балкарцев, 11,4% карачаевцев и черкесов.

Каждый четвертый респондент КЧР (23,5%), 16,3% КБР, 13,6% ЧР, 13,3% русских и русскоязычных, 10,4% ингушей, 7,8% осетин и лишь 3,9% опрошенных в РД считают, что желательно демонстративно выполнять религиозные действия.

17,2% респондентов Чечни, 16,5% Ингушетии, 13,4% Дагестана, 10,6% Карачаево-Черкесии, 10,4% Кабардино-Балкарии, 6,8% русских и русскоязычных респондентов и лишь 0,8% осетин считают важным демонстративно совершать религиозные действия.

Треть респондентов считают, что демонстративное выполнение нежелательно, 12,7% считают – что желательно. Столько же высказались об этом категорически против. Каждый десятый участник опроса высказывался решительно за демонстративное совершение религиозных ритуалов.

Русские и русскоязычные и респонденты – осетины в два раза чаще, чем их коллеги из мусульманских республик, категорично высказывались против демонстративного отправления верующими своих религиозных потребностей. Респонденты Чечни, Ингушетии и Дагестана так же часто категорично высказывались в пользу демонстративного совершения культовых действий и обрядов.

В случае менее категоричных и нейтральных вариантов ответов (как положительных, так и отрицательных) дифференциация между предпочтениями респондентов-мусульман (исключая ЧР) и русских и русскоязычных и осетин не выявлена. Так, каждый третий участник опроса высказывался о том, что нежелательно демонстративно совершать религиозные действия в непригодных для этого местах, каждый четвертый – что это не имеет значения.

В целом граждан, высказавшихся против демонстрации религиозных ритуалов в непредназначенных для этого местах, было в два раза больше, чем тех, кто имел на это позитивные взгляды (45,4 против 22,7%).

Мнения экспертов в этой части опроса качественно совпали с данными массового опроса. Так, 40,0% экспертов Чечни считают, что ритуалы в общественных местах население совершает и считает это нормальным, 60% ЧР, наоборот, придерживаются мнения, что

совершать действия, связанные с религией, демонстративно население не одобряет, так как для этого должны быть место и время (события, связанные с бракосочетанием, погребением и т. д.).

Эксперты КЧР говорили о том, что большинство населения считает, что нужно следовать религиозным ритуалам и совершать их в определенном месте. К демонстративным обрядам многие относятся с осуждением, считая это «показушным отношением к Богу»: «Показное, демонстративное обращение к Богу считается нежелательным, таких людей называют лицемерами».

Эксперты Дагестана высказались следующим образом. С одной стороны, канонами ислама предписано совершать молитву там, где верующего застает время намаза, то есть иногда в непригодном для этого месте: на улице, в парке, в дороге и т. д. С другой стороны, молитва – это сокровенное действие, оно предполагает уединение и сосредоточение на ней. В данном месте сделать это чрезвычайно трудно. Ни о какой «показухе», демонстрации своего «религиозного рвения» не может быть и речи. Это бесполезное действие, так как в этом случае обращение принято не будет.

Эксперты РСО-А говорили о том, что «для населения республики на первом месте – соблюдение религиозных норм в приеме пищи, на втором – обращение за помощью через религиозных лидеров, на третьем – паломничество и на последнем – демонстративное поведение». В РСО-А совершаются обряды, молитвы по религиозным праздникам Пасхи, Рождества и другим (18,4%). «Это сугубо индивидуальный вопрос, и каждый его решает сам для себя. Если мы говорим о большинстве, то оно регулярно соблюдает все основные национальные религиозные ритуалы. Мероприятия же православной церкви и мусульманства соблюдаются в нормах и порядках, которые установлены в этих религиозных институтах. Если на Крещение принято окунаться в ледяную воду, то верующие люди непременно это сделают по собственному желанию и никак не по принуждению».

Четверть экспертов (23,0%) указали на явное предпочтение населением национальных обычаев: «Языческие верования и ритуалы в Осетии крепко вплелись в канву повседневности монотеистической религии».

Относительно мусульманских обрядов большинство экспертов считает, что эта тема население не занимает: «В нашей республике мало мусульман». Четверть – говорили о том, что «у нас относятся к мусульманству не очень приветливо. Всегда стараются задеть, посмеяться. Правда, не понимаю, почему. Мне кажется, это все от религиозной безграмотности». Было также

и другое объяснение: «Возможно, наши молодые люди завидуют мусульманам в том, что последним удастся сохранять крепость своего верования и сплоченность».

Итак, мнения респондентов «мусульманских» республик о посещении святых мест, могил религиозных лидеров и святых (исключая Ингушетию) распределилось между вариантами «важно» и «желательно» с преобладанием последнего (на 10%). В случае русских и русскоязычных респондентов и осетин вариант «желательно» преобладал более чем на 40%. Для опрошенных в Ингушетии посещение святых мест, могил религиозных лидеров и святых является обязательным, важным – так ответили подавляющее большинство участников опроса. Совсем немногие жители республик Северного Кавказа высказались против этого. Каждый десятый респондент не знал, что ответить на этот вопрос.

Ряд экспертов настаивали на уточнении формулировки вопроса. Камнем преткновения послужила разница в понимании понятия «святые места». По их мнению, к святым местам в исламе следует отнести только непосредственно связанные с пребыванием пророка Мухаммеда, то есть Мекку и Медину, и находящиеся там природные объекты, которых коснулась его рука. Другие эксперты посчитали, что ряд природных объектов и памятники, связанные с пребыванием распространителей ислама в России и на Кавказе, тоже можно отнести к категории «святые места».

На вопрос: «Является ли для Вас обращение за помощью к Богу через религиозных лидеров или священнослужителей важным, желательным или нет?» не обнаружена выраженная дифференциация в ответах жителей «мусульманских» республик, с одной стороны, и русских и русскоязычных респондентов и осетин – с другой. Более всего респондентов (около 40%) независимо от места опроса посчитали, что посредничество духовных лиц при общении с Богом не имеет значения. Участники опроса проявили наибольшее единодушие, давая оценку «важно» (12%).

В оценках экспертов обнаружено большее разнообразие. Так, эксперты Кабардино-Балкарии настаивали на том, что население их республики охотно прибегает к помощи священнослужителей при общении со Всевышним и при других религиозных действиях. В то же время эксперты Дагестана и Карачаево-Черкесии говорили о том, что жители их республик считают посредничество духовных лиц в этих вопросах необязательным.

Представители «мусульманских» республик были категоричнее в своих высказываниях о соблюдении религиозных норм в питании. В их оценках преобладало слово «важно», а не «жела-

тельно». В оценках русских и русскоязычных респондентов, опрошенных в Дагестане и Северной Осетии, часто (около четверти) фигурировал вариант ответа «не имеет значения, соблюдаются ли религиозные нормы в питании». Среди представителей мусульманских республик было пренебрежительно мало тех участников, которые не имели мнения по этому вопросу. В то же время каждый десятый русский и русскоязычный и осетин не знал ответа на этот вопрос.

В этой части опроса эксперты обнаружили единодушие. Большинство высказались за строгость и щепетильность мусульманского населения в соблюдении норм питания. По их оценкам, абсолютное большинство жителей обходятся без свинины и других запрещенных исламом продуктов. Немного «мягче» были оценки в отношении употребления алкоголя. Эксперты настаивали, что в ряде редких случаев горцами Дагестана, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии употребляются крепкие алкогольные напитки.

Более трети респондентов республик Северного Кавказа считают, что демонстративное выполнение религиозных действий (намаз, дуа, омовение, коленопреклонение, поклоны, молитва) нежелательно. Более 12% – считают, что желательно. Столько же респондентов высказались об этом категорически против. Каждый десятый участник опроса – решительно за демонстративное совершение религиозных ритуалов. Русские и русскоязычные респонденты и осетины в два раза чаще, чем их коллеги из мусульманских республик, категорично высказывались против демонстративного отправления верующими своих религиозных потребностей. Напротив, чеченцы, ингуши и представители Дагестана так же часто категорично выступают в пользу демонстративного совершения культовых действий и обрядов.

В случае менее категоричных или нейтрального вариантов ответов («желательно», «нежелательно» и «не имеет значения») дифференциация между предпочтениями респондентов-мусульман (исключая ЧР) и русских и русскоязычных и осетин не выявлена. Так, каждый третий участник опроса высказался о том, что нежелательно демонстративно совершать религиозные действия в непригодных для этого местах, каждый четвертый – что это не имеет значения. В целом граждан, высказавшихся против демонстрации религиозных ритуалов в непредназначенных для этого местах, было в два раза больше, чем тех, кто имел на это позитивные взгляды.

Оценки экспертов в этой части опроса качественно совпадали с мнением граждан. Эксперты Кабардино-Балкарии говорили

о большом влиянии местных адатов на ритуальные действия мусульман. Доисламские обычаи всегда были тесно вплетены в обрядовую канву повседневной жизни горцев. Из-за разности обычаев кабардинцев и балкарцев даже в пределах одного района говорить о «чистом исламе» затруднительно: «В каждом населенном пункте они соблюдаются по-разному. И иной раз действия муллы оспариваются населением, когда сельчане считают, что религиозный ритуал надо совершать иначе. Иногда на похоронах, забыв об усопшем, мулла начинает всех поучать и говорить о том, что мы должны делать или не должны делать, вместо того, чтобы совершить обряд, проводит религиозную проповедь. Это вызывает раздражение у населения. Бывают ситуации, когда муллы совершенно забывают, а иной раз называют усопшего не тем именем. В этом случае у людей бывает отрицательная реакция на такого рода службу: «Я не слышала, чтобы такую неоднозначную реакцию на организацию обрядов вызывали православные служители. Мне кажется, это происходит, потому что они более подготовлены, чем муллы».

В Дагестане экспертами дана противоположная оценка. 75,0% считают, что ритуалы в республике соблюдаются тщательно, согласно канонам ислама: «Для ислама обрядовая составляющая веры является важнейшей. Есть духовные пастыри, имамы, они разъясняют верующим слово Корана и требуют скрупулезного исполнения от них важнейших ритуалов. В подавляющем большинстве верующие неукоснительно следуют этим требованиям. Никакие аргументы типа «верю в душе, но не исполняю» в расчет не берутся. Или исполняй, или ты неверующий!».

20,0% экспертов Дагестана высказали немного другое мнение: «Население думает так: соблюдать религиозные ритуалы – это хорошо, но быть истинным верующим – лучше. Вообще, вера дагестанцем идет через, своего рода, «хлыстовство». Имею в виду христианскую секту. Без того, чтобы не нагрешить (выпить лишнего), верить хорошо не получается».

Таким образом, опуская незначительные «частности» выводов, можно констатировать, что выдвинутая в начале параграфа гипотеза оказалась жизнеспособной. Полученные результаты позволят оценить степень религиозности северокавказского общества и пополнить картину понимания социальных процессов в данном регионе Российской Федерации.

Примечания

---

¹знающий, ученый (заимствовано из арабского).

²Мольба, просьба о милости.

Литература

---

1. *Абдулагатов З.М.* Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала, 2008. 204 с.
2. *Дзуцев Х.В.* Этносоциологический портрет республик СКФО РФ. М., 2012. С. 356–368.
3. *Гараева Н.Г.* К проблеме распространения ислама на территории России // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006. С. 6–22.
4. *Гаязов Л.Д.* Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 2 (24). С. 86–94.
5. *Рычков С.Ю., Столярова Г.Р., Рычкова Н.В., Маддахи Дж.М.* Татарстанский рынок питания в концепте исламской экономики (маркетинговый и экономико-антропологический аспекты) // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4. С. 54–65. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.54-65 (61–62 с.)
6. *Столярова Г.Р., Рычков С.Ю., Рычкова Н.В., Маддахи Дж.М.* Традиции халяль и харам в культуре питания татар и таджиков (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 2. С. 82–90.
7. *Шахбанова М.М.* Религиозная активность дагестанских верующих (по результатам социологического опроса) // Исламоведение. 2015. № 4 (26). С. 52–62.

А.С. Жулева (Москва)

*кандидат педагогических наук, старший
научный сотрудник Института мировой
литературы им. А.М. Горького РАН
albina.zhuleva@yandex.ru*

Эволюция этнического самосознания в эпоху перемен (на материале литератур народов Севера)

Историческая наследственность, из поколения в поколение передающаяся память заложены в основе этнического самосознания. Национальная литература способна раскрыть представление этноса о своей генетической связи с родом, с племенем, с другой возникавшей и развивавшейся позднее социальной общностью. Духовный, нравственный, культурный и хозяйственный этос, мировоззренческие установки, религиозные представления эволюционируют и особенно активно трансформируются в эпоху перемен.

Литература, мифы, фольклор, эпос народов Севера являются актуальным и в определенной мере убедительным источником для выявления в процессе целенаправленного литературоведческого исследования специфики национального характера, позволяют выстраивать мифологические и реальные модели многоликого мира.

Возникшая и активно формировавшаяся в XX веке, продолжающая свое развитие в наши дни письменная литература народов Севера воссоздает жизнь героев (персонажей) в исторической социально-культурной жизни, отражает их мировоззрение, приоткрывает душевные тайны. Эти народы уже в самоназвании отразили свое мировосприятие. На их родных языках этноним в переводе на русский язык традиционно означает «человек» или «настоящий человек». Не случайно ненецкий поэт Прокопий Явтысьй с гордостью и пафосом писал:

Да – ненцы мы! Мы тундровые люди,
Не каждому дан титул – человек!

К сожалению, не всем этносам удалось в официальной и даже художественной литературе сохранить самоназвание. Ненцам удалось, хотя в публицистике и в этнографической литературе в прошлом бытовали экзоэтнонимы «самоеды», «юраки». А самоназвание «луораветлан», что означает «настоящий человек», было заменено экзоэтнонимом чукча (чукотское название оленеводов). Самоназвания «инуит», «юпигыт», «югыт», тоже означающие «настоящий человек», были заменены в официальной и художественной литературе экзоэтнонимом «эскимос», к которому, кстати, аляскинские эскимосы относятся отрицательно и не хотят, чтобы их называли, как наших, эскимосами. Предпочитают этноним инуиты.

Поэты и прозаики северных народов представили в своих произведениях выразительные, жизнеутверждающие образы-характеры (типы, персонажи), позволяющие увидеть трансформацию характера в связи с изменением социальных условий. Важнейшими образующими при создании образов стали не только связь персонажей с общественными и социальными отношениями, в которые они вступали, но и с культурой, в которой они жили и воспитывались. Культурное же этническое самосознание, этническая психология тесно связаны с этосом народа в его расширенном понимании.

Известно, что процессы формирования этнического самосознания, этнокультурной идентификации, дифференциации и единения в меняющемся мироустройстве многотрудны и малоизведанны. Это подтверждают и литературы народов Севера. Этноидентификация, этнодифференциация и этноконсолидация – триада, глубинное содержание которой актуально для поиска путей решения культурологических, исторических и нациософских проблем в современном обществе.

Исследования литературоведами семантики в художественных произведениях, специфики мировоззренческих установок авторов и героев (персонажей), их материальных и духовных ценностей, реальных и вымышленных картин мира и жизнеустройства разных народов не только высвечивают многоликий опыт, но и способны подсказать пути и возможности оптимизации процесса консолидации полиэтнического российского социума.

В литературах народов Севера нашло отражение их бытование в различных социальных условиях: в родоплеменном, в формировавшемся в конце XIX – начале XX в. буржуазном, позднее – в устанавливающемся и развивавшемся в XX в. до 90-х годов социалистическом, а в последующие годы на рубеже XX и XXI вв. – жизнь в период перестройки и перехода к новым социальным отношениям. В иной культурно-исторической ситуа-

ции, когда бытовавшее веками традиционное обрядово-регламентирующее начало как в общественной, так и в частной жизни людей подвергалось инокультурной трансформации, формировался иной «хозяйственный этос», иные правила общественного и даже личного поведения, происходила психологическая ломка, возникали конфликтные ситуации, которые и отражены в определенной степени писателями и поэтами.

Так, ненецкие писатели Анна Неркаги, Василий Ледков, поэт Леонид Лапцуй, чукотский писатель Юрий Рытхэу, эвенкийский прозаик Алитет Немтушкин, хантыйский прозаик Еремей Айпин и многие другие авторы в своих произведениях предъявили читателю, в первую очередь, те коннотации, представления, которые обусловлены духовным опытом своего северного народа, его национально-культурной спецификой, историческими условиями. Однако мировоззрение писателей, их индивидуальные взгляды переплетаются не только с традиционными, бытовавшими в своей среде. Это зачастую мировидение авторов, познавших многокультурный мир как своей страны, так и мира.

Обучаясь в школах-интернатах, в средних профессиональных учебных заведениях в больших поселках и городах своих округов, в вузах Ленинграда, Москвы, северяне самоактуализировались в новой действительности, отличающейся иными представлениями об этосе, постепенно осваивали и присваивали культуру другого народа. Первыми освоили иную культуру, прошли процесс инкультурации писатели, учителя, журналисты, общественные деятели. Этот процесс интериоризации элементов иной культуры способствовал воплощению в произведениях принятия / отторжения, сохранения / разрушения в новых социальных условиях этоса как своего народа, так и другого и самими авторами, и персонажами. Письменная литература помогала преодолевать нарушение идентичности и позволяла найти себя в новой ситуации.

Автобиографический нарратив как инструмент конструирования идентичности в самобытных литературах северян – полноценная составляющая художественных произведений. Культурно-личностная саморефлексия создателей письменной литературы – специфический культурный феномен. Следует отметить, что нередко во время чтения произведений сами авторы воспринимаются и как объекты переживаний, ощущений или деятельности своего культурного ареала, и как субъекты, осваивающие иные культурные ценности, переживающие мировоззренческий переворот. Это реальные личности, осмысляющие исторические события, экстраординарные явления, эпохальные,

нередко загадочные и противоестественные, фиксирующие перемены в материальной и духовной жизни.

Поэзия и проза северян особенно тяготеет к имитации автобиографической формы, когда произведения написаны от первого лица, в рамках которой присутствует художественный вымысел. К таким текстам можно отнести стихотворение Тыко Вылки (1886–1960), ставшее народной песней и фигурирующее порой в сборниках без указания автора. Она о прибытии исследователя Русанова на Новую Землю, о работе Вылки проводником и помощником в экспедиции. Вылка сочинил песню, в которой выделяет факт возникшей тесной дружбы словами: «Было у нас две головы, а сердце одно». Перед нами яркий образец двоемрия. Длинный ряд не менее выразительных примеров двоемрия представили и другие авторы, в числе которых создатель большого числа повестей и романов чукотский писатель Юрий Рытхэу (1930–2008).

Благодаря стихам таймырской поэтессы Любви Ненянг (1931–1996) читатель узнает, например, об особенностях видения тундры. В стихотворении «Знаю я, о чем молчит река...» автор самопредставляет личные способности: «Ничего не стоит мне, поверь, / песню спеть вдвоем с шальной волною». При этом она предупреждает читателя, чтобы не называл ее ведьмой или колдуньей в ответ на ее откровения, признается, что может «отвести беду» от пастухов, если появляется у стада волк, помочь рыбакам найти стаю чира (рыбы), опустив ладони в воду. Уточняет она и отгадку собственной способности: «По приметам прадедов моих / Я скажу, какое будет лето, / И зачем внезапно ветер стих, / И о ком гагара плачет где-то». Природа и человек в ее поэзии, как и в стихах многих других поэтов-северян, предстают как единым образом действующий организм.

Традиции, обычаи, ритуалы, пришедшие из древности, у северных народов были жизнедействующими и в начале XX в., дошли до середины его, а также возрождаются некоторые из них и в наши дни. С их помощью издревле постепенно закреплялось в сознании и поведении у ненцев, например, проявление особого уважения к тем, кто добр, оказывает помощь, умеет ценить дружбу. Ритуалы выполняли также функцию нейтрализации межличностной агрессии. В стихотворении «Только другу из друзей...» ненецкий поэт Леонид Лапцуй в стихах раскрывает символику угощения друга. Для него предназначены олений мозг, что «сокровищу под стать», поскольку олень отличается разумным поведением, а также олений язык, так как «мудр олений, говорят, / цвета пламени язык».

Мифы, фольклор и литература свидетельствуют, как гуманистическая моральная категория равенства людей, своеобразная «Семья Человека», в родовом обществе содействовала формированию доброжелательности, внимательному и ответственному отношению к сородичам. Люди одного рода были вправе получить свою долю от добычи, независимо от того, какой у них характер или активность, здоров ли он или болен, какого он возраста. Даже если охотники или оленеводы были недовольны и осуждали чье-то поведение, они не оставляли провинившихся голодными, помогали в беде. Синкретизм, единство характера в родовом обществе формировались благодаря не только необходимости выживания в суровых природных условиях, но и ответственности каждого члена рода за жизнь сородичей.

Появление зачатков капиталистических отношений у северных народов в XIX – в самом начале XX в. способствовало отчуждению от родовых отношений и порождало расщепление характера на личное и обособленное. Появившееся социальное расслоение повлияло на изменение внутренних нравственных установок и характера. Долг и страсть, разум и чувства претерпели изменения в новых условиях и видоизменились в сознании героев, что и подтверждают как размышления персонажей, так и поведение их в быту, а также в экстремальных ситуациях.

Идеи другого времени – периода построения социалистического общества, их утопическая составляющая создавали у северян иллюзию возвращения к вековым традиционным отношениям среди членов рода – бескорыстие, ответственность, забота о каждом были в начале близки многим ненецким героям, в особенности тем, кто жил в бедности и был унижаем богатыми. Однако происходившая коренная ломка мировоззрения, в частности отрицание религиозных установок и древних традиций, резкое изменение общественных отношений и быта, переход на оседлый образ жизни повлекли за собой немало жизненных трагедий, нашедших отражение в литературе. Следует отметить, что поэты и писатели зачастую вкладывали в уста героев мысли, predeterminedенные идейными задачами партийности. Литературовед Михаил Бахтин называл это «инкарнацией смысла бытия» [2]. В произведениях большинства создателей национальных литератур на протяжении почти всего XX в. (до девяностых годов) перманентно присутствует идеализированное представление о реальной жизни своего народа и о его будущем.

Тем не менее, в произведениях северян социально-культурные перемены нередко выливались в форму острого противоречия между разными, раздирающими характер персонажей началами,

осознанно или неосознанно притягивающими человека к прошлому и одновременно вовлекающими в будущее. Об этой особенности трансформации характера в период социальных перемен писал литературовед С.Г. Бочаров, называя характер ареной сокрушительных битв, где происходит борьба «нового со старым, стихий будущего со стихиями прошлого», он считал, что под спудом, в глубине идет рождение мысли, происходит процесс развития сознания, мучительно-трудный «медленный, сложный процесс осмысления исторического опыта народа» [4, с. 438].

Мироощущение и миропонимание народа, методы и приемы разрешения актуальных для выживания оппозиций (жизнь / смерть, добро / зло, любовь / ненависть, свое / чужое» и др.), его идеалы близки многим авторам-северянам. Остро ощущаемая ими внутренняя сопричастность к народной культуре жива как кровнородственное (этническое) опорное духовное состояние. Оно питало и питает эстетику и поэтику, пробуждая творческую мысль. Волновали и продолжают беспокоить литераторов проблемы сохранения языка, традиций, экологии северного края. В последние годы, начиная с девяностых годов XX в., появилось немало произведений, в которых авторы весьма своеобразно, нередко отрицательно, интерпретируют историческое прошлое и влияние цивилизации на национальную культуру.

Известно, что литература не только создает, но и утверждает мифы, в особенности литература об исторических событиях, подтвержденных реальными фактами и документами. Рассматривая сущность современного мифа, Ролан Барт, известный французский литературовед XX в., утверждал, что миф превращает историю в природу, в реальность, в объективное основание. «Читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и ирреальную» [1, с. 9]. И в этом глубина его психологического воздействия. Миф носит императивный, побуждающий характер, способен оказать влияние на социальную обстановку.

Исходя из утверждений Р. Барта, представленная в романе хантыйского писателя «Божья Матерь в кровавых снегах» легенда о происхождении ханты возвышает хантыйский народ. И в этом достоинство талантливого современного писателя Еремея Айпина. Однако излишне категоричная интерпретация автором превращения цивилизованных владений угров в отсталый и почти полностью неграмотный этнос по вине русских требует более объективного подхода к истории. В действительности, согласно историческим документам, остяки (ханты) в прошлом широко взаимодействовали с различными окружающими их народами. Так, они имели торговые связи с народами

Средней Азии (казахами, узбеками, туркменами), с народами Саяно-Алтайского нагорья. Об этой связи пишет, например, Н.В. Лукина в статье «Южные черты в пищевых традициях восточных хантов» [9, с. 115–132]. Военные действия остяки вели против завоевателей разных мастей, страдали, в частности, от набегов татар.

Как сохранить небольшим по численности этносам для будущих поколений все, что было накоплено предками, в особенности язык и культуру? Связь с прошлым ценна тем, что помогает осмыслить мир настоящего, не отторгая старины. Однако возвращать народ к придуманным истокам, предлагать жить с головой, повернутой назад, в условиях цивилизации третьего тысячелетия – рационально ли это?

Поиск срединного пути нациософских проблем межкультурного взаимодействия народов России, сохранения и развития языков невозможен без включения в него литературоведческих исследований национальных литератур, без подготовки и переиздания с углубленным анализом и комментариями произведений как на языках народов России, так и на русском.

В связи с этим, актуальным представляется включение Института мировой литературы – ИМЛИ РАН в число научных организаций по решению задач, предусмотренных в поправке к Закону об образовании, обеспечивающих возможность образования на родных языках из числа языков народов России, изучения государственных языков республик нашей страны, родных языков народов России, в том числе русского как родного.

Для проведения в ИМЛИ РАН исследований по заданной актуальной теме, подготовки и издания научных работ, научно-популярных книг для учебных заведений и библиотек необходимо создание материальной базы, финансирование. Актуальна помощь и поддержка Фонда сохранения и изучения языков народов Российской Федерации, созданного согласно Указу Президента РФ от 26 октября 2018 г. № 611.

Литература

---

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М., 1994.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. *Богораз В.Г.* Чукчи. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1930.
4. *Бочаров С.Г.* Характеры и обстоятельства // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М., 1962.

5. *Жулева А.С.* Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу // «Studia Literaria»: Науч. журн. 2018. Т. 3. № 3. С. 208–231.
6. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академ. проект, 1996.
7. *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. М.: Алгоритм, 2015.
8. *Коул М.* Культурно-историческая психология. М., 1997.
9. *Лукина Н.В.* Южные черты в пищевых традициях восточных хантов // Фольклор и этнография народов Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 115–132.
10. Народы Сибири: Этнографические очерки. М.; Л., 1956.
11. *Султанов К.К.* «Лабиринт сцеплений». Этническое–национальное–художественное // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Вып. 2. М.: Наследие, 1996. С. 150–161.
12. *Тишков В.А.* Очерки теории и практики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
13. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
14. *Философия культуры. Становление и развитие.* СПб., 1998.

Р.В. Зворыгин (Москва)

*аспирант факультета государственного
управления Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
vatmana3@inbox.ru*

Институциональная характеристика взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений как одного из направлений этнонациональной политики Удмуртской Республики

Для современной России актуальным является вопрос взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений, что объясняется возросшим участием последних в общественно-политической жизни страны. Интерес к данному вопросу проявляется на федеральном и региональном уровнях, а особенно в субъектах Федерации с многонациональным и поликонфессиональным составом населения. В этих регионах конфессиональный фактор может являться мощной дестабилизирующей силой, способной расшатать социальное равновесие, поэтому местные власти вынуждены уделять пристальное внимание данному направлению работы (как на уровне нормативного обеспечения посредством проработки вопроса в документах стратегического планирования, так и на уровне принятия конкретных решений). Хорошим примером является Удмуртская Республика (УР), имеющая отлаженную систему взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений.

Важнейшим компонентом этой системы является отдел по развитию институтов гражданского общества в структуре Управления по внутренней политике Администрации Главы и Правительства Удмуртской Республики, который занимается обработкой всей информации о деятельности религиозных объединений в регионе, готовит аналитические и отчетные материалы, в том числе дважды в год формирует «Информацию о межнациональных и межконфессиональных отношениях в Удмуртской Республике»

по специальной Форме мониторинга, разработанной Федеральным агентством по делам национальностей (до 2014 г. в несколько ином виде данная информация направлялась в Министерство регионального развития РФ). Кроме того, с 2011 г. каждое полугодие Главному федеральному инспектору по УР отправляется «Информация о реализации комплекса мер, направленных на совершенствование взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления Удмуртской Республики с общественными и религиозными объединениями, политическими партиями по вопросам профилактики экстремизма и этносепаратизма»¹.

Отделом организуются республиканские учебные семинары государственных и муниципальных служащих, отвечающих за взаимодействие с общественными и религиозными объединениями, целью которых является повышение уровня религиозной грамотности чиновников. Кроме того, на семинары приглашаются представители религиозных объединений (православных и мусульманских), тем самым создаются условия для менее формального общения и обсуждения актуальных вопросов. Например, в 2016 г. таких семинаров было проведено четыре: 25 февраля, 23 июня (71 человек), 28 сентября (50 человек), 15 декабря (66 человек)².

Организируются конференции и форумы (например, республиканский форум «Удмуртия: власть, общество, конфессии», гражданский форум «Общество и власть»), на которых представители православных, мусульманских и старообрядческих религиозных объединений зачитывают доклады о проделанной за год работе, обсуждают с сотрудниками органов государственной власти состояние конфессионального пространства республики, дальнейшее развитие взаимоотношений государства и религиозных объединений в регионе, формы взаимодействия и направления совместной деятельности³.

Курированием законодательной деятельности в сфере свободы совести, свободы вероисповедания и межнациональных отношений занимается Постоянная комиссия по науке, образованию, культуре, национальной и молодежной политике и спорту Государственного Совета УР. Несмотря на то что религиозная тематика не включена в перечень вопросов, которыми ведает комиссия⁴, де-факто в ее недрах рассматриваются законопроекты, напрямую затрагивающие интересы религиозных объединений, а также осуществляется взаимодействие с ними. Помимо того, председатель комиссии автоматически включается в состав совещательных и консультативных органов, обеспечивающих диалог руководства региона с религиозными объединениями.

Глава Удмуртской Республики (до 26 апреля 2011 г. – Президент) взаимодействует с религиозными объединениями как представитель и глава исполнительной власти региона⁵. Он является председателем Общественного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе УР, подписывает от лица Правительства республики соглашения о сотрудничестве с религиозными организациями, совместно с Государственным Советом УР определяет основные направления внутренней политики региона. Во многом от расположения Главы республики к той или иной конфессии зависит ее положение в регионе. Как отмечают В.Е. Владыкин и Ю.В. Семенов, благоприятное отношение «в значительной части носит со стороны властей политический характер, и имеет цель приблизить руководство соответствующих организаций, завоевать голоса верующих»⁶. Так, первый Президент УР А.А. Волков лично участвовал в восстановлении десятков православных храмов по всей Удмуртии, организуя работу соответствующих специалистов, помогая в сборе средств с помощью административных методов (настойл на ежегодных отчислениях 100 руб. с заработных плат работников крупных предприятий республики и пожертвованиях со стороны крупных бизнесменов региона на строительство Михаило-Архангельского кафедрального собора г. Ижевска, потребовавшее 430 млн руб.)⁷.

Исполнительным органом государственной власти УР, участвующим в проведении вероисповедной политики, является Министерство национальной политики Удмуртской Республики (Миннац УР), пришедшее 16 августа 1999 г. на смену созданного 3 октября 1994 г. Комитета по делам национальностей при Совете Министров УР (с 18 декабря 1995 г. – при Правительстве УР)⁸. Несмотря на то что конфессиональная тематика не зафиксирована в положении о министерстве⁹, фактически именно эта структура осуществляет мониторинг состояния межконфессиональных отношений в регионе, проводит опросы общественного мнения с целью выявления проблем в данной сфере, организует мероприятия, направленные на профилактику экстремизма и ксенофобии на религиозной почве, участвует в проведении этнологической, этнопсихологической, этнолингвистической экспертизы материалов, разжигающих религиозную рознь. Кроме того, Миннац УР отвечает за реализацию государственной программы Удмуртской Республики «Этносоциальное развитие и гармонизация межэтнических отношений», а также является координатором реализации Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Удмуртской Республики.

Управление Министерства юстиции РФ по УР является важным компонентом в процессе реализации вероисповедной политики в регионе. Согласно ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» Управление как территориальный орган Минюста России принимает решение о государственной регистрации религиозных организаций (ст. 11), осуществляет контроль за соблюдением зарегистрированной религиозной организацией устава относительно целей и порядка ее деятельности (ст. 25, п. 2), обращается в суд с заявлением о признании религиозной организации, прекратившей свою деятельность, о ликвидации религиозной организации, о запрете деятельности религиозного объединения (ст. 14)¹⁰. Нужно отметить, что полномочия по проведению контрольно-надзорных мероприятий в отношении религиозных организаций позволяют Управлению оказывать довольно сильное воздействие на них.

Деятельность перечисленных органов государственной власти тесно связана со взаимодействием с религиозными объединениями. Значительная часть других государственных структур УР в рамках своих полномочий затрагивает интересы религиозных организаций, поэтому также осуществляет взаимодействие с ними. В качестве наиболее ярких примеров можно привести следующие: Министерство образования и науки УР (вопросы преподавания модулей ОРКСЭ в общеобразовательных школах, формирования учебных программ, проведения образовательных мероприятий и т. п.); Министерство социальной, семейной и демографической политики Удмуртской Республики (вопросы материнства и детства, социального служения, работы с гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и т. д.); Министерство внутренних дел по УР (совершение богослужений и обрядов на территории правоохранительных формирований, участие представителей религиозных организаций в проведении присяги и т. д.) и др.

За последние несколько лет работу по взаимодействию с религиозными объединениями активизировали силовые структуры – УФСБ России по УР и Следственное управление Следственного комитета РФ по УР. В первую очередь это вызвано возрастанием угрозы проявлений экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве, обостренной актуализацией исламского фактора. Так, данные структуры провели 21–22 апреля 2016 г. республиканскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде» и организовали несколько круглых столов, семинаров, посвященных обозначенной тематике¹¹.

Помимо органов государственной власти в Удмуртской Республике существенное значение придается функционированию консультативно-совещательных структур, которые призваны служить площадкой для взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений, рассмотрения проблем, сопровождающих данную сферу, и выработки предложений по их решению¹². Среди подобных структур можно выделить следующие:

- Общественный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе УР, который занимается выработкой инициатив и предложений Главе УР по развитию межнациональных и межконфессиональных отношений, а также независимой оценкой работы органов государственной власти УР и органов местного самоуправления в обозначенной сфере;
- Рабочая группа по вопросам мониторинга этноконфессиональной ситуации и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в УР. Основными задачами консультативного органа выступили оперативное (именно оперативность явилась главным отличием Рабочей группы от других подобных структур) рассмотрение вопросов, касающихся реализации государственной национальной политики и состояния внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений, и выработка предложений по их решению. Кроме того, данный орган призван тесно взаимодействовать с Общественным советом по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе УР, рекомендуя к рассмотрению на его заседаниях перечень актуальных вопросов в сфере своей деятельности;
- Комиссия по безопасности, правам человека, взаимодействию с общественными советами и СМИ Общественной палаты УР, которая занимается выработкой «путей обеспечения межэтнического и межрелигиозного согласия, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений»¹³, осуществлением мониторинга межэтнических и межрелигиозных отношений, организацией и проведением обучающих лекций и семинаров, направленных на пропаганду межнационального и межконфессионального мира;
- общественные советы при органах исполнительной власти УР и территориальных органах федеральных органов исполнительной власти по УР. Подобные структуры созда-

ны с целью учета потребностей и интересов, защиты прав граждан и некоммерческих организаций при выработке и реализации государственной политики в сфере функционирования органа государственной власти. Например, членом Общественного совета Министерства образования и науки УР является руководитель епархиального отдела по катехизации и религиозному образованию о. Андрей (Петров), что позволяет Ижевской и Удмуртской епархии с большей эффективностью доносить до руководства министерства предложения, касающиеся учета религиозного компонента в образовательном процессе¹⁴.

Отметим, что за последние годы значительно увеличилась представленность религиозных объединений в общественных советах и иных подобных структурах, а также впервые в их состав был включен представитель старообрядцев – священник местной религиозной организации «Покровская старообрядческая община г. Ижевска» Василий Колотов. Подобные позитивные изменения и иные меры обеспечивают сохранение на протяжении почти двадцати лет стабильной ситуации в сфере межконфессиональных отношений, что подтверждается данными социологических исследований¹⁵, а также экспертными докладами. Например, согласно Рейтингу эффективности управления в субъектах Российской Федерации, ежегодно подготавливаемому Агентством политических и экономических коммуникаций, Удмуртия по состоянию международных и межконфессиональных отношений в 2013 г. заняла 4–6-е место¹⁶, а по оценкам специалистов Института этнологии и антропологии РАН регион входит в группу субъектов Федерации с низким уровнем конфликтности¹⁷.

Примечания

---

¹Архив Отдела по развитию институтов гражданского общества Управления по внутренней политике Администрации Главы и Правительства Удмуртской Республики. 2011 г.

²Там же. 2016 г.

³Форум «Удмуртия: власть, общество, конфессии» посвятили благотворительности, социальному служению и милосердию. [Электронный ресурс] // РДУМУ в составе ЦДУМ России. 2017. 21 марта. URL: <http://www.muslimpress.ru/novosti/forum-udmurtiya-vlast-obshhestvo-konfessii-posvyatili-blagotvoritelnosti-socialnomu-sluzheniyu-i-miloserdiju.htm> (дата обращения: 17.08.2018).

⁴ Об утверждении положения о постоянной комиссии Государственного Совета Удмуртской Республики по науке, образованию, культуре и молодежной политике. [Электронный ресурс]: постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики от 15.10.2012 г. № 6-V // Государственный Совет Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmgossovet.ru/consist/structure/commissions/79/> (дата обращения: 22.08.2018).

⁵ Конституция Удмуртской Республики. [Электронный ресурс]: принята 7 дек. 1994 г. : ред. от 8.12.2016 г. // Официальный сайт Главы и Правительства Удмуртской Республики. URL: http://www.udmurt.ru/about/government/about_government/constitution/ (дата обращения: 22.08.2018).

⁶ *Владыкин В.Е., Семенов Ю.В.* Конфессиональные процессы в Удмуртии в 1990-е гг. // *Феномен Удмуртии*. Т. 3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 1: Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии / С.К. Смирнова [и др.]. М.; Ижевск, 2002. С. 94.

⁷ *Харин Г., свящ. Митрополит Николай (Шкрумко)* Жизнеописание, воспоминания, проповеди. Ижевск, 2016. С. 139–141.

⁸ *Феномен Удмуртии*. Т. 2. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 2: Сфера исполнительной власти / Смирнова С.К. [и др.]. М.; Ижевск, 2002. С. 226, 248, 320–323.

⁹ О Министерстве национальной политики Удмуртской Республики. [Электронный ресурс]: постановление Правительства Удмуртской Республики от 13.04.2015 г. № 156 // Министерство национальной политики Удмуртской Республики. URL: <http://www.minnac.ru/minnac/info/13806.html> (дата обращения: 25.08.2018).

¹⁰ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с измен.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹¹ Архив Отдела по развитию институтов гражданского общества Управления по внутренней политике Администрации Главы и Правительства Удмуртской Республики. 2016 г.

¹² См.: *Зворыгин Р.В.* Отношения государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике: системно-институциональный анализ // *Русская политология*. 2017. № 2. С. 127–132.

¹³ Комиссия Общественной палаты по безопасности, правам человека, взаимодействию с общественными советами и СМИ. [Электронный ресурс] // Общественная палата Удмуртской Республики. URL: http://www.op.udmurt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=148&Itemid=66 (дата обращения: 26.08.2018).

¹⁴ Общественный совет Министерства образования и науки Удмуртской Республики. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки УР. URL: http://udmedu.ru/about/sov_organs/obshchestvennyu_ekspertnyu_sovet_moin_ur/ (дата обращения: 15.03.2018).

¹⁵ См., например: Доклады о реализации Государственной программы Удмуртской Республики «Этносоциальное развитие и гармонизация межэтнических отношений в 2013–2020 годах». [Электронный ресурс] // Министерство национальной политики УР: офиц. сайт. URL: <http://www.minnac.ru/minnac/info/13826.html> (дата обращения: 20.08.2018).

¹⁶ Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2013 году. [Электронный ресурс] // Региональные комментарии. 2013. 21 ноября. URL: <http://www.regcomment.ru/investigations/rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektakh-rossiyskoy-federatsii-v-2013-godu/> (дата обращения: 20.08.2018).

¹⁷ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 359.

Л.Ф. Кацис (Москва)

*доктор филологических наук, профессор Российско-американского учебно-научного центра библеистики и юдаики Российского государственного гуманитарного университета
batya-94@mail.ru*

О месте исторического документа в понимании современного нацистроительства (на примере Украины)

В центре данного исследования – проблема научно-исторической базы основного предмета нашей конференции. В апреле 2018 г. редакция журнала «Исторический вестник» предложила мне прокомментировать один документ, который, казалось бы, очень старый и к теме современного нацистроительства напрямую не относится.

Это текст С. Дукельского – одного из руководителей ВЧК на Украине времен Гражданской войны – «Итоги деятельности украинской контрреволюции (так называемого «правительства УНР» и социал-соглашательских партий У.С.-Д. и У.С.-Р.) 1917–1920 гг.», вышедший в Харькове в 1921 г. объемом 55 страниц. Хотя она и была набрана типографским способом, на ней было написано «На правах рукописи». Это очевидное указание на секретность документа в условиях, когда строгой системы грифов такого рода еще не было.

Этот документ представляет собой большой интерес, потому что вся дискуссия о красных и белых на Украине, становление украинской нации во время Гражданской войны велась на документах, опубликованных в свое время американским профессором Юрием Фельштинским по материалам Гуверовского архива. Материалы Гуверовского архива имелись в машинописи книги о деятельности ВЧК/ОГПУ на Украине за подписью этого же самого Дукельского. Происхождение их было непонятно. А даты пребывания на своем посту С. Дукельского настолько противоречили названию, что публикатор даже сам изменил их название, потому что ВЧК тогда было, а ГПУ еще нет. Да и материалов про ГПУ в архиве не оказалось.

Кроме всего прочего, уже в ГПУ оба они не работали по разным причинам партийно-политического характера, да и освобождение Украины Красной армией сделало продолжение старой чекистской практики просто не актуальным.

Таким образом, документ, который опубликован с моим комментарием в 24-м томе «Исторического Вестника» «Война. Человек. Оружие» за 2018 г., сильно отличается от того, что лежит в основе истории противостояния на Украине, которая существует с 87-го года по-русски, или с того момента, когда опубликованные Ю. Фельштинским документы были тут же переведены на украинский язык и, соответственно, стали использоваться в украинской историографии.

Однако представляемая нами книга 1921 г. существенно отличается от позднейшего варианта 1923 г. из Гуверовского архива. Не столько тем, чего в ней нет, сколько тем, что в ней есть.

Я не даю здесь ссылок, так как все они приведены в моей статье в «Историческом вестнике». Речь идет о том, что автор этой книги, Дукельский, в книге подлинной и заведомо предназначенной для чекистского руководства, обсуждает вопрос о роли Ватикана и масонов в петлюровской политике. Это существенное дополнение и к роли польских политиков в этом процессе, и к месту тогда еще не развалившейся Австро-Венгерской империи в происшедших событиях, не говоря уже о деятельности многочисленных западно-европейских разведок в этих краях.

И это позволяет перейти к сегодняшнему дню. Как вы понимаете, сегодня мы видим очень странные и разнонаправленные действия украинского руководства, которые никак не могут определиться с тем, в каком векторе они работают. На самом деле мы имеем последствия не просто старых международных отношений, а наблюдаем реализацию заведомо Западно-Украинской, австрийской украинской идеи, но без Австро-Венгрии. Это исключительно сложный и многовекторный процесс, к которому наша публикация добавляет немаловажные детали, с одной стороны, и которые позволяют в ряде случаев даже обобщить имеющуюся картину – с другой.

Сегодня на Украине в ее современных границах мы имеем осколки трех-четырёх империй, ограниченные к тому же с одной стороны Евросоюзом, а с другой современной Российской Федерацией. В интересующее нас время, сразу после Первой мировой войны, эти страны претерпели радикальные политические и географические изменения. Некоторые империи перестали существовать, а новые национальные государства только возникли и стали оказывать воздействие на ситуацию, связанную с их новыми интересами.

Тогда Украина металась между немцами и поляками, была готова открывать фронт немцам против красных, предоставлять автономию крымским татарам в обмен на лояльность новой власти, ограничивала и запрещала финансовые отношения с Советской Россией, перекрывала контакты и поставки угля с Донбасса и т. д.

В этих условиях мы и тогда, и сегодня имеем страну, которая действительно должна построить свою национальную идентичность с нуля, но в абсолютно идентичных условиях. Мы имеем не столько исторические аналогии, сколько продолжение периодически выходящего на поверхность одного и того же тектонического процесса.

Наблюдать это мы можем не в смысле так называемых «воображаемых сообществ» Б. Андерссона и всех тех выдумок, которые строились на этой теории, а видя реальную нацию, которая вот уже 100 лет пытается «вообразить» саму себя.

И вот мы видим, что очевидным образом то, чем пользовался Фельштинский, является фальшаком, сделанным против Дукельского его же бывшим сотрудником, перебежчиком и профессиональным дезинформатором, явно знакомым с материалом публикуемой книги.

Достаточно сказать, что вместо материалов о Риме, Петлюре и масонах, основанных на документах, перехваченных ЧК, нам предлагается очень близкая книга, где на означенном месте мы находим историю жизни и героической гибели старшего брата ее автора.

И все бы это было чистой наукой, источниковедением или исторической аналитикой, если бы мы сейчас с вами сидели на историческом заседании и вели исторический спор.

Однако на сегодня Ю. Фельштинский, историк ВЧК, и биограф Троцкого, и публикатор его архива, автор недавней трехтомной книги о нем, является одним из главных украинских пропагандистов. Между тем, в опубликованной работе нам пришлось атрибутировать и верифицировать и документ самого Л.Д. Троцкого, содержащий те же самые сведения о роли Папского престола и масонов в становлении украинской государственности времен Петлюры. Особенно актуально это сегодня, когда С. Петлюру называют основоположником украинской православной автокефалии, а наследники той «петлюровской» автокефальной церкви с большим трудом согласились уже после нашей конференции стать частью мелкой константинопольской митрополии.

Поэтому вопрос о том, какова роль ученых, в данном случае историков, какова роль научного документа в осознании исторического подسоя межнациональных отношений, государство

и нациестроительства, оказывается намного больше, чем просто публикация, пусть даже редкого и как-то не попавшего в поле зрения историков материала.

Как это ни странно, если бы все соответствовало тому, что мы слышим с Украины, мы должны были бы иметь огромные украинские проблемы в России, изрядное украинское население, которое совершенно не проявляет активности. Мне пришлось в рамках специфической магистратуры, которая есть в РГГУ, в Институте, занимающемся проблемами пост-советского пространства, который возглавляет президент РГГУ Е.И. Пивовар, в магистратуре по диаспоральным исследованиям, руководить одной дипломной работой, которая была посвящена публицистике национально-культурных автономий в РФ. Среди прочего, в этой работе доказывалось, что национально-культурная украинская автономия (как бы российская) просто молчит, а то, что этим в интернете называется, идет из Канады. Как это получилось, не понятно, но как видите, это больше PR-значимо, чем та реальная политика, которую мы наблюдаем.

Никаких серьезных, даже несерьезных, демонстраций того количественного порядка, которого заслуживает многомиллионное украинское население Российской Федерации, да еще с Украины мы имеем 2–3 млн жителей, мы не видим. Украинско-русского противостояния в России не только не наблюдается, но и, похоже, не предвидится.

У нас даже в РГГУ есть студенческие группы, которые состоят из просто граждан Украины, где мне приходится преподавать. Конфликта никакого нет.

И нет, по-видимому, именно потому, что то нациестроительство, с которым мы имеем дело в сегодняшней Украине, ни с определенностью политической, ни национальной не связано именно из-за той неопределенности и разнонаправленности, которые характеризуют процесс становления украинской государственной и гражданской нации вот уже на протяжении 100 и более лет.

Все это я описываю вовсе не применительно к сегодняшнему дню, вызвавшему очередное обострение украинско-российских отношений. Но говорится это в связи с моей публикацией, где даже на номере журнала написано «Июнь 2018 года», он задержался. То есть никак не к сегодняшнему дню все это делалось.

И проблема заключается в том, что именно те искусственные формы, скорее вот тех воображаемых сообществ, которые были, когда еще не было Андерсена, вот именно эти воображаемые формы являются способами построения сегодняшней идентичности

государственной, в данном случае Украины, и, конечно, не на фоне католицизма, с масонством или, скажем, бесконечных резолюций ООН, решаются вопросы нациестроительства. А происходит это на фоне тотальной неопределенности целей и задач нового украинского государства, которое решает для себя мучительный вопрос, оставаться ли «пробкой» для уже почти неработающих нефтегазопроводов, построенных ударными комсомольскими стройками типа «Уренгой–Помары–Ужгород», или стать (что неизбежно, но – когда?) нормальным соседом Российской Федерации.

Настойчивые попытки Евросоюза, выполняющего сегодня роль Австро-Венгерской империи, заставлять РФ качать углеводороды по трубопроводам 40-летней давности, настаивающие на «выгодности» украинского транзита по трубам, которые никто не хочет ремонтировать и т. д., связаны с существенными интересами нового по сравнению с 1918–1921 гг. игрока – США. Но суть от этого не меняется.

С одной стороны, Украина хочет быть членом враждебных РФ блоков и союзов, а с другой – представляет себя как партнера, которому надо оказывать экономические услуги, создавать преференции и т. д.

В сущности, РФ стоит сейчас перед тем же вопросом, что и В.И. Ленин и И.В. Сталин, которые увеличивали территорию Украины за счет предпорожных областей или Западной Украины (понятно, что Крым к этому отношения не имеет). А вот воюющий Донбасс именно РФ должна каким-то чудесным образом «присоединить» к Украине.

Параллели в этом конкретном вопросе бросаются в глаза. Но параллели эти касаются именно представлений о том, чем является или должна быть украинская нация: самостоятельным субъектом мировой политики или чьим-то акцептором тех или иных благодеяний.

Поэтому я и хотел здесь обратить внимание на то, что привлечение историков к работе с историческими документами описанного здесь типа было бы очень важно в межнациональных и межгосударственных отношениях.

И в качестве удачного примера в этом смысле напомним историю Голодомора. Вспомните позицию Ющенко по Голодомору, который объявлялся исключительным геноцидом украинского народа, и стоило в России вложить не очень большие средства в издание нескольких десятков томов, как мы выяснили, что они, украинцы, там пострадали не больше всего. И даже если там кто-то принимает решения там какие-то в ООН или там на Украине,

безусловно, они могут и обязаны отмечать годовщины массовой гибели людей, это не вопрос, но никакого влияния на внутреннюю политику России, на позицию украинской части российской, будем говорить там государственной или гражданской нации, это не оказывает.

Мне хотелось на это обратить внимание, потому что это не просто острый момент наших взаимоотношений, но здесь в чистом эксперименте мы видим, каково соотношение воображаемых теорий нацистроительства и реальности.

К сожалению, мы не видим у наших соседей людей класса В. Винниченко, но будем надеяться, они появятся. Но в любом случае, вот такой, с одной стороны, исторический момент, а с другой – чисто экспериментальный факт я хотел здесь представить.

В.Ю. Леденёва (Москва)

*доктор социологических наук, профессор,
начальник отдела по методическому обеспечению
социальной и культурной адаптации и интеграции
иностранных граждан Федерального агентства
по делам национальностей
ledeneva-cy@ganepa.ru*

Опыт общественных организаций в сфере социальной адаптации и интеграции мигрантов

Проблема миграции – одна из приоритетных и требующих постоянного внимания со стороны всех уровней и ветвей государственной власти. Сегодняшняя миграция в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья в значительной степени носит стихийный, неорганизованный характер. Она обусловлена, прежде всего, экономическим и политическим размежеванием бывших советских республик и этнополитическими конфликтами, происходящими в этих государствах.

Одним из механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации выступает совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции.

Современная ситуация в области миграционных процессов, которые наряду с остальными субъектами Российской Федерации характеризуется тем, что большая часть приезжающих мигрантов плохо знает русский язык, слабо осведомлена либо абсолютно незнакома с федеральным и региональным законодательством, что влечет их низкую правовую грамотность и, как следствие, ухудшение криминогенной ситуации в регионе.

Международная миграционная практика показывает, что для принимающего государства всегда предпочтительнее, чтобы законно находящиеся на ее территории мигранты были полностью

адаптированы и интегрированы в правовом и социальном плане в общественную среду для укрепления стабильности государства.

Для Российской Федерации успешное решение вопросов адаптации и интеграции мигрантов имеет значение еще и в связи с многонациональным характером самого российского населения, разнородность национального состава которого еще более усиливается благодаря иммиграции. Распространившиеся в последние годы в обществе настроения ксенофобии и мигрантофобии, негативным образом сказывающиеся на политической и социально-культурной ситуации, при недостаточном внимании к проблеме миграции превращаются в угрозу национальной безопасности и целостности страны.

В 2016 г. были расширены полномочия ФАДН России в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, в настоящее время агентством осуществляется изучение опыта наработанного общественными организациями заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и в регионах страны в указанной области, результаты которого будут использованы в выработке единого подхода и методическом обеспечении деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации для повышения эффективности государственного регулирования в данном направлении.

ФАДН анализирует различные практики адаптации и интеграции мигрантов, рассматривает процессы межэтнической интеграции, делаются замеры общественного мнения, на основе которых даются усредненные или детализированные оценки уровня конфликтогенности по отношению к мигрантам, проводится работа с обращениями граждан.

ФАДН поддержал работу Автономной благотворительной некоммерческой организации «Новый век», г. Казань, реализующей социальные проекты, направленные на совершенствование мер социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, в том числе программы «Применение передовых информационно-коммуникационных технологий – IT в социальной, культурной адаптации и интеграции мигрантов, формировании межнационального согласия в Российской Федерации». ФАДН имеет полномочия на выдачу заключения о соответствии установленным критериям оказываемых общественно полезных услуг согласно п. 21 Перечня органов, осуществляющих оценку качества оказания общественно полезных услуг, постановления Правительства Российской Федерации от

26 января 2017 года № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг». По результатам проверки, такое заключение было выдано АБНО «Новый век».

В ходе мониторинга деятельности 72 субъектов РФ по реализации мер социокультурной адаптации и интеграции мигрантов выявлены были позитивные практики в наиболее приоритетных направлениях адаптации мигрантов: консультационные услуги, информирование трудовых мигрантов о порядке работы, помощь мигрантам в овладении русским языком, участие национально-культурных общественных объединений в социокультурной адаптации мигрантов и другие.

Однако отсутствие базовых системных подходов к обеспечению социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов на федеральном уровне не способствует становлению и развитию политики адаптации и интеграции мигрантов в субъектах РФ.

В настоящее время ФАДН России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти разработан проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации».

В рамках данного законопроекта устанавливаются правовые, организационные и экономические основы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество.

Вполне очевидным является тот факт, что выстроенная система адаптации и интеграции мигрантов сможет противодействовать нелегальной миграции. И, наоборот, отсутствие адаптационных и интеграционных механизмов включения иностранных граждан в принимающее сообщество способствует увеличению незаконной миграции.

Принятие закона позволит снизить уровень нелегальной трудовой миграции, поскольку воспользоваться предлагаемыми государством и некоммерческими организациями мероприятиями по социальной и культурной адаптации в российское общество смогут лишь те иностранные граждане, которые въехали и пребывают на территории Российской Федерации на законных основаниях.

А.К. Магомедов (Ульяновск)

*доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
связей с общественностью, рекламы и культурологии,
декан факультета культуры и искусства Ульяновского
государственного университета*

Российский Север¹ перед лицом актуальных и отложенных этнических проблем

В основу данной работы легли материалы полевого исследования автора, собранные в октябре 2018 г. во время командировки в Ямало-ненецкий автономный округ (ЯНАО). Основными респондентами и информантами автора стали местные политики и управленцы, а также представители интеллектуальной элиты коренных народов Севера и рядовые ненецкие оленеводы из тундры. Именно их голос «из тундры» стал одним из важных источников исследования². Во время опросов и интервью основное внимание фокусировалось на оценку этнической ситуации в округе.

Традиционный термин «межэтнический конфликт», используемый для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не подходит для понимания социальных реалий российского Крайнего Севера. Этносистему Арктики и суб-Арктики во многих своих чертах необходимо рассматривать в контексте полярной экосистемы. События последних лет (2013–2018 гг.), связанные с появлением на политической арене российского Севера протестного движения ненецких оленеводов «Голос тундры» (об этом ниже), показали, что в этнополитическом анализе и этнологической экспертизе нуждается весь Крайний Север, взятый как единая экосоциосистема. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтотенной конкуренции между, например, нефте- и газодобычей, с одной стороны, и технологиями оленеводства – с другой.

Проблемы российской Арктики давно находятся в центре внимания мировых СМИ, аналитических центров и академических

программ. Так, к числу наиболее громких программ по Арктике можно отнести «Арктические инициативы фонда Фулбрайта» (The Fulbright Arctic Initiatives – FAI), которая начала работать с 2015 г. при финансовой поддержке Госдепа США. В рамках заявленной «Пан-Арктической» программы действуют конкурсы академических и гражданских инициатив по Арктике.

В 2014–2017 гг. был реализован совместный японско-финский исследовательский проект “Russia’s final energy frontier – Sustainability challenges of the Russian Far North” («Последние рубежи российской энергетики – вызовы устойчивому развитию российского Крайнего Севера») под руководством проф. Шиничиро Табата (университет Хоккайдо, Саппоро, Япония) и проф. Вели-Пекка Тинкюнена (Алексантери Институт, университет Хельсинки).

Не менее заметным можно признать проект по комплексному изучению городских центров Арктической зоны России, который в постсоветский период был инициирован норвежским Баренц-Институтом и Университетом Дж. Вашингтона (США) и осуществлялся в 2012–2015 гг. Результатом проекта стала книга под редакцией Марлен Ларюэль «Новая мобильность и социальные изменения в российских арктических регионах»³. В центре исследования: миграции, трудовая и возрастная мобильность, проблема межэтнических и межобщинных взаимоотношений. Арктическая проблематика исследуется также в многочисленных учреждениях США, Канады, Западной Европы, Японии, Китая и т. д.

Следствием распада СССР стала деградация социальной, транспортной и хозяйственной инфраструктур Арктики. Частью этого процесса стал миграционный отток населения северных территорий. В результате, за постсоветские десятилетия в большинстве северных регионов сформировалось отрицательное saldo миграции населения. С 1990 по 2011 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9807 тыс. чел. до 7967 тыс. чел., т. е. совокупные потери северных территорий составили 1 млн 840 тыс. чел. Тем не менее, несмотря на описываемые процессы, в российской Арктике проживает две трети всего арктического населения планеты, здесь больше, чем где бы то ни было на Крайнем Севере, городов с населением более ста тысяч человек. Важной особенностью расселения в Арктике является то, что хотя это в целом территория с низкой плотностью населения, уровень урбанизированности здесь один из самых высоких в стране – около 80%⁴. Однако, к сожалению, в отечественной науке население арктических городов исследуется слабо. Но именно арктическая

урбанизация и развитие городских и сельских полярных сообществ является одним из активно развивающихся направлений арктических исследований в мире⁵. На этом фоне в отечественном Североведении доминируют исследования, посвященные, как правило, военно-стратегическим (безопасность, милитаризация), ресурсно-коммуникационным (добыча природных ресурсов и Северный морской путь), геополитическим (международное право и раздел Арктики) аспектам Арктики⁶. Например, в дайджесте экспертно-аналитических материалов по Арктике, опубликованном в 2016 г., доминирующими являются четыре направления: 1) международные отношения и политика – 13 книг и докладов; 2) экономика Арктики, проекты освоения – 14 книг и докладов; 3) климат и экология Арктики – 12 книг и докладов; 4) северный морской путь – 10 книг и докладов⁷. Еще один крупный недостаток отечественных арктических исследований – невнимание к культурным аспектам освоения полярных регионов, к проблемам идентичности, мотивации, миграции. Даже в советские времена выходили книги, посвященные человеческому и гуманитарному измерению Арктики⁸. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что проблема этнических взаимоотношений в Арктике и суб-Арктике остается, к сожалению, периферийным сюжетом для отечественных исследователей⁹.

Если перейти к анализу межэтнической компоненты арктической жизни, то одна из основных особенностей Севера – высокая, нежели в других регионах России, толерантность полярных сообществ. Высокая межэтническая толерантность и готовность к взаимовыручке являются частью этой общей атмосферы.

Миграционные сети и проблема диаспор в городах Арктики: Север как зона притяжения российской провинции и внешних мигрантов.

На протяжении последних десятилетий отдельные районы севера России пережили приливы и отливы населения, во многом связанные не столько с внутренней ситуацией этих районов, сколько с более общими социально-экономическими процессами, происходившими в стране в целом. Ярчайший пример внешних причин миграций на Север можно было наблюдать в летние месяцы 2014 г., когда множество мигрантов с востока Украины, охваченного боевыми действиями, оказались на севере России, за тысячи километров от «горячей точки», еще до официального распределения беженцев по регионам. Так, в Ноябрьске, по последним данным переписи населения, более 40% жителей – этнические украинцы¹⁰. В этой связи особенно актуальной становится межэтническая политика

и межобщинная ситуация в «нефтегазовых» городах Приполярья, куда прибывают трудовые мигранты из российских регионов, Средней Азии и Кавказа. Потенциальные конфликты и линии напряжения возможны по следующим линиям: 1) между различными сообществами и диаспорами; 2) между властями и землячествами (культурно-национальными автономиями); 3) между «силовиками» и этническими меньшинствами. Количественное увеличение мигрантов и диаспоральных общин в полярных городах может привести как к новым этническим конфликтам, так и использованию новой человеческой энергии и профессионального потенциала для укрепления региональной экономики и гражданского общества.

Новые тенденции российской Арктики – изменение социокультурной и этнической ситуации и постепенное формирование многосоставного общества на Крайнем Севере.

При формировании этнонациональной политики России необходимо учитывать региональную специфику межобщинных отношений. В частности, замещение старожильческого населения в результате миграции, приток неадаптированных к условиям Севера мигрантов, не нацеленных на долговременное проживание, влечет риски роста межэтнической напряженности. Неконтролируемая миграция, лоббируемая недобросовестными работодателями, может выступать важным фактором, негативно влияющим на межэтнические отношения. Еще одна линия потенциального напряжения, которая нуждается в мониторинге, – «специфические формы русского населения». Имеется в виду старожильческое русское население Севера, которое веками проживало рядом с КМНС и имело похожий хозяйственно-экономический уклад. Эта тема может влиять на формирование культурного облика Арктики, который пока привычно складывается из двух частей: 1) культуры КМНС с общей «аборигенной» идентичностью; 2) общероссийской культуры, которая фигурирует во всех российских регионах: литература, музыка, театральное искусство и т. д. В этой культурной конфигурации слабо просматривается культура Русского Севера. Ее не видно в самовосприятии полярных региональных сообществ. Например, чтобы не было так называемой «поморской» проблемы (когда поморы в Архангельской области выделяли себя в качестве особого этноса, дистанцируясь от русского мега-этноса), необходимо признавать и популяризировать региональное разнообразие русской идентичности. «Интеллектуальным материалом» для формирования региональной идентичности и образа «малой родины» северных территорий должны выступать культуры КМНС, общероссийская культура и культура Русского Севера.

Коренные народы Севера и российское государство. Конфликтотенный потенциал проблемы статуса коренных народов Севера в контексте стремительного ускорения промышленного освоения Арктики.

Данный аспект является не только потенциально конфликтотенным для российской внутренней политики, но выигрышным с точки зрения медийных и публично-политических атак на Россию. В Германии даже существует «Общество защиты притесняемых народов» (GfbV), которое развернуло активную деятельность против российских энергетических компаний, работающих на Севере. Руководитель этого «Общества» Ульрих Делиус в своей публичной деятельности заявляет, что «Роснефть» своей деятельностью в Арктике «вбивает гвоздь в крышку гроба коренных народов Севера». Совместно с послом Украины в Германии они развернули информационную кампанию о том, что доходы российских нефтегазовых компаний идут на войну против Украины, а деньги, полученные от торговли ресурсами, закрепляют худшие привычки российской элиты и народа¹¹.

В России доля коренных малочисленных народов Севера (здесь и далее – КМНС) относительно всего населения, проживающего в Арктике, незначительна. Общая численность КМНС, проживающих в северных регионах на начало XXI в., составляла 8–8,5% населения. На Аляске доля коренных составляет 14,9%, в арктической Канаде – 50,8%, в Таймырском районе Красноярского края – 24,8%, в Ненецком и Чукотском АО – 18,7 и 31,3% соответственно¹².

В последние десятилетия темпы освоения северных земель, связанные с развитием нефтегазовой и горнодобывающей отраслей стремительно ускорились. Застарелой и назревшей проблемой является порядок определения принадлежности к коренным народам. Неопределенность официального статуса коренных народов несет в себе высокий конфликтотенный потенциал. В частности, данный вопрос весьма остро был поставлен президентом АКМНССиДВ Григорием Ледковым на выездном заседании Совета по международным отношениям, который прошел в Ханты-Мансийске под руководством В.В. Путина 26 октября 2018 г. Г. Ледков вынужден был констатировать, что из-за того, что государство не выработало критериев, по которым можно идентифицировать коренные народы Севера, аборигены не могут решить многие житейские проблемы. Другим важным конфликтотенным вопросом, тесно связанным с проблемой принадлежности к коренным народам и вытекающая из нее, стала проблема доступа аборигенов к земле, охотничьим

и рыбным ресурсам. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», принятый в 2001 г. и обновленный в 2011 г., вводил серьезные ограничения для аборигенов в плане пользования землей и ресурсами. Так, новый проект закона от 2011 г. говорит о том, что если человек хочет считаться коренным, то должен отвечать следующим критериям: а) придерживаться традиционного образа жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотой; б) жить в местах проживания своих предков; в) знать родной язык. Однако каждый из этих пунктов вызывает большие вопросы, поскольку многие аборигены Арктики заняты в ТЭК, торговле, различных отраслях индустрии, являются лицами свободных городских профессий. В результате, зарубежные ученые, исследующие положение коренных народов Севера, представляют ситуацию как циничное и целенаправленное притеснение прав аборигенов со стороны российского государства. Весьма показательна точка зрения американской исследовательницы, проф. Джорджтаунского университета Марджит Балзер, которая пишет, что «государство намеренно сужает определение “коренные” настолько, насколько это возможно, для того чтобы как можно меньше людей имели доступ к земле и охотничьим ресурсам. Новые правовые ограничения в отношении коренных народов Севера, изложенные в новых законах, направлены на дальнейшее искоренение земельных прав аборигенов Севера в пользу российских энергетических, транспортных и горнодобывающих проектов». В этом, на ее взгляд, заключается «стратегический холод российского государства в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и их организаций»¹³.

Однако самосознание некоторых коренных народов и их идентичность в последние годы формируется на основе этнической и родовой мобилизации на низовом уровне, экологическим активизмом, заботой о земле предков и языковой солидарностью. Упорство индигенной этничности растет как ответ на экологические и технологические вызовы. Именно данные обстоятельства привели к возникновению массового протестного движения «Голос тундры», организованного по сетевому принципу.

Упорство индигенной этничности: экологическая активность и этническая мобилизация. «Голос тундры» как социальный и политический проект на низовом уровне. Исследователями отмечается тот факт, что политикой возрождения индигенных культур заняты преимущественно городские жители, которые имеют хорошее образование и возможность общаться на международном

уровне. Население, занятое традиционным хозяйством, часто лишено возможности такого участия и в принципе не включено в данные политические процессы¹⁴. Однако события последних лет показали, что это мнение ошибочно. 2016-й год ознаменовался выходом на политическую арену Ямала такой фигуры, как оленевод-частник Ейко Сэротэтто. Он создал в соцсетях («В контакте») сообщество «Голос тундры»¹⁵, которая со временем была преобразована в политический проект. Многие проблемы аборигенного населения Ямала стали известны именно благодаря Ейко Сэротэтто. В основе описываемых процессов лежат ресурсные проблемы российского Севера. Здесь необходимо отметить главное. Полуостров Ямал – крупнейший очаг оленеводства в мире, а ненцы по-прежнему связывают свое благосостояние и смысл жизни с оленем. Однако природно-климатические потрясения последних лет – гололед зимой 2013–2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г. – встревожили ненецкое сообщество, особенно когда власти Ямала объявили о планах сокращения поголовья оленей. Сэротэтто разместил петицию на имя президента России о сохранении поголовья оленей, жалобу на ущемление прав аборигенов и обвинения в адрес чиновников профильного департамента в том, что они не знают настоящей жизни тундровиков. Далее была размещена петиция «Сохранить дом ненцев», в которой утверждалось, что сокращение числа оленей выгодно газодобывающей отрасли («ТЭК мешают кочевники и наши олени»). В ответ окружные власти обвинили оленеводов в информационной войне. Дело даже дошло до того, что активисты группы «Голос тундры» были объявлены иностранными агентами. В частности, директор департамента внутренней политики ЯНАО Сергей Климентьев, выступая в региональном Заксобрании, заявил, что в регионе искусственно создается точка напряжения, чтобы создать новую политическую реальность: «Это большая наступательная информационная операция, которая, конечно же, имеет свой сценарий и свое управление»¹⁶. Однако, думается, властям нужно обратить внимание на назревшие проблемы вместо того, чтобы скоропалительно обвинять активистов сообщества в подготовке «полярного Майдана»¹⁷. По словам приуральских и ямальских оленеводов, самая большая проблема, с которой они столкнутся в ближайшем будущем, – нехватка пастбищ, которые отторгаются под промышленные нужды¹⁸. Аналогичные рассуждения высказывали оленеводы Тазовского района: именно соперничество в сфере землепользования лежит в основе негативной оценки представителей ТЭК¹⁹.

Таким образом, исследование показало, что общеупотребляемое понятие «межэтнический конфликт», используемое для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не совсем релевантно для понимания этносоциальных реалий российского Севера. Описанные в статье ямальские события 2013–2018 гг., в основе которых лежат ресурсные проблемы, доказывают, что этносистему Арктики и суб-Арктики во многих своих чертах необходимо рассматривать в контексте полярной экосистемы. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтотенной конкуренции между, например, нефте- и газодобычей, с одной стороны, и технологиями оленеводства – с другой.

Примечания

---

¹Используемые в работе термины «Арктика», «Север», «Крайний Север» рассматриваются как синонимы, хотя обладают различным экономическим, географическим и политическим содержанием.

²Автор благодарит Яунгада Эдуарда Хабэчевича, руководителя ассоциации «Ямал – потомкам», депутата Законодательного Собрания ЯНАО; Сюгнея Олега Прокопьевича – начальника отдела организационной работы департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО, Лаптандера Юрия Вячеславовича, начальника отдела АПК и делам КМНС Приуральского района ЯНАО, которые организовали трехдневную поездку к родовым угодьям ненецких оленеводов-кочевников, расположенных за 200 км от Салехарда. Маршрут путешествия пролегал по факториям «Пунг-Ю», 96 км железной дороги Обская-Бованенково, «Степино» и «Паюта». Автор также признателен Харючи Галине Павловне – завсектором этнологии государственного казенного учреждения «Научный центр изучения Арктики» (Салехард) – за ценные советы и рекомендации.

³*Laruelle, Marlene* (Ed.) *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. Abingdon: Routledge, 2017.

⁴*Шанаров А.Е.* Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // *Арктика и Север*. 2015. № 21. С. 98–117.

⁵Приведем лишь некоторые работы: *Urbanization and the Role of Housing in the Present Development Process in the Arctic* // Klaus Georg Hansen, Soren Bitsch and Lyudmila Zalkind (eds.). *Nordregio Report*. 2013; *Berman M., Lance H.* Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movement in the Arctic // *Proceedings of the International*

Conference on Urbanization of the Arctic, Nuuk, Greenland. August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012. P. 108–122; Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages / Ed. by J. Nyman and G. Fondahl: Nordisk Ministerråd, 2015.

⁶Типичные примеры такого рода изданий: *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Арктическая гонка: захватить и разбудить. М.: Восточная книга, 2013. 264 с.; Россия в Арктике. Вызовы и перспективы освоения / под ред. М.В. Ремизова. М.: Ин-т национальной стратегии: Книжный мир, 2015. 384 с.

⁷См.: Арктика 21 век: политика, экономика, экология: дайджест экспертно-аналитических материалов / сост. В.С. Ефимов, Е.Е. Верховцева. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016.

⁸*Яновский В.В.* Человек и Север. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1969. 158 с.; *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 217 с.

⁹*Шанаров А.Е.* Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117. Гораздо активнее развивается арктическая антропология и историческая этнология, наиболее ярким представителем которых является российский антрополог, член-корреспондент, сотрудник Института истории и археологии УрО РАН А.В. Головнев. Приведу лишь некоторые публикации представителей уральской антропологической школы: *Головнев А.В.* Риски и маневры кочевников Ямала: Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-manevry-kochevnikov-yamala>; *Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Абрамов И.В., Куканов Д.А., Рогова А.С., Усешок С.Г.* Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Альфа-принт, 2015. 132 с.; *Перевалова Е.В.* Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 39–49; *Головнёв А.В., Абрамов И.В.* Олени и газ: стратегии развития Ямала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). Этнология.

¹⁰*Анисимова Я.* Отголоски войны // Слово нефтяника. 2014. 27 июня. [Электронный ресурс] URL: <http://slovon.ru/index.php/sotsium/717-otgoloski-voyny.html>.

¹¹В Германии раскритиковали уходящего в «Роснефть» Шредера // Newsader. 2017. 14.08. URL: <http://newsader.com/38681-v-germanii-raskritikovali-ukhodyashego>.

¹²*Шанаров А.Е.* Этнонациональная политика России...

¹³*Balzer M.M.* Indigeneity, Land and Activism in Siberia // Land, Indigenous Peoples & Conflict. 2015. 30.06. P. 9–27.

¹⁴ *Владимирова В.* Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об индигенном «сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 29.

¹⁵ https://vk.com/golos_tundry

¹⁶ Вышедших в соцсети жителей Ямала обвинили в угрозе стабильности страны. 23.11.2016 // <https://www.nakanune.ru>

¹⁷ *Иванов А.* Тундровый Майдан и Навальный-оленеvod // Завтра. 2016. 3 окт. / http://zavtra.ru/blogs/tundrovij_majdan_i_naval_nij-olenevod

¹⁸ Интервью автора с оленеводами на фактории «Паюта» Приуральского района ЯНАО, 27.10.2018 г.; Интервью автора с Тимуром Акчуриным, исполнительным директором «Союза оленеводов Ямала». Салехард, 24.10.2018 г.; Интервью автора с Михаилом Хотэтто, руководителем общины оленеводов «Идебс». Салехард, 23.10.2018 г.

¹⁹ *Мартынова Е.П.* «Чужие» в Тазовской тундре // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 4 (24). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhie-v-tazovskoy-tundre>.

М.М. Магомедханов (Махачкала)

*доктор исторических наук, заведующий отделом
этнографии Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН
mkhan@yandex.ru*

О корреляции религиозной, гражданской и этнокультурной основ самосознания дагестанцев

Познание сущностной, онтологической природы поведенческих компонентов этнокультур путем выявления общего и особенного между разнородными культурно-историческими, религиозными традициями позволяет контрастнее представить схожесть и отличительность этнографических реалий. Однако преимущества сравнительного анализа в этнографии не умаляют методологическое значение способов прочтения, понимания контекстов и смыслов упомянутых реалий, объяснения последних по тем или иным парадигмам: соответствии ценностным ориентациям эпох и цивилизаций, адаптивности к инациональным поведенческим и культурным стереотипам и т. д. Социально-политический аспект данной проблемы заключается в попытках различных общественных групп, партий или государственных учреждений преподнести друг другу, внешним сообществам, миру собственные ценности и представления в качестве образцовых.

В наши дни понятия «нация», «этнос», «этничность» все более наполняются политической «начинкой», утрачивая при этом этнокультурные компоненты, которые, как известно, и составляют сущностные характеристики и признаки данных понятий. В этой связи процессы ассимиляции этнокультур, с каких бы гуманистических, этнологических, культурологических позиций они не оценивались, все более приобретают фатальный характер.

Оценочные характеристики культур по степени их идентичности с «образцовыми» (обычно европейскими) образцами позволяют рельефнее представить специфику культурного облика тех или иных этнических сообществ. Однако объективность таких

характеристик относительна, прежде всего, потому, что этносы и культуры – это не только саморазвивающиеся, но динамичные, взаимопроникающие системы; во-вторых, «эталонные» культуры постоянно меняются и обновляются. Кроме того, в многонациональных странах, в том числе в России, растет число людей с поликультурной идентичностью, определение культурного облика которых по некоему «стандарту» или образцу – невозможно.

Пожалуй, трудно назвать какой-либо компонент материальной и духовной культуры, хозяйства, семейного и общественного быта, этноязыковой жизни и самосознания народов, в анализе которого не прослеживался бы отпечаток «формационного» релятивизма, под которым здесь подразумевается оценка историко-культурных процессов, этнокультур с точки зрения их соответствия искусно сформулированным, но все же европоцентристским очертаниям и характеристикам социально-экономических формаций.

Как известно, секуляризация всех сфер жизни, ревизия веками сложившихся норм религиозной нравственности, насаждение пронизанной классовой ненавистью идеологии привели советское общество к системному духовному кризису. Социальные последствия идеи «очищения» этнокультур от «примитивизма», религиозно-бытовых и иных «пережитков прошлого» со всей очевидностью обозначились еще на заре советской власти. И в наши дни вопросы корреляции светского и религиозного в образе жизни, семейном и общественном быту, использования ресурсов традиционной культуры в сохранении традиций народной нравственности остаются актуальными.

Общепризнано, что в современных условиях единственно значимыми сферами сосредоточения национальной идентичности остаются самосознание, идеология и политика. Но является ли данное обстоятельство причиной политической турбулентности и социальных потрясений, которыми охвачен современный исламский мир? Насколько утвердительный ответ на этот вопрос можно считать приемлемым для России, российской цивилизации, становление которой как уникального культурно-исторического феномена является следствием многовекового взаимодействия разных народов, культур, религий?

Несомненным и важнейшим компонентом российской идентичности является русская или русскоязычная культура – достояние русского народа и вместе с тем явление мировое, феномен транснационального и трансконтинентального масштабов [2, с. 599–606].

Культурные запросы современников, в том числе принадлежащих к крупнейшим нациям, удовлетворяются не только тем, что могут «предложить» им национальные культуры и национальные источники информации. И как бы остро люди не ощущали и не переживали мощный натиск на национальную самобытность глобализации, процессы модернизации образа жизни, нивелировки и последующей трансформации этнической специфики носят в современном мире всеобщий и едва ли не фатальный характер.

В политических процессах, происходящих в современном мусульманском мире, можно обозначить межгосударственный (геополитический) и внутригосударственный (политический) уровни, а также множество ипостасей (национальная, конфессиональная и др.), которые отражают этническую и социальную структуру, культурно-бытовую специфику исследуемых стран.

Не менее остро стоит проблема неадекватных каноническим принципам, этическим и этническим традициям, конфронтационных способов мобилизации населения в целях претворения в жизнь идей религиозно-экстремистской направленности.

Однако представления об изначальной агрессивности ислама, о том, что для ислама характерно то, что он с момента своего возникновения из всех человеческих уз признает только связь людей с богом через веру, не соответствует действительности. Да, ислам не различает людей по национальностям в смысле отношения к вере. В основах этой религии говорится о том, что в Судный день у человека не спросят о его национальной принадлежности. Однако ислам признает все «человеческие узы»: брачные, родственные, семейные, соседские, земляческие, дружеские, этнические и другие, кроме греховных.

Под конфессиональной, в данном случае исламской идентичностью можно понимать степень «соответствия» веры, сознания, образа жизни мусульман и тех, кто называет себя таковыми, основам и предписаниям, канонизированным Кораном и сунной. Детальное определение данного понятия позволяет выделить бесчисленное множество критерий и признаков исламской идентичности – от характеристик религиозного сознания и религиозных чувств, до адекватности предписаниям ислама, отношения мусульман к самим себе и к людям иных вероисповеданий.

В СССР атеистическая пропаганда отождествлялась с интернациональным воспитанием и была возведена в ранг государственной политики. Возрождение ислама, совпавшее по времени с распадом СССР, носило в целом экстенсивный, количественный характер. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. население северо-

кавказских республик, озадаченное проблемами выживания в условиях кризиса экономики и роста преступности, не придавало серьезного значения появлению ваххабитов и опасности их идеологии для сохранения политической стабильности и мира. Да и сами ваххабиты в своей деятельности поначалу не выходили за рамки богословских споров, демонстрации специфической формы одежды (укороченные до щиколоток голеностопного сустава штаны, длинная борода, отсутствие усов, игнорирование папахи). Духовные лица, лишённые в советский период возможностей получения высшего религиозного образования, не сразу и не в полной мере осмыслили возможные деструктивные последствия деятельности «ваххабитов».

Религиозность населения после семидесяти лет насаждения атеизма не отличалась глубиной или консерватизмом. В пору распада СССР обличение коммунистов с исламских позиций получало горячую психологическую поддержку митингующих толп, среди которых ваххабиты без особого труда находили малосведущую в вопросах религии и безработную молодежь, т. е. потенциальных своих приверженцев. Ваххабиты на протяжении длительного времени имели возможности выражать свое несогласие с последователями традиционного ислама в богословских вопросах, в порядке исполнения религиозных обрядов и ритуалов. Среди причин появления в Дагестане адептов радикального ислама исследователи резонно отмечают социальные проблемы (безработица, низкая заработная плата, коррупция в органах власти и т. д.). Заметим, однако, что кадарская, кизилюртовская, цумадинская и другие зоны распространения «ваххабизма» не относились к особо проблемным в социальном отношении территориям республики. В советское время население упомянутых зон если и отличалось от остальной массы дагестанцев, то своей коммерческой активностью, а не набожностью.

По заключению М.Г. Алиева, «наряду с факторами внешнего влияния одной из основных причин распространения экстремизма является целый комплекс наших внутренних социально-экономических, управленческих, общественно-политических, духовно-нравственных и других проблем, накопившихся за последние годы». Он также указал на то, что «мы по большей части боремся, как следовало бы, не с социальными причинами, порождающими экстремизм, а с его последствиями, т. е. не с экстремизмом как явлением, а с экстремистами» [1, с. 19].

Проводившаяся в СССР в конце 1980-х гг. политика легализации религиозной жизни, гласности и плюрализма позволила

приверженцам ваххабизма упрочить идейные и материальные связи с зарубежными исламскими организациями, чуть ли не открыто получать из-за границы финансовую подпитку. Дагестанские органы власти вплоть до августа 1999 г. не чинили ваххабитам особых препятствий. Они имели возможность явно и тайно пропагандировать ваххабитские идеи и взгляды, распространять «свою» печатную и видеопродукцию, открывать «свои» медресе, строить «свои» мечети, а иногда и отнимать их у последователей традиционного направления ислама, как это имело место в поселке Киров-аул Кизилюртовского района. В отдельных селах (Чабанмахи и Карамахи Буйнакского района и др.) ваххабиты ввели «свой» шариат. Они давали пресс-конференции, их охотнее, чем «традиционалистов», интервьюировали российские и зарубежные журналисты.

Если не принять во внимание редкие хвалебные высказывания отдельных духовных лиц о том или ином кандидате в депутаты во время предвыборных кампаний 1990-х гг., Духовное Управление Мусульман Дагестана (ДУМД) не вмешивалось в государственную политику, не создавало оппозицию существующей светской власти. Такая позиция официального духовенства подвергалась нападкам со стороны ваххабитов, убежденных в том, что только они, поборники «единобожия» и «чистого ислама», могут ликвидировать социальную несправедливость, коррупцию, бандитизм, пьянство и наркоманию, разврат и безбожие. Для достижения этих целей ваххабитам требовалось не иначе как заменить Конституцию и структуры светской власти шариатом и «Шурой», а республиканский строй – халифатским.

В Чечне и Дагестане наметившееся в конце 1980-х гг. противостояние «традиционалистов» и «ваххабитов» уже к началу 1990-х гг. вышло за пределы богословских споров и уличных потасовок, ставших к тому времени заурядным явлением.

Вооруженное столкновение между тарикатистами и ваххабитами в Гудермесе в 1996 г., военные события августа–сентября 1999 г. в Цумадинском, Ботлихском, Новолакском районах, в селах Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района и последующие события основательно подорвали деструктивный потенциал религиозно-экстремистских и террористических групп, действовавших в Чечне, Дагестане и других районах Северного Кавказа.

Современные экспертные оценки исламской идентичности дагестанцев трудно назвать позитивными. Суть многих из них сводится к тому, что Дагестан – это самый исламизированный, а потому опасный для безопасности России регион, в котором правовые, общественные, хозяйственные и другие вопросы якобы регулиру-

ются не светскими структурами, а «мусульманскими общинами» и «этно-клановыми» группировками. Иначе говоря, создается неадекватный реальной динамике социальных и конфессиональных процессов образ Дагестана; образ общества, в котором нет ни врачей, ни учителей, ни милиции, ни певцов, состоящего из одних только «исламских радикалов», «ваххабитов» и коррумпированной «элиты»; общества, которое, по причине материального благоденствия (за счет других), массовой образованности, физического здоровья населения и «нечего делать» (безработица), только тем и занято, что интересуется оживлением шариата, полигамии или еще какой-нибудь диковинки; общества, где люди вдруг очнулись от «исторического сна» и вдалились в поиски исламской идентичности, в поиск своей «ниши» между лояльными и радикальными мусульманскими группировками или в кругу виртуальных «мусульманских общин».

Дагестан вместе с Российской Федерацией переживал те же потрясения, обусловленные кризисом и последующей трансформацией политического строя и социально-экономической системы, деморализацией общественного сознания, ростом преступности, хищениями национальных богатств и последствиями межэтнических конфликтов.

Напомним, что большинство конфликтов на Северном Кавказе было обусловлено межэтническими территориальными претензиями, неудовлетворенностью существовавшим политическим статусом в рамках Российской Федерации, а не сепаратистскими умонастроениями населения.

В кризисные 1990-е годы политический курс Дагестана как субъекта Российской Федерации состоял в сохранении единства дагестанского народа, неделимости территории республики по этническому признаку, отказе от силовых методов в решении межэтнических споров. Все это, как не раз подчеркивалось в СМИ и литературе, было обеспечено властью и, прежде всего, позитивным консерватизмом сознания дагестанцев, отвергших сепаратизм и ваххабизм как идеологию и способ удовлетворения этнических интересов.

Дагестан – это светская республика. Закрепленные в Конституции РД базовые параметры «светскости», равно как и социальная структура, образовательный и культурный уровень Дагестана, – все это вполне сопоставимо с социально продвинутыми регионами России.

Исторически дагестанское сообщество народов было структурировано на гражданских и светских, а не на родовых, тухумных, родоплеменных, этно-клановых и религиозно-общинных основаниях. Таковым оно остается и сегодня.

Степень интеграции российских мусульман в общественно-политическую и культурную жизнь страны такова, что освоение мусульманами России идей, программ и действий остального мусульманского мира не может быть безоглядным. Об этом и многом другом дагестанцы знали еще столетие тому назад: «И приятная весть нам, народу Дагестана. В стране нашей Дагестан есть человечность, достоинство, человеколюбие, совестливость, гостеприимство, какого нет в Мекке, Медине и других (арабских) странах; любовь к мирским благам у них больше, чем у дагестанцев. Они изменчивы в мирских (делах) и религии» [3, с. 443].

Население Дагестана до образования Дагестанской области и установления военно-народного управления (1861 г.) было объединено в политические образования (феодалные владения, «вольные» общества). Многие «вольные» общества и ханства Дагестана по составу населения не были этнически однородными. Этнический фактор в Дагестане был выведен за пределы правового поля. Отсюда и первостепенное значение, какое придавалось (и поныне придается) принадлежности к определенной сельской общине, а не к этносу в его нынешнем политизированном понимании.

В научной литературе понятие «этническое самосознание» трактуется и как определение человеком своей принадлежности к тому или иному этносу, и как отражение множественности субэтнических и межэтнических социокультурных связей (таксономические уровни самосознания). В качестве низового таксономического уровня этносамосознания рассматривается самосознание и самоназвание субэтнуса, субэтнической группы. Применительно к Дагестану данный уровень самосознания, обычно обнаруживаемый этнографами, для самих представителей так называемых субэтносов имеет, по сравнению с джамаатским, этническим или дагестанским уровнями самосознания, маловажное значение.

Для дагестанцев первостепенной по эмоционально-психологической насыщенности остается их принадлежность к тому или иному сельскому обществу – джамаату. Но это вовсе не означает, что более высокие уровни самоидентификация (дагестанцы, кавказцы, россияне) отражают только лишь политические ориентации и не имеют под собой объективных оснований.

Понятие «россияне» не сводится только лишь к российскому гражданству, к констатации того, что «все народы России – россияне». Оно включает в себя исторический и культурный опыт взаимоотношений народов России, сложившуюся языковую и культурную общность россиян. На институциональном уровне вопрос идентификации в качестве россиян всех граждан Рос-

сии, независимо от их этнической принадлежности, закреплено Конституцией и не подлежит дискуссии. Когда речь идет о народах России как таковых, положение это в любой этнической среде воспринимается в целом безоговорочно.

«Мы – многонациональный народ России», – говорится в преамбуле Конституции России. Россияне имеют не только паспорт гражданина России или прописку по месту жительства. Российское гражданство предполагает признание в качестве национального достояния языкового и культурного многообразия ее народов. Понятно, что такое понимание гражданственности не имеет ничего общего с культурным нигилизмом и национальной рознью. Речь здесь не о бытовых предрассудках и стереотипах. Последние существуют в любых социумах и их возникновение в существенной мере обусловлено социально-статусной и культурной дистанцией между контактирующими этническими группами. Проблема в том, что «адресаты» неприязненных чувств и действий «отвечают взаимностью», сепаратистскими настроениями, экстремистскими акциями и т. д. Все это имеет прямое отношение к национальным интересам Российского государства. Трудно, например, представить гражданское общество, состоящее из граждан, страдающих синдромами национальной отчужденности и неприязни. Понятно и то, что негативная динамика межэтнических отношений ограничивает возможности государства гарантировать своим гражданам права и свободы. В формировании российской нации русскому народу и русскому языку как государственному языку Российской Федерации принадлежит главенствующая роль. В самом определении российской нации как «многонародной» содержится существенная констатация, означающая, что отчуждение нерусских этносов от своих этнокультурных корней не является показателем и, тем более, условием развития российской нации. Актуальность данной констатации определяется, прежде всего, тем, что приверженцев противоположного подхода к этнокультурным процессам в России не становится меньше. Кстати сказать, в царской России между «привитием гражданственности нерусскому населению» и «обрусением инородцев» знак равенства не ставился, во всяком случае, на правительственном уровне.

Современная трансформация социально-экономического уклада выдвинула на передний план новые реалии национальной политики.

В связи с политизацией общественного сознания этническая принадлежность зачастую оттеняет другие формы социального, нравственного, культурного самоопределения личности. Связь

«этничности» с реально присущими самой личности этническими свойствами и качествами, в том числе знанием родного языка, становится, по большому счету, номинальной. По дагестанской традиции, именно языку придается важное, во многом решающее в определении человеком своей этнической принадлежности значение. Не меньшее значение имеет и самоидентификация по линии принадлежности к тем или иным сельским общинам, джамаатам и их союзам.

Дагестанцы, как и другие народы России, познали тяготы и лишения русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Они вместе с русскими и другими народами СССР «пожинали плоды» советизации, культурной революции, индустриализации, коллективизации, репрессий 1927–1937 гг., нескольких перестроек.

Дагестан последним из российских республик присоединился к «параду суверенитетов». В 1990-е годы здесь потерпели фиаско этнические фронты и движения, ваххабизм и сепаратизм. Все это объясняется не только мудростью власти, но и позитивным потенциалом «здоровой» консервативности массового сознания дагестанцев, оберегающего этнокультурный партикуляризм, но отвергающего политический экстремизм как идеологию и способ удовлетворения этнических интересов.

В заключение подчеркнем, что у дагестанцев, как и у других народов России, сознание принадлежности к россиянам, к единой российской гражданской нации имеет объективные исторические и культурные основания, носит глубоко осознанный характер.

Литература

1. *Алиев М.Г.* Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2007.
2. *Тишков В.А.* Русский мир // Горизонты современного гуманитарного знания: к 80-летию академика Г.Г. Гамзатова: сб. статей. М.: Наука, 2008. С. 599–606.
3. *Шуайб б ал-Багини.* Табакат ал-хваджакан ан-Накшбандийа ва садат ал-мушаййих ал-Халидийа ал-Махмудийа (на арабск. яз.) Дамаск: Дар ан-Ну'ман лил-улум, 2003.

Ш.С. Сулейманова (Москва)

*доктор политических наук, доцент, профессор
кафедры общественных связей и медиаполитики
факультета журналистики Института
государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

Этнонациональная политика Российской Федерации и СМИ: проблемы взаимовлияния

Российская Федерация исторически сложилась как многонациональное и поликонфессиональное государство. Однако ее уникальность состоит не в том, что страна объединяет почти 200 народов, говорящих на разных языках, наречиях и диалектах (в мире имеются и более многонациональные страны), а в том, что в России имеется многовековой опыт государственно-правового регулирования межнациональных отношений в многонациональной и многоконфессиональной стране [1, с. 5].

Неотъемлемым измерением человеческой жизни было и остается этническое самовыражение, поэтому в условиях полиэтничности российского общества его этнонациональная политика является основной составляющей процесса государственного регулирования.

Основной целью политики регулирования этнонациональных отношений является обеспечение межнационального согласия и устранение факторов и рисков межэтнических конфликтов путем оптимального учета интересов и создания благоприятных условий для развития российской нации, национальных меньшинств, всех граждан Российской Федерации.

В ходе осуществления этнополитики возникает ряд важнейших задач – как теоретических, так и практических. Решение первых дает представление о феномене этносов и этнических групп, а затем – выход на практическое решение проблем их развития [2, с. 9].

Растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом [3, с. 10].

СМИ являются важнейшим звеном в системе реализации государственной информационной политики, позволяющей регулировать процессы информационного воздействия в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

Информационная сфера стала одним из важных объектов государственного управления. Основной инструмент государственного управления информационной сферой – государственная информационная политика. Коммуникационный потенциал государственной власти заключается не только в наличии эффективных информационных каналов, с помощью которых власть может объяснять обществу свои решения, но и в установлении обратной связи с обществом, которая позволяет слышать запросы различных социальных групп, анализировать и корректировать государственную информационную политику.

Общественное мнение сегодня становится более активным и действенным регулятором политического процесса. СМИ не только отражают сложившиеся настроения, но и формируют это общественное мнение.

Причина в том, что новый тип информационной среды ментально делает любой локальный конфликт предметом внимания практически всей совокупности людей, которые идентифицируют себя с вовлеченными в конфликт группами. Рыночные СМИ устроены так, что они раскручивают спираль конфликта. Они многократно усиливают этническую солидарность с конфликтующими группами и подавляют солидарность гражданскую. В результате огромные массы людей превращаются в «виртуальных» участников конфликта – вне зависимости от расстояния до зоны конфликта. Это придает локальному конфликту, который без этого уже был бы разрешен, широкий характер [4, с. 391].

В естественном конфликте двигателем ситуации является общество, определенная группа людей, имеющая сугубо личностные причины для неприязни к другой группе. Это могут быть бытовые, языковые, экономические, культурные, политические и другие неразрешенные противоречия. Далее проблему начинают раскручивать журналисты. Сначала в СМИ говорят о проявле-

ниях конфликта как о единичных случаях. Затем – объединяют в тенденцию. Только после этого противостояние переходит на государственный уровень. О нем начинают рассуждать политические лидеры, а потом и приобщаться со своей стороны. Они могут как помочь решить конфликт, так и разжечь.

Но возможен и другой путь появления конфликта – искусственный. В этом случае о конфликте говорят уже тогда, когда практически никто не замечает его проявлений. О противостоянии начинают говорить группы влияния внутри или вне общества, которые подробно объясняют, почему определенные группы не могут найти «общий язык». Они находят причины, по которым в силу каких-то исторических или социальных обстоятельств одна группа должна испытывать трудности при взаимодействии с другой. Подобные послы начинают ретранслировать СМИ, не преднамеренно, исходя из принципов плюрализма, давая слово лидерам мнений, пусть и разжигающим вражду. Представители этнических групп эти послы принимают, обсуждают, если противоречий и не существовало, подобный дискурс провоцирует появление напряжения в обществе.

Предотвращение конфликтов должно исходить из природы появления. Если для устранения естественного конфликта нужна в большей мере политическая воля, в силах правящей элиты в любом назревающем конфликте предложить и организовать населению те условия решения, которые их устроят. Но с искусственным конфликтом все сложнее.

Он появляется на этапе коммуникации СМИ с обществом. Поэтому для политического урегулирования ситуации власти нужно влиять не только непосредственно на общество, искать бытовые компромиссы, но и на средства массовой информации. Здесь можно определить два пути. Первый состоит в контроле над информацией в СМИ, и в некотором роде цензуре и самоцензуре. Для этого существует позитивная цензура, которая исходя из принципов демократии не позволяет распространять провоцирующую социальное противостояние информацию наряду с пропагандой вредных привычек, порнографии и других девиантных проявлений.

Второй путь состоит в создании новых, качественных СМИ, которые могут завоевать популярность и скорректировать общественное мнение путем объективного освещения информации.

Таким образом, определяются ключевые сферы взаимодействия между государствами, социумами и людьми для налаживания и восстановления связей. Все эти аспекты связаны между собой, и некоторые из них являются продолжением и следствием

других. Так, например, позитивная повестка в СМИ предопределяет коммуникацию на бытовом уровне, а также закладывает успех в культурные и образовательные проекты, и в значительной мере формирует позитивную повестку в политической плоскости, поскольку общество не одобрит, если по вине выбранной власти был развязан конфликт с дружественным народом, а соответственно – определенный политик потеряет от этого рейтинг.

В основе развития любого контакта между народами лежит именно коммуникация, которая с одной стороны должна нести позитивное содержание, с другой стороны, должна быть легко исполнима на практике. Для достижения этой цели крупные государства финансируют в перспективных для сотрудничества странах свои культурные центры, которые не только пропагандируют свой образ жизни, но и поддерживают изучение своего языка в этой стране. В России уже десятки лет существует университет дружбы народов, который помогает устанавливать коммуникацию, в том числе и с далекими от границ народами. Российские культурные центры существуют во многих странах мира. Официальный статус появился у русского языка и в Сирии – исходя именно из политической повестки [5].

Важным моментом является и идеологическая повестка. Британский исследователь Джон Шварцманталь считает, что классические идеологии постепенно умирают, поэтому выходов из сложившейся ситуации может быть два – «на первый план выходит предполагаемая бесполезность «великих нарративов» – теологического видения истории и политики, которые движутся к своей конечной цели, – например, пролетарской революции, триумфу просвещенного разума или единству нации. Другие, вполне совместимые с первыми – содержат критику так называемого «проекта Просвещения», который лишил сообщество его внутреннего содержания и пропагандирует ложный универсализм, основанный на распространении местных европоцентристских ценностей на носителей совершенно других образов жизни, ни один из которых не имеет этического или политического приоритета» [6, с. 278]. Соответственно наиболее продуктивной идеологической моделью может стать преобладание взаимоуважения и демократических принципов.

Характер взаимоотношений в системе «государство – СМИ – гражданское общество» во многом определяется как особенностями конкретного субъекта Российской Федерации, так и особенностями многонационального государства» [7].

Проблемы взаимодействия органов власти и СМИ возникают из-за двух причин: двойственной и противоречивой природы

СМИ и отсутствия целенаправленной политики взаимодействия со стороны государства.

Фундаментальная проблема взаимодействия представляет собой не только внутренние противоречия взаимодействующих структур, но и поиск, и постоянное поддержание оптимального баланса в отношениях СМИ – государство – общество. Это означает, что проблема не имеет одного решения и все участники взаимодействия вынуждены постоянно прикладывать усилия, чтобы обеспечить равновесие во взаимоотношениях.

На современном этапе проблемы взаимоотношений власти и СМИ заключаются в необходимости поиска баланса, при котором СМИ были бы достаточно лояльны и поддерживали курс развития государства, но в то же время были бы настолько независимы, чтобы имели возможность осуществлять конструктивную критику и контроль над деятельностью органов власти.

Следует отметить, что ситуация усложняется и тем, что исходя из постановки проблемы мы понимаем, что найти баланс возможно только при участии всех сторон: органов власти, СМИ и общества, так как решение проблемы со стороны одного участника взаимодействия непременно нарушит гармонию данных отношений.

Например, активная деятельность власти при отсутствии контроля над процессом со стороны общественности и СМИ приведет к тому, что СМИ не смогут осуществлять социальный контроль над властью. Еще более серьезная опасность заключается в том, что при увлечении функцией контроля и созданием обратной связи для государственных органов средства массовой информации могут уйти в другую крайность: критиковать не только бюрократию и реальные недостатки работы органов власти, но и всю государственную систему.

Подобная позиция СМИ противоречит важной на современном этапе государственного развития идее поддержки средствами массовой информации курса развития государства. Таким образом, основная проблема взаимодействия органов власти и СМИ заключается в увязывании противоречивых друг другу функций (поддержка курса государственного развития и контроль над деятельностью органов власти и чиновников) и противоположных интересов (общественных и коммерческих).

Стабилизировать взаимодействие СМИ и органов власти, увязать их интересы возможно при рациональном подходе с помощью привлечения общественности благодаря тому, что эти структуры зависимы друг от друга. Зависимость проявляется в том, что органам власти для проведения эффективной политики необхо-

дима информационная поддержка СМИ, а СМИ, в свою очередь, необходим оперативный доступ к информации, которой обладают органы власти.

Лояльные масс-медиа становятся для государства одним из факторов стабильности, предоставляя ей право рассчитывать на политическое долголетие. В свою очередь СМИ ждут от государства свободы слова и финансовой поддержки, что является одним из важных стимулов их деятельности.

Модель взаимодействия органов государственной власти и СМИ в России на текущий момент является переходной, нестабильной, характеризуется различными противоречивыми признаками.

Мощные медиаструктуры – одни из самых значимых факторов современного политического процесса. На определенном этапе отношения средств массовой информации с государственной властью выстраивались в логике неуклонного усиления последней. Это предполагало возрастание государственного контроля над ключевыми СМИ в стране.

В системе «государство – СМИ» отчетливо проявляется двойственная роль самих СМИ.

С одной стороны, СМИ в силу своей природы объективно в большей или меньшей степени включены в управленческий механизм государственных структур.

С другой стороны, они ориентированы на удовлетворение информационных потребностей и интересов как отдельной личности, так и всех социальных институтов гражданского общества.

Необходимо отметить и то, что ряд современных средств массовой информации пытаются оградить свой контент от применения его в целях разжигания межэтнических, религиозных конфликтов: проводят мониторинг комментариев, закрывают возможности комментировать спорные материалы. Отправляют в «черный список» особо радикальных пользователей. В СМИ запрещают публиковать комментарии представителей экстремистских организаций. Блокировка видеоматериалов, публикаций или комментариев и в интернете рациональна лишь в случаях открытых призывов к незаконным действиям.

Важно учесть и то, что террористы используют для своих целей радикальную идеологию. Поэтому лучшим сопротивлением будет не противоположный радикализм, а более лояльная, мирная и демократическая политическая повестка. Для насаждения среди широких масс подобного комплекса взглядов необходимо использовать так называемую «мягкую силу», что уже учли представители российской власти и заявляли об этом в публичных выступлениях.

Отдельное внимание следует уделять и противоборствующей пропаганде. Игнорировать выпады оппонентов – не самое лучшее решение. Эффективнее будет разоблачать и приводить контраргументы на неправдивые или искаженные сведения в СМИ. Иначе пустое информационное пространство заполнится другими потенциально опасными теориями.

Важным аспектом является и использование так называемого языка ненависти – это более откровенный метод пропаганды, который де-факто навешивает ярлыки, создает стереотипы к определенным социальным группам. Этот метод универсален, в случае если потребитель информации разделяет точку зрения, он может радикализироваться в своих убеждениях, если же не согласен – то агрессия появится в адрес автора сообщения (журналиста / СМИ) или той социальной группы, которая предъявляет претензии в информационном сообщении.

Ситуация с разжиганием этнонациональных конфликтов в социальных медиа остается сложной. Контролировать всех пользователей всемирной паутины практически невозможно. Однако больше 20 стран мира ввели определенный интернет-контроль [8].

Для регулирования и предотвращения межнациональных и межконфессиональных отношений необходима комплексная стратегия, которая у Российской Федерации существует. Ее реализация возлагается на исполнительную власть и де-факто воплощается через более традиционные методы агитации взаимопонимания между народами и представителями разных конфессий. В то же время современность характеризуется новыми малоизученными видами воздействия на население, соответственно государству следует быть более гибким и быстрее реагировать на новшества недоброжелательных сил внутри или извне страны. Сейчас фактическое противодействие во всем информационном поле происходит или преследованием нарушителей закона, откровенных агитаторов и разжигателей межгрупповой вражды или же это контрпропаганда от отдельных общественных независимых сил – других лидеров общественного мнения и средств массовой информации. Следовательно, поддержку государство должно направлять именно в более современные и развивающиеся отрасли информационного пространства.

Литература

---

1. *Гамов А., Степашин С.* Русский язык в Сирии – второй основной. Это не новость, скорее – традиция // Комсомольская правда. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26673.7/3695364> (дата обращения 29.11.2018).
2. *Дробизжева Л.М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 10. [Электронный ресурс] URL: <http://pravorf.org/doc/drobizheva-leokadiya.pdf> (дата обращения: 05.12.2018).
3. *Зорин В.Ю., Абрамов А.В.* Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/861> (дата обращения: 05.12.2018).
4. *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.
5. *Марков Е.А.* Взаимодействие органов государственной власти и средств массовой информации как фактор реализации информационной политики: На примере Вологодской области: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-organov-gosudarstvennoi-vlasti-i-sredstv-massovoi-informatsii-kak-faktor-real> (дата обращения: 06.12.2018).
6. *Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л.* Роль СМИ в регулировании этнонациональных отношений в современной России // Этносоциум и этнонациональная культура. М., 2015. № 5 (83). С. 9–14.
7. Карта запретов // Lookatme. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/inspiration-lists/204275-karta-zapretov> (дата обращения 29.11.2018).
8. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. Харьков, 2009. 312 с.

Л.А. Февралёва (Владимир)

*кандидат философских наук, член Экспертного совета
по проведению государственной религиоведческой
экспертизы при Управлении Министерства юстиции
России по Владимирской области
fevraleval@mail.ru*

Проблемы реализации государственной национальной политики во Владимирской области

Во Владимирской области разработаны интересные методы и найдены достаточно эффективные пути реализации государственной национальной политики. В частности, опыт работы региональной власти, как один из примеров передовой практики, обсуждался на коллегии Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН). Но чем более глубоко специалисты проникают в эту тонкую сферу, тем контрастнее вырисовываются проблемы. Остановимся на двух из них: социальная адаптация и интеграция мигрантов и социализация цыган, поскольку к решению этих проблем в регионе были привлечены не только административные ресурсы, но и значительный потенциал гражданского общества и научного сообщества, что и позволило добиться позитивных сдвигов в этих направлениях.

В начале целесообразно представить этнонациональный «портрет» региона. Владимирская область занимает шестое место в Центральном Федеральном округе Российской Федерации по численности населения, которое по результатам переписи населения 2010 г. сократилось по сравнению с 2002 г. на 5,3% [1]. Регион является мультикультурным сообществом, включающим 95,6% русских, а также представителей 114 национальностей. Специфика региона заключается в том, что титульное население самоидентифицирует себя с исторически глубоко укорененной православной культурной традицией.

В последнее время отмечается постепенное, но стабильное изменение этнической структуры населения региона, что связано с демографическими и миграционными процессами. Естествен-

ный прирост титульного населения области имеет отрицательную динамику. В то же время в последние 10–15 лет значительно увеличилась численность постоянно проживающих во Владимирской области жителей, отнесших себя к киргизам, узбекам и таджикам (в 5, 4, 3 раза соответственно). Растет число временных мигрантов, пребывающих для осуществления трудовой деятельности на определенный срок. Одновременно наблюдается исход из региона владимирцев. Экономическая логика развития последнего пятилетия превращает область из региона с достаточно развитым промышленным потенциалом в «перевалочно-логистическую базу», которая все меньше привлекает «коренное» население. Если в 2011 г. область покинули 252 чел., то в 2017 г. – в 10 раз больше (2853 чел.) [2]. Только за последний год на 2% выросло количество владимирцев, выразивших желание уехать, и составило в 2018 г. 23% [3]. Кроме переселения титульного населения из региона, характерной является временная трудовая миграция, которая фиксирует отток наиболее экономически активных владимирцев, осуществляющих трудовую деятельность в Московской и других соседних развитых областях.

Резкое сжатие трудоресурсного потенциала региона обусловливает необходимость существенного увеличения трудовой иммиграции для его восполнения, поскольку невозможно за короткое время обеспечить адекватный рост производительности труда. Это объективно ведет к изменению этнонациональной структуры населения региона и актуализирует проблемы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, о которых много говорится в последнее время. Однако на сегодняшний день в этой сфере отсутствует юридически закрепленный понятийный аппарат, требуется разработка типологии миграций и соответствующих форм адаптации мигрантов и «коренного» населения в меняющихся социально-экономических и политических отношениях.

Нет четкого разграничения таких категорий как «адаптация» и «интеграция» мигрантов, во всех законодательных актах они идут неразлучно как «сестры-близнецы». На местах ощущается недостаток научно-методического и информационного сопровождения социальной и культурной адаптации мигрантов. И тот факт, что в Казани, при поддержке ФАДН, в ноябре текущего года прошел обучающий семинар по теме «Модель комплексного подхода к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов» [4], в котором приняли участие представители 10 регионов страны, заслуживает одобрения, а подобная практика требует дальнейшего продолжения.

На базе Владимирской областной научной библиотеки имени М. Горького с декабря 2014 г. действует Центр социально-культурной адаптации мигрантов. Здесь работают курсы по русскому языку и истории России, оказывается помощь в поиске юридических документов в правовой системе «Консультант плюс», мигранты обучаются компьютерной грамотности и работе в сети Интернет. Укомплектован фонд книг на языках народов России и дружественных государств, а тематические списки литературы разосланы в национальные организации. Созданы постоянно действующие уголки национальных литератур, проводятся выставки. Однако практика показала, что предлагаемые услуги не имеют той востребованности, на которую рассчитывали организаторы. Главная причина такого положения дел заключается в том, что средний уровень образованности мигрантов, прибывающих в регион, по результатам исследований 2017 г., довольно низок: около трети имеют неполное среднее образование (27,4%), среднее и среднее специальное – 20,8% и 39,9% соответственно [5]. Кроме того, причина низкой популярности Центра видится в отсутствии у руководителей национальных организаций устойчивых и доверительных внутриэтнических коммуникативных связей для привлечения соотечественников к дополнительному бесплатному источнику социально-культурной адаптации.

В этой связи крайне важной является и проблема личностного развития, адаптации и социокультурной интеграции детей мигрантов. К решению данной задачи подключилась областная библиотека для детей и молодежи, открывшая в 2015 г. на своей базе «Детский центр «Дружба», который организует просветительскую работу по знакомству детей-мигрантов с русской культурой, а русских детей – с культурой и традициями народов, проживающих на территории Владимирской области. В идеале было бы целесообразно создать в регионе единую комплексную систему, направленную на воспитание культуры межнационального общения у детей, начиная с раннего возраста (детского сада) до молодежного. Однако если с организованной молодежью в учебных заведениях ведется какая-то работа в этом направлении, то там она и заканчивается. Пока, особенно на региональном уровне, трудно утверждается та простая истина, что именно неорганизованная молодежь, лишенная социокультурной «прививки от национализма», становится питательной средой экстремистских молодежных группировок, исповедующих идеи расизма и шовинизма. Это ярко проявилось в 2005 г., отмеченном всплеском в регионе националистических настроений и активизацией деятельности организации «Россия для

русских». Данные лозунги неоднократно появлялись на заборе, ограживающем строительную площадку Армянской Апостольской Церкви в г. Владимире. В областном центре были распространены листовки, в которых использовались символика и слоганы, аналогичные фашистским. Также фиксировались факты нападения на мусульманскую мечеть. Правоохранительные органы установили, что исполнителями этих провокаций были именно представители неформальной молодежи.

С одной стороны, анализ показывает, что иммиграция для Владимирской области экономически обоснована, с другой стороны, этот неизбежный процесс явно вызывает определенную напряженность в межнациональных и межконфессиональных отношениях, поскольку «коренное» население области (в ситуации растущего давления иных культур и религий) проявляет вполне понятную в таких случаях, приверженность многовековому православному началу. В связи с этим наблюдается рост так называемого «охранительного национализма», выражающегося в распространении среди традиционно проживающих этнических групп чувства тревоги по отношению к группам позднепереселенческим (в первую очередь иноэтничным), опасаясь, что представители экономически организованных сообществ, плотно заполнившие ряд жизненно важных экономических ниш (армяне – в строительстве, сфере услуг, азербайджанцы – в торговле, узбеки – в строительстве), вытеснят их из привычного жизненного пространства. Хотя зачастую эти опасения сильно преувеличены, поскольку в области имеет место разбалансированность рынка труда, которая характеризуется переизбытком специалистов с высшим образованием и недостатком кадров рабочих профессий.

Поэтому не случайно региональные социологи вносят в повестку дня вопрос о необходимости социальной адаптации «коренного» населения к формирующейся мультиэтничной и мультикультурной среде. Согласно результатам социологических исследований 2018 г., чувство враждебности по отношению к представителям иных национальностей более характерно для русских жителей области, среди которых только 43% указали, что никогда подобной враждебности не испытывают. Среди представителей нерусских этносов вражды по отношению к представителям других национальностей никогда не испытывают 58% опрошенных [3].

Еще одной проблемой является низкий уровень легитимной самоорганизованности национального сообщества и их представленности в структурах гражданского общества. По национальному признаку зарегистрировано только 30 организаций. Для сравнения,

в области действуют 403 религиозные организации 16 религиозных направлений. Национальные общественные объединения созданы азербайджанцами, армянами, грузинами, дагестанцами, евреями, езидями, поляками, таджиками, татарами, узбеками, цыганами, чеченцами. Заметим, что представители самой крупной этнической группы – украинцы, не имеют своей организации. Этноты, вследствие последних миграционных процессов относительно недавно начавшие «освоение» территории области, напротив, стремятся отстаивать свои права, в том числе и с помощью общественных организаций. Можно выделить наиболее крупные: армянскую, азербайджанскую, татарскую.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации многонациональному сообществу сделан социальный заказ по «укреплению роли национальных общественных объединений, национально-культурных автономий в социальной и культурной адаптации мигрантов на основе использования инфраструктуры культурных и учебных центров» [6]. Можно привести положительные практики, к примеру, при Армянском культурном центре во Владимире организовано преподавание русского языка, русской культуры для детей. «Мухтасибат Владимирской области» планирует возобновить занятия для мигрантов по основам знаний русского языка, культурных традиций региона на базе молебного дома в г. Владимире, ставшего центром межнационального общения. Объективно оценивая ситуацию, следует признать, что далеко не все национальные организации готовы к выполнению столь ответственного заказа государства. Социологические исследования показывают, что явными лидерами по выраженности неприятия «коренным» населением в регионе традиционно являются узбеки (23,1%) и таджики (21,5%) [3], которые составляет основную массу находящихся в области трудовых мигрантов. Казалось бы именно узбекская и таджикская национальные организации должны быть заинтересованы в том, чтобы процесс адаптации их соотечественников не затягивался и не сопровождался психологическим дискомфортом, нервными срывами. Однако многие из приезжающих даже не знают о существовании таких организаций.

К сожалению, практически отсутствует массовое информационное влияние со стороны национальных организаций на своих сородичей, проживающих во Владимирской области. Достаточно сказать, что только четыре национальные организации имеют официальные сайты хотя бы с указанием контактов. Это: Владимирское городское отделение «Армянский Национальный Союз», Владимирская региональная общественная организация «Обще-

ственно-культурный центр «Дагестан», Владимирская региональная общественная организация «Общественно-культурный центр «ВАЙНАХ», Владимирская областная общественная организация азербайджанцев «Одлар юрду» («Страна огней»).

Нужно отметить, что и деятельность самих национальных организаций далека от идеала. Некоторые зарегистрированные национальные организации коммерциализируются, оказывая помощь соотечественникам, некоторые существуют чисто номинально для получения их руководителями личных преференций или повышения статусности в обществе. Поэтому особого уважения в столь прагматичное время заслуживает альтруизм руководителя езидской организации «Месопотамия» Самвела Саидовича Мсто-яна. Его энергии хватает не только на популяризацию истории и традиций своего народа, но и на развитие в регионе межнационального сотрудничества, где он выступает инициатором многих межнациональных проектов.

В условиях современных геополитических вызовов остро встает задача укрепления общегражданской солидарности россиян. В связи с этим особого подхода требует вопрос о цыганах, которые сохраняют свою богатую оригинальную культуру, язык, систему социальных отношений и семейных ценностей, но, к сожалению, только в самоизолированных сообществах, где цыганские нормы жизни превалируют над законами государства. Проблема состоит в том, чтобы сформировать систему сохранения национальной самобытности цыган в контексте общероссийской гражданской идентичности и правового порядка страны.

Количество цыган во Владимирской области подсчитать очень трудно: «они невидимы для государства, – признаются сотрудники миграционной службы региона. – Данные переписи не отражают их числа, но позволяют утверждать, что их не менее 2750» [7]. По экспертным оценкам их реальная численность составляет более 8 тыс. человек. К тому же именно у цыган по итогам переписи населения 2010 г. наиболее высокий показатель по числу рожденных детей на 1000 женщин, постоянно проживающих на территории Владимирской области [8]. В регионе зарегистрированы две цыганские национальные организации: региональная общественная организация «Ассоциация цыган Владимирской области» и Владимирская региональная общественная организация «Цыганский национальный союз «Рома», руководители которых зачастую выступают медиаторами в спорных ситуациях. Однако далеко не для каждого цыганского поселения они авторитетны, поскольку, по утверждению руководителя Федеральной

национально-культурной автономии российских цыган Надежды Деметр, имеется 80 ветвей цыган и они очень отличаются [9]. Думается, что десяток разных ветвей цыган наберется и во Владимирской области.

Исторически обусловленные отличия в поведении, менталитете, профессиональных занятиях иногда создают межкультурные барьеры, дистанцию в общении, порождают негативные стереотипы и даже конфликты, как было, например, в д. Темкино Александровского района [10], где на многостраничную жалобу жителей деревни отреагировала целая бригада из представителей муниципальной администрации, миграционной и газовой служб, полиции, электросети. Примеры эффективной социализации цыган имеются в Петушинском районе, где органы власти и цыганская организация решают проблемы сообща. Психологии социального иждивенчества противопоставляются практики возрождения национальных ремесел, профессионального перепрофилирования, особое внимание уделяется обучению цыганских детей, пропаганде национальной культуры. Однако пока это единственный положительный опыт, который, исходя из специфики цыган, не может механически копироваться, поскольку, как говорит Н.Г. Деметр: «В реальной жизни мы видим, что этнические группы фактически являются отдельными кастами или подкастами. Несмотря на то, что представители каждой отдельной группы считают себя истинными цыганами, декларируя превосходство своих обычаев, тем не менее, существует более или менее объективная шкала внутренней иерархии. Каждый цыган в глубине души знает, какие группы считаются элитой, а какие презираемы» [11].

Эти кастовые особенности должны стать предметом научного исследования. В 2000 г. в соавторстве с Николаем Бессоновым вышел в свет ее серьезный академический труд «История цыган – новый взгляд». Но, как показывает библиография, ведущих российских цыгановедов в большей степени интересует история цыган Восточной Европы, завершающаяся хронологическими рамками конца XX в. Современных исследований, которые бы стали научной базой для представителей власти и общества в социализации российских цыган, в настоящее время, к сожалению, не имеется. А это крайне серьезный вопрос, поскольку без знания этих особенностей вряд ли можно выстроить гармоничные межнациональные отношения.

В заключение следует отметить, что многонациональность нашей Родины – это ее историческое и культурное достояние, но при отсутствии взаимного уважения и гражданской солидарности невозможно выработать тот верный алгоритм действий, который

позволит направить всю эту многонациональную мощь на благо российских народов и государства, но это крайне необходимо сделать уже сегодня. Завтра может быть поздно. Российскую многонациональность можно сравнить с ядерной энергией, которая способна крутить турбины, давать свет и тепло, но может и уничтожить все на своем пути. Наша общая задача – дать больше света и тепла нашему многонациональному дому.

Литература

---

1. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области (официальный сайт) URL: <http://vladimirstat.ru/default.aspx>.
2. Основные демографические показатели Владимирской области. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области (официальный сайт) URL: http://vladimirstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vladimirstat/ru/statistics/population/
3. Результаты социологического опроса по теме «Социальное согласие и социальное самочувствие» (апрель–май 2018 г.). [Электронный ресурс] // Опросы общественного мнения. Администрация Владимирской области (официальный сайт) URL: <https://kossmi.avо.ru/oprosy-obsestvennogo-mnenia>
4. 10 регионов приехали в Казань обучаться работе с мигрантами. [Электронный ресурс] // АБНО «Новый век» (официальный сайт) URL: <http://newcenturykazan.ru/info/news/11-regionov-priekhali-v-kazan-obuchatsya-rabote-s-migrantami/>
5. Результаты социологического опроса по теме «Социальный портрет трудовых мигрантов: региональный аспект» (октябрь 2017 г.). [Электронный ресурс] // Опросы общественного мнения. Администрация Владимирской области (официальный сайт) URL: <https://kossmi.avо.ru/oprosy-obsestvennogo-mnenia>
6. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70284810/>
7. Цыганские традиции не всем понятны. [Электронный ресурс] // Региональный информационный портал «За Владимирскую область» URL: <http://zavladimir.ru/?p=9830>

8. Во Владимирской области проживают представители 115 национальностей. [Электронный ресурс] // Региональный информационный портал «За Владимирскую область» URL: <http://zavladimir.ru/?p=31465>
9. *Деметр Н.Г.* Главное качество цыган – гостеприимство. [Электронный ресурс] // Национальная служба новостей URL: <http://nsn.fm/culture/tsy-gane-rossii-nashe-glavnoe-kachestvo-gostepriimstvo.php>
10. Уважаемый цыганами человек: «Если кто перейдет мне дорогу, я оторву тому голову». [Электронный ресурс] // Газета «Новый город Александров» URL: <http://gazetanga.ru/uvazhaemyj-cyganami-chelovek-esli-kto-perejdet-mne-dorogu-ya-otorvu-tomu-golovu/>
11. *Бессонов Н., Деметр Н.* История цыган – новый взгляд. [Электронный ресурс] // Цыгане URL: <http://gypsy-life.net/history14.htm>

В.К. Шабельников (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, заведующий
кафедрой психологии и методологии образования
Института психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета
shabelnikov@rambler.ru*

Психологические проблемы реформирования российской нации

В связи с резко обострившейся активизацией процессов, угрожающих дальнейшим распадом и противостоянием этнических и религиозных групп не только в мире, но и в России, необходима широкая организация работы по духовно-психологической консолидации российского общества. Межрелигиозные и межэтнические конфликты обостряются не только на Ближнем Востоке, в Африке и Азии, но охватывают и страны бывшего СССР. Всплеск пассионарности и рост этнической агрессивности связаны с дестабилизацией привычных форм жизни народов, включаемых в мировые экономические и информационные процессы. Этническое сознание тесно связано с укладом жизни народов и при разрушении этого уклада реагирует нарастанием агрессивности и экстремизма. Волны терроризма, охватившие разные страны, – это не клинический феномен, а массовый социальный процесс, вызванный противостоянием сознания многих народов стремлению включить эти народы в чуждые для них формы жизни и культуры.

Разрушение российского общества идет уже не одно десятилетие, учитывая, что распад СССР был лишь наиболее острым событием уничтожения прежде единой страны. Националистическая агрессия в Украине, направленная против России, – тоже лишь одно из текущих проявлений этого процесса. В логике социальной психологии важно понять, почему национальные элиты бывших советских республик, даже получавшие образование в Москве и Ленинграде, тем не менее, поддержали усиление национализма и создали в учебниках и прочих произведениях отрицательный образ взаимодействия своих народов с Россией. При распаде СССР нужно было дать народам, отторгнутым от единого социального

организма, психологическое обоснование суверенности, оправдать их отделенность от великой страны, от общей культуры, которой они прежде могли гордиться. Сознание масс требовало обоснования смысла произошедшего. Историкам новых государств пришлось изыскивать минусы соединенности их народов с Россией, обосновывать смысл произошедшей «суверенности». На такое очернение образа России явно рассчитывают силы, стремящиеся ослабить влияние нашей страны в мире.

Что противопоставляет этому Россия в сфере идеологии и психологии? Что в ответ на националистические идеи украинских политиков предлагает Россия для духовного объединения народов, десятилетиями считавших себя единым советским народом? Сегодня наиболее ярко озвучиваются идеи православного единства славянских народов. Эти идеи энергично звучат в выступлениях на телевидении. Но объединяет ли такой образ патриотизма Россию или он провоцирует разрыв страны по религиозному и этническому противостоянию? Можно ли на идее единения славянских народов объединить народы, не являющиеся славянскими и православными? Тем более привлечь к России народы окружающих ее стран.

В объективном анализе нужно не обвинять отдельных людей в их злых умыслах, ища в них причины глобальных социальных процессов. Нужно выявлять глобальные психологические механизмы, заставляющие людей действовать так, а не иначе. Что толкает в Евросоюз не только Украину, но и другие народы бывшего СССР? Почему многие люди уезжают или стремятся в страны Европы или США? Реальные или ложные мотивы лежат в основе этих стремлений? Лишь на основе логики психологической организации мотивов можно продуктивно решать вопросы управления социальными процессами. Важно раскрывать и использовать механизмы психологической организации социальных систем, на которых строилось и должно строиться единение России.

В российском сознании много столетий борются *два вектора развития* страны. Один, особенно активно осуществляемый с середины 80-х годов XX в., выражает стремление российской элиты *включиться* в мир «развитых стран», быть принятыми в клуб демократических, экономически и культурно развитых народов, декларирующих себя элитой мира. Второй вектор развития страны – *быть центром* евразийской цивилизации, защищая народы Евразии от агрессивной политики «развитых стран», привлекая народы других регионов, утверждая идеалы духовности, социальной и экономической справедливости как базисной ценности мирового развития.

В последние годы кризис западной идеологии и осознание собственной значимости России усиливает стремление к второму вектору. Однако что отличает Россию как социальную систему от систем, также стремящихся включать массы людей в сферы своей активности? США декларируют себя как «оплот демократии», утверждают ценности «свободы личности», свое противостояние странам, где якобы идет подавление личностей и малых групп «тоталитарной системой». Исламские движения декларируют ценности противостояния странам и цивилизациям, «разрушающим основы морали». Этнические группы в России и в других странах объединяет их родовая специфика и общая история. Идеи и ценности разные, возможно спорные, но декларируемые и утверждаемые в их привлекательности для многих людей. *А какой образ или идею единения народов реализует Россия как основу своей целостности и привлекательности?* Укрепление России в мировом противостоянии сил требует понимания того, вокруг чего глобально ценно Россия соединяет народы, включая в себя разные национальные и социальные группы? Если люди должны стремиться к России, то *центром чего, психологически значимого для них, является именно Россия?* Вокруг чего наша страна может и должна объединять миллионы людей? Ведь не на формальном лозунге «единства России», а на реальном основании единения людей можно обеспечить целостность страны. Простая истина, что в основе человеческих действий и стремлений лежат психологические основания и что формирование этих оснований и стремлений подчиняется реальным психологическим законам, часто остается за пределами осознания и людей, и организаций, принимающих на себя ответственность управлять социальными процессами.

В основе действий и стремлений людей лежат мотивы, которые иногда представляют как потребности личности. Природа и происхождение мотивов многие столетия казались психологам загадочными. З. Фрейд, А.Н. Леонтьев и многие другие классики психологии признавали, что мотивы, движущие людьми и составляющие основу организации деятельности, не осознаются самими индивидами. Неспособность понять истоки мотивов приводила людей к самым разным трактовкам. Мотивы представлялись то воздействием «высших сил», то с людьми вели борьбу как с одержимыми злыми силами. Не понимая логики формирования мотивов, психологи часто характеризовали мотивы как проявление «врожденных» потребностей¹. При этом вопрос о логике и механизмах самого «врождения» в людей мотивов и потребностей оставался за рамками объяснения.

В XVII–XIX вв. личность стали представлять как автономное образование, движимое базисными биологическими потребностями и стремящееся подчинить окружающих этим потребностям. Особенно прочно такое понимание личности утвердилось в европейском сознании в эпоху кризиса феодальных государственных систем и развертывания буржуазных революций. Идеологи революций, противопоставляя личность и общество, обосновывали необходимость разрушения прежних социальных систем как бы мешающих реализации потребностей человека. В наши дни картина противостояния автономной личности и общества активно утверждается в массовом сознании для обоснования разрушения неугодных социальных систем. Вера в то, что потребности людей являются неким врожденным основанием их личности, столетиями вносит свой вклад в развитие и обострение социальных кризисов.

Исследования, проводившиеся нами и нашими коллегами более пятидесяти лет, показали, что любые потребности, включая «исходные» биологические, формируются в результате интериоризации (имплантации) в систему организма или личности полей напряжений или противоречий, возникающих в глобальных биологических или социальных системах, формирующих наши организмы и личность человека. Так называемые «врожденные» потребности являются продуктом интериоризации в системы организмов биосферных (геохимических) напряжений, создающих биологические функции живых систем². Эти функции и воспринимаются как биологические потребности. Социальные же потребности, которые отличают человека и организуют мотивы личности, формируются в процессе усвоения людьми напряжений социальных пространств, в которых мы формируемся и разворачиваемся деятельности, определяющие организацию и общества, и личности³. Эти данные согласуются с положениями культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева, согласно которым личность формируется в ходе интериоризации (усвоения) логики социальных взаимодействий или структуры социально организованной деятельности⁴.

В российском обществе периодически проявляется стремление перенимать формы жизни и деятельности из Европы или США. Брошенный в 60-х годах Н.С. Хрущевым лозунг «догоним и перегоним Америку» стал вектором последовавшей затем перестройки российского общества. Однако насколько попытки реформировать Россию по образцу западных стран соответствуют мотивам жизни и основам деятельности наших народов?

В истории Европы формировались три принципиально разных типа социальных систем, в основе организации которых лежали три разных типа «ведущей деятельности» народов⁵. Вначале люди жили охотой и обработкой земли, организуясь в родовые группы, жили семейными и общинными отношениями. В таких формах деятельности формируются мотивы взаимной поддержки, любви со стороны окружающих, признания через включение в защищающие людей родовые отношения. Такие социальные системы обеспечивают формирование базисных мотивов личности. В России и сегодня такой тип жизни сохранился у многих народов. Но в мягком климате Средиземноморья увеличивалась плотность населения и социальные группы вынуждены были перейти к другому типу ведущей деятельности – войне. Тысячи лет в ходе военной деятельности в Европе формировались сложные государственные системы, подавлявшие местные этнические системы и объединявшие их не только силой, но и культурой, устранявшей этнические конфликты. В войнах рождались Греческая, Римская, Византийская империи. При этом энергия этносов, включенных в государства, снижалась, родовые группы переплавлялись в новые сообщества. Регионы западной Европы в течение трех тысяч лет были территорией войн, разрушавших родовые системы и формировавших психологию индивидуализма и готовность к постоянной борьбе за личное выживание. Люди усваивали мотивы самоутверждения через служение государству и богам, возвышавшимся над пирамидами социальных иерархий.

Во втором тысячелетии в психологии западных европейцев произошли новые изменения. До XI в. нации Римской империи консолидировались религиозными мифами христианства, несшими образы будущего счастья в посмертном мире. Но в XI–XVII вв. Европа переживала глубокий кризис мировоззрения, спровоцированный несостоявшимся «вторым пришествием» Христа, которое ожидалось к завершению тысячелетия христианской эры. Кризис нереализованных ожиданий вначале породил выплеск агрессии, которая вылилась в крестовые походы против иноверных. Кризис веры в Европе создал в XII в. вакуум ценностных идеалов, направляющих энергию масс. И это угрожало распадом европейской системы. А в XVI в. агрессия развернулась против католической церкви и освященных ею государственных систем. И вскоре наполнившая массы агрессия разрушения стабильных государственных структур воплотилась в миф о демократии как наиболее удачной форме организации общества. На смену объединявшему европейцев мифу о будущем спасении через веру в Бога пришел миф о рукотворном

«светлом будущем», миф о «социальном прогрессе», воплощаемом в виде технического прогресса.

Выполнив свою военную функцию, государственные структуры Европы потеряли свою прежнюю значимость. В ходе кровавых революций государства реформировались в демократические сообщества «свободных» граждан, принимавших веру в самоутверждение личности через борьбу за построение нового мира. Техническая вооруженность армий и экономики обычно обеспечивала успехи в войнах и в мировой конкуренции. Военную аристократию, которая тысячи лет формировала структуру государств, сменили торгово-промышленные слои общества. Агрессия, реализуемая прежде в войнах, интериоризировалась в личную мотивацию, в стремление к индивидуальному самоутверждению, к приватизации социального и природного пространства, в потребность личности покорять окружающих силой своего богатства. Мотивы противостояния человека окружающим социальным группам укрепились еще больше.

Западная Европа создала представление о себе как центре мировой цивилизации, выставив успехи технической революции как главную ценность мирового развития. Миф о демократии и прогрессе стал надежным мифом, позволившим европейцам покорять другие страны, разрушая их своеобразие и утверждая господство своих идеалов. История человечества стала представляться в виде общего процесса, идущего в одном направлении, по пути технического и экономического прогресса. Благодаря этому все народы мира оказались распределенными на единой ценностной шкале, где наиболее ценными оказались «передовые страны» Европы и США. В ходе череды революций и колониальных войн идеи демократии стали стабильной ценностью культуры, оправдывая разрушение государственных систем, сформированных на основе родоплеменных, военно-аристократических или монархических принципов. Средства массовой информации стали представлять страны, имеющие техническое преимущество, лучшими во всех отношениях, включая формы культуры, морали и образа жизни, а страны и народы, не идущие путем технического «прогресса», отсталыми, дикими, социально и культурно неразвитыми. Европейские образцы жизни, взгляды, одежда, этикет и манеры поведения стали представляться как передовые, а все, отличающееся от европейского, как «отсталое». Древние культуры народов стали представляться как тормоз в развитии.

Судьба России во многом иная. За прошедшие тысячелетия военная деятельность лишь выплесками распространялась на суровые земли, севернее и восточнее Германии или Польши. Поэтому

народы Евразии сохранили традиционные этнические системы, сохранили родственные связи, а мотивы бескорыстной поддержки близких остались сильнее, чем мотивы борьбы за личное самоутверждение. Без этого невозможно выжить там, где логику жизни определяют не войны, а неурожаи, наводнения и морозы. Российское государство сформировалось не на основе войн между местными народами, а путем подчинения этих народов вначале Рюриковичам и Орде, а затем князьям и дворянам, прибывающим из Европы. Государство России укреплялось за счет миграции аристократии, вытесняемой из Европы волнами западных революций. Но, в отличие от покорителей Америки, массово уничтожавших коренное население, дворяне России не могли обойтись без местных народов и почти не вмешивались в их традиционный образ жизни. Если в Европе и США этнические системы были основательно разрушены, то в России сложилась *двухслойная система, сохраняющая два психологически и культурно разных слоя*. Государственные структуры России принимали индивидов, отрывавшихся от родовых систем, но объединяли и этносы, живущие своей особой жизнью. Поэтому народы России сохранили свои традиции, культуру, национальные обычаи и вековые смыслы жизни. В итоге возникло сложное взаимодействие этнических систем и государства, защищающего народы от уничтожения, но подавляющего крайние формы их противостояния, стремление перейти в межнациональные войны, веками шедшие в западной Европе.

Имея корневую связь с Европой, правящее сословие России вносит в российское сознание европейские идеалы и бессознательное презрение ко всему местному, как выражающему образ низшего сословия страны. Дворяне перенимали схемы культуры в западных странах, на столетия опережавших Россию в логике исторических кризисов. Дворянская аристократия управляла страной, пока главным вектором политики было расширение страны и основной деятельностью государства оставалась война. Но к XIX в. Россия расширилась до границ океанов и стран, уже прошедших волны военной и религиозной организации. Военная функция формирования страны была исчерпана и, переживая кризис потери значимости дворянства, Россия начала воспроизводить логику промышленных революций, заимствуя из Европы мифы о демократии, о прогрессе и свободе личности. Переняв уже в XIX в. идеи о том, что экономика и частное предпринимательство являются основой жизни людей, финансово-экономические слои России пытались реформировать страну по западному образцу, невзирая на психологию народов, не учитывая значимости традиционных мотивов.

Итогом этих попыток стала революция, свергнувшая и дворян, и экономически активные слои общества.

«Передовое» стремление к западным демократиям и «реакционные» ценности сохранения российского своеобразия столкнулись как разные векторы развития страны, как два пути развития нации и в XIX, и в XX веках. Один путь – включиться в «цивилизованное мировое сообщество», стать его частью, приняв требования к перестройке своей культуры и психологии. Другой – объединить вокруг России не только ее собственные народы, но и народы других стран, развивать страну как один из центров мировой цивилизации. Второй путь предполагает определение особой роли России в решении мировых проблем, непосильных для других стран. Россия может стать центром притяжения для многих народов, но для этого необходимо ясное осознание ее особой функции в развитии современного мира. В этом движении энергия социальных процессов могла бы притягивать к России страны и народы, включающиеся в решение значимой мировой задачи.

Было бы ошибкой рассматривать отношение западных стран к России как агрессию. В отношении Запада к России нет сознательного злого умысла. С точки зрения взаимодействия органических систем, это, скорее, искреннее стремление включить страну в свой структуры, в свои энергетические потоки. Любое включение одной функциональной системы в другую систему – это не механическое взаимодействие, а ассимиляция включаемой системы более мощным организмом. Здесь работают принципы взаимодействия живых систем, законы ассимиляции. Ассимиляция – это не техническое слияние, а поглощение одной системы другой. Например, волки или львы могут ассимилировать быка, включая его в свой организм. Но вначале быка нужно обездвигить, а затем еще и разжевать, растворить его жесткие структуры своими соками, а затем ассимилировать в логику движения своих процессов. Россия при ассимиляции ее развитыми странами должна быть максимально обездвигена, расчленена и после растворения включена в организмы «передовых стран». Это неизбежная логика включения живых систем в системы, почти равные им по объему. Не нужно думать, что ассимиляция зайца или быка – это проявление агрессии хищников. Это, скорее, проявление их любви, их стремления к слиянию⁶.

С точки зрения логики функциональных систем, с самого начала понятно, что установка на включение России в «сообщество развитых стран» предполагает не только отделение от России ее прежних республик, но и последовательное разрушение внутренней структуры страны. Ведь «развитые страны» – это тоже живые

функциональные организмы, живущие своими потребностями. Конечно, «развитые страны» заинтересованы во включении России в свое сообщество. Им нужны ресурсы, нужна территория России. Но каким образом может включить европейское сообщество глобальную и сложную Россию в свои уже сложившиеся системы? Нужны ли этим странам еще и народы России, с их «неразвитой» традиционной психологией, с неправильным, «не демократическим» укладом жизни?

Ассимиляция социальных систем по методу волков или львов – это довольно жесткий метод, связанный с резким разрушением общей структуры поглощаемых организмов. Это проявляется в войнах, в жестких силовых операциях. Но современное западное общество породило более изящные методы ассимиляции, применяемые и к России, и другим странам. Пауки, например, не стремятся разгрызть свою жертву, ломая ее на куски. Паук мягко оплетает муху или осу своей паутиной и затем выпускает в нее свои пищеварительные соки, провоцирующие движение потоков из тела жертвы в тело паука. Внешне муха или оса остаются целыми, а в паука перетекают лишь нужные ему вещества, которые он ассимилирует. Это технологии организации потоков веществ, финансов, энергий и людей, перетекающих из более слабых стран в энергичные социальные организмы, которые активно применяются и к России.

«Растворяющим соком», внедряемым ассимилирующими социальными системами в ассимилируемые ими страны, являются ценности, идеалы и иные формы культуры. Культура западных стран стала заменять культуру России своими художественными формами. В ходе жесткой психологической войны демократизация страны проводится как вытеснение основ традиционной культуры из сферы формирования психологии масс. США особенно заинтересованы во внедрении в сознание народов своей культуры, подобно пауку, вбрасывающему свои размывающие соки в чужие организмы. Особо важную роль в размывании основ российской нации играют мифы об идеологизации СССР и о «свободе слова» в западных странах. На основе этих мифов государство устранилось из сферы сохранения традиционных основ российской культуры. Десятилетиями под видом «деидеологизации» страны проводится ее активная *рекультуризация*.

Но активно начатая перестройка России натолкнулась на две серьезные проблемы. Первая проблема – это духовный кризис западного общества, порожденный результатами технократической цивилизации. Спустя столетия прогресса свободные граждане устали радоваться своей свободе и перестали жить верой в светлое

будущее. Вера в то, что капитализм и экономический прогресс делают людей счастливыми, пошатнулась уже в XIX в., что затем выразилось в волне депрессий, в культуре модернизма, импрессионизма и экзистенциализма, в философии К. Маркса, О. Шпенглера, Ж.П. Сартра. Экономическое благополучие дополнилось упадком объединяющих людей векторов устремленности. Стремление к личному самоутверждению в борьбе с конкурентами оказалось не слишком надежной основой мотивации жизни людей. Потеря стремления к личному самоутверждению привела к кризису мотивов и смыслов, к спаду энергии жизни, к наркомании, алкоголизму и гомосексуализму.

Теперь многие бывшие благополучные страны активно заселяются и покоряются более агрессивными и энергичными народами. В значительной мере миграционный кризис XXI в. обострился традиционным сомнением европейцев, привыкших видеть себя носителями высокой культуры и образцом духовного развития, а представителей африканских и азиатских стран недоразвитыми людьми, якобы готовыми всему учиться у европейцев, включаться в их культуру, воспринимая их образ жизни и мировоззрение. При этом вопрос о том, как видят самих европейцев представители других народов, остается вне сферы понимания идеологов мультикультурализма. Стремление российской элиты включить Россию в сообщество «развитых» стран выглядит на фоне упадка привлекательности западного пути развития не слишком убедительным для основной массы народа.

Вторая проблема, стоящая на пути реформирования России по образцу западных стран, это отсутствие у большей части населения мотивов борьбы с окружающими ради самоутверждения через личное обогащение. Отсутствие у россиян опыта тысячелетних взаимных войн и борьбы за захват территорий является психологической причиной недостаточной личной ущемленности и слабо развитой внутренней агрессивности, необходимых для мотивации индивидуальной борьбы на рынке экономической конкуренции. Особенно неразвитость мотивации личной борьбы и стремления к победе проявляется у представителей коренных этносов России, сохранивших традиции общинной жизни, т. е. представителей народа, до 1861 г. относившегося не к воинскому сословию, а к закрепощенному слою населения⁷. Поэтому стремление перестроить Россию по образцу развитых западных стран приводит не только к финансовому, но и к культурному расслоению общества, воспринимается значительной частью населения как завоевание страны чуждыми силами.

Проблема недостаточной сформированности у жителей России мотивов индивидуального предпринимательства особенно актуальна на фоне обостряющегося в мире социо-биосферного кризиса, связанного с дефицитом природных ресурсов, необходимых для дальнейшего развития мировой экономики и технического прогресса, охватывающего все новые страны. Вековая сохранность природных ресурсов и открытость экономики делают Россию территорией, особенно привлекательной для ее покорения экономически и политически развитыми социальными системами. Сегодня жесткость сурового климата, защищавшая Россию от тысячелетних средиземноморских войн, не является препятствием для финансово-экономического освоения ее территорий. Проблемы возникают лишь в связи с наличием в России многомиллионного местного населения, привыкшего жить своими традиционными мотивами и отношениями. Оставаясь за рамками финансово-экономической борьбы за завоевание территорий и ресурсов, коренное население России отвечает на новые условия жизни либо уходом в алкоголизм и социальную апатию, либо скрытым наращиванием агрессивности.

В отличие от уже погашенных в их родовой энергии народов западной Европы, этнические группы России сохраняют и мотивы национального протivостояния. В этом заключается и особая сложность России, и ее особая роль в современном мире. Россия столетиями сдерживала сепаратную энергию этносов, обеспечивая их мирное взаимодействие. Должна ли Россия повторить опыт народов Европы, пролегающий через столетия религиозных и национальных войн, пройти болезненный процесс формирования индивидуальной агрессивности и предприимчивости, что необходимо для успеха частного предпринимательства в условиях современной финансово-экономической борьбы? Или наше государство найдет возможности предотвратить нарастание межэтнических и религиозных конфликтов путем функционального включения в социальную деятельность групп населения, не принимающих мотивы, необходимые для активного включения в экономику частной собственности? Формирование в России взаимодействия всех групп общества и государства – это необходимый процесс, поскольку государство способно обеспечить условия целостности многоэтнического общества, разнообразного по векторам жизни народов. Операции по демократизации России всегда приводили к ослаблению консолидирующей роли государства и провоцировали криминальные и национальные войны. Так было и при кризисе монархии Романовых, и при кризисе советского государства.

В России уделяется нужное внимание совершенствованию армии, ее вооружению и боевой подготовке. На фоне обострения мировой обстановки это чрезвычайно важно. Вместе с тем, совершенствование военной техники и обеспечение армии самыми современными средствами не дает уверенного ответа на вопрос о том, против кого будут направлены эти средства завтра? Это вопрос не риторический. Дж. Дудаев, А. Масхадов, а также многие генералы и офицеры в Украине получали свои воинские звания и подготовку в армии СССР. В Украине используют боевые средства и знания, приобретенные когда-то в единой стране. Останутся ли союзниками России страны, участвующие сегодня в совместных учениях? Можно мощно укреплять армию техническими средствами, а в это время формируются внутренние конфликты, связанные с противостоянием мотивов, движущих людьми. Логика мышления и традиционные ценности россиян с большим трудом переподчиняются ценностям и идеалам групп, ассимилирующих Россию. Достаточно ли наше общество уделяет внимания разработке не только военных программ, но и психологических технологий формирования мотивов, направляющих активность людей, включая формирование векторов агрессии и симпатии? Какие профессиональные группы России отвечают за нарастание или преодоление националистических и фашистских тенденций в Украине и в самой России, за наращивание или преодоление исламского экстремизма в странах СНГ? Мы давно не живем в мире, где эти процессы развивались стихийно. Или миссия управления сознанием народов окончательно передоверена западным технологам?

Что заявляет Россия в ответ на стремление Украины в семью западных стран? Идею, что мы и сами туда стремимся, и что, в общем, это хорошо. В таком случае, Россия с некоторым отставанием пристраивается к плывущему на запад каравану вслед за Латвией, Грузией, Молдавией и Украиной. России нужно следовать за плывущими впереди кораблями, не опаздывать с перестройкой своей политики и догонять лидирующие страны, осваивая опыт их ассимиляции в семью «передовых стран», добываясь признания себя тоже страной, достойной принятия в международный элитарный круг. Но что положено быку – не положено Юпитеру. Россия ответственна за десятки своих народов, далеких по образу жизни и сознания от культивируемых западных образцов.

Опыт взаимодействия и сосуществования в общей стране народов, исповедующих разные религии, имеющих разные традиции и разную психологию, сегодня приобретает особую ценность для человечества. Европа переживает кризис демократических

мифов, крах мультикультурализма, обострение национальных конфликтов. Ожидание легкой ассимиляции в европейскую среду представителей народов, живущих своими традициями, имеющими разную психологию, оборачивается ростом национализма в самих европейских странах. Попытки соединить в единой общности людей разной культуры привели к выбору между двумя ложными путями – котел ассимиляции или война культур.

Фактически Россия давно решает проблему, определяющую особую роль нашей страны в мировом сообществе. Не демократизация отсталых стран и техническая революция являются главными проблемами современного мира. Главной проблемой человечества является жесткое противостояние стран и народов, имеющих разный уровень социального развития, разные традиции жизни и формы мировоззрения. Сложные проблемы взаимодействия народов, исповедующих разные религии, стремящихся к разным идеалам и выполняющим разные функции в мировом сообществе, угрожают миру новыми войнами и уничтожением людей. Сложившаяся в мире ситуация требует от России принять на себя роль лидера в разрешении глобальных проблем противостояния народов, имеющих разные формы социального и психологического развития. У России есть опыт мирной интеграции народов и возможности распространения этого опыта на весь мир. Принятие Россией функции лидера духовной интеграции народов позволяет не только усилить роль страны в мировом сообществе, но и дать перспективы развития ее собственным народам.

Примечания

---

¹«Само собой разумеется, – писал А.Н. Леонтьев, – что субъект как индивид рождается наделенным потребностями» // Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл. Академия, 2004. С. 145.

²См.: Шабельников В.К. Психика как функциональная система. Алма-Ата, 1986. С. 190–231; *Он же*. Роль самоорганизации биосферы в возникновении и развитии жизни // Современные проблемы изучения и сохранения биосферы. Т. 1. СПб., 1992. С. 111–121.

³См.: Шабельников В.К. Психологические следствия полиэтнического и моноэтнического развития. Европа и Азия // Национальное и интернациональное в воспитании. Алматы, 1994. С. 55–66; *Он же*. Государство как выражение единства общества // Триалог: «Государство – капитал – добровольческий сектор. Социальное партнерство ради устойчивого развития». Алматы, 1996. С. 167–174; *Он же*. Демократизация

Востока: психологические проблемы // Развитие личности. № 1. М., 1997. С. 84–100; *Он же*. Развитие личности в разных системах социальной детерминации // Психология в вузе. 2010. № 5. С. 106–127; *Он же*. Геобиосферная детерминация социальных процессов и конфликтов. Россия как субъект // Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2004, 2015. С. 511–575; *Шабельников В.К.* Смысловая организация деятельности как основа целостности государств // Сборник материалов Первого Евразийского конгресса политологов. Алматы, 2011. С. 172–177 и др.

⁴«Всякая высшая психическая функция, – писал Л.С. Выготский, – необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной» // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 3. С. 144; «Но сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, – писал А.Н. Леонтьев, – оно производится» // Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. С. 77.

⁵Четыре типа субъектности в истории психологии // Шабельников В.К. История психологии. М., 2011, 2015. С. 347–394.

⁶*Лоренц К.* Агрессия. М., 1994.

⁷1861 год – это год отмены в России крепостного права. К этому времени Европа уже вступила в эпоху кризиса капитализма, а К. Маркс выпустил «Манифест коммунистической партии» (1848 г.) и работал над своим «Капиталом».

О.Б. Януш (*г. Казань*)

*кандидат политических наук,
доцент кафедры социологии, политологии
и права Казанского государственного
энергетического университета
yanush_ob@yahoo.com*

Официальный статус языков меньшинств: опыт финно-угорских регионов России

Понятие меньшинства скорее социально конструируемое, так как приписывание любой данной группе статуса «меньшинства» – это политический процесс. Язык – одна из черт, в соответствии с которой человек может быть в «большинстве» или в «меньшинстве» [13, р. 19].

В информационно-политическом пространстве России наиболее часто упоминаемыми являются словосочетания «государственный язык» (50 593 раз) и «официальный язык» (17 973 раз). Причем в региональной прессе эти термины употребляются заметно чаще, чем в центральной: 14 946 и 5250 раз. Менее популярными являются словосочетания «миноритарные языки» – всего 174 упоминания, «титulyные языки» – 386, «языки национальных меньшинств» – 2697 (табл. 1).

Как отмечает В. Малахов, «похоже, что термин “меньшинство” отторгается российским дискурсом из-за его имплицитной иерархичности» [7, с. 53]. В российском контексте вопрос о меньшинствах – это вопрос об их статусе, он подразумевает указание на подчиненное положение тех, кто к нему отнесен, по отношению к тем, кто отнесен к большинству; категория «меньшинство» предполагает отношение неравенства [там же, с. 53–54].

Практически все республики объявили своим государственным языком русский язык и наряду с ним язык (или языки) своей титульной нации, что нашло отражение в республиканских законах о языках, а также в большинстве случаев и в конституциях; в ряде же случаев только в конституциях (табл. 2).

Таблица 1

Языки в информационно-политическом пространстве России (1990–2017 гг.)*

Словосочетание	Общее количество упоминаний						Всего
	Федеральная пресса	Региональная пресса	Федеральные интернет-издания	Региональные интернет-издания	Федеральное ТВ и радио		
Миноритарные языки	19	42	66	46	1	174	
Региональные языки	620	545	2366	1062	106	4699	
Государственный язык	5802	14 946	16 730	12 540	575	50 593	
Языки народов России	402	1088	857	1140	40	3527	
Титульные языки	79	92	145	70	-	386	
Официальный язык	2440	5250	6741	3329	213	17 973	
Языки национальных меньшинств	354	261	1457	569	56	2697	

* Таблица составлена на основе данных информационной системы группы компаний «Интегрум».
Дата запроса: 25 августа 2017 г.

Таблица 2

Юридический статус
финно-угорских языков России**

№ п/п	Название языка	Юридический статус языка
1	Вепсский	Юридического статуса не имеет. Является языком национального меньшинства – вепсов в Республике Карелия. Является языком коренного малочисленного народа Севера. Включен в Красную книгу языков народов России
2	Водский	Язык коренного малочисленного народа РФ
3	Ижорский	Язык коренного малочисленного народа РФ
4	Карельский	Статус языка не определен. Закон о языках в Республике Карелия не принят
5	Коми-зырянский	Коми язык является государственным языком Республики Коми: Закон о государственных языках Республики Коми (ст. 1, 1992 г.); Конституция Республики Коми (ст. 67, 1994 г.)
6	Коми-пермяцкий	До 1 декабря 2005 г. являлся титульным языком Коми-Пермяцкого АО. С 1 декабря 2005 г. Коми-Пермяцкий АО и Пермская обл. объединились и образовали Пермский край. Коми-Пермяцкий округ утратил статус автономного, а коми-пермяцкий язык, согласно Уставу Пермского края от 2007 г., может использоваться на территории округа в официальных сферах
7	Мансийский	Язык коренного малочисленного народа Российской Федерации – манси. На территориях преимущественного проживания манси законодательно обеспечивается право на использование их этнического языка в официальном делопроизводстве (закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского АО» от 04.12.2001 г. № 89-оз.)

Окончание табл. 2

№ п/п	Название языка	Юридический статус языка
8	Марийские языки: горномарийский	М.я. (горный, луговой) является государственным языком Республики Марий Эл: Конституция, ст. 15, 1995 г., Закон о языках РМЭ, ст. 1, 1995 г.
9	Марийские языки: луговомарийский	
10	Мордовские языки: мокша	Мордовский язык (мокшанский, эрзянский) является государственным языком Республики Мордовия (Конституция РМ, ст. 13, 1995 г.; Закон о государственных языках в РМ, ст. 3, 1998 г.).
11	Мордовские языки: эрзя	
12	Ненецкий лесной	Язык коренных малочисленных народов Севера
13	Ненецкий тундровый	Язык коренных малочисленных народов Севера
14	Нганасанский	Официальной поддержки язык не имеет Язык коренных малочисленных народов России
15	Саамский	Язык коренного малочисленного народа РФ
16	Селькупский	Язык коренного малочисленного народа РФ. В Ямало-Ненецком АО у селькупского языка официальный статус – язык коренного малочисленного народа ЯНАО
17	Удмуртский	Удмуртский язык является государственным языком Удмуртской Республики: Конституция УР, ст. 8, 1994 г., Закон о государственных языках в УР и иных языках народов Удмуртской Республики, ст. 1, 2001 г.
18	Хантыйский	Статус языка коренного малочисленного народа РФ. На территории ХМАО, ЯНАО, а также частично на территории Томской области имеет статус поощряемого языка
19	Энецкий	Статус языка коренного малочисленного народа Российской Федерации. Статуса официального языка не имеет

** Таблица составлена по материалам Энциклопедии «Язык и общество». М.: Азбуковник, 2016.

Из сказанного следует важный вывод: язык, который в масштабах всего российского государства является миноритарным, может стать языком большинства на региональном уровне и получать больше внимания и поддержки [12, р. 46]. В этом содержится важное символическое значение законов о языках – публичное признание угрожаемых (миноритарных) языков. В то же время интересен пример Карелии, где в марте 2004 г. местный парламент принял закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков» [1]. Главная новация заключается в том, что в законе отсутствуют такие формулировки, как «государственный язык», «официальный язык», но есть политически более нейтральная и целесообразная, юридически корректная и правомерная – «региональные языки». Обращение к «региону» подчеркивает географическую ассоциацию, снимая напряжение с культурной, возможно, более эссенциалистской чертой [13, р. 20].

Хотя официальный язык может служить инструментом государственной языковой политики, заставляющей меньшинства отказаться от своих языков, она может также поощрять меньшинства сохранять их. Последний сценарий вероятен, когда языкам меньшинств предоставляется официальный или соофициальный статус в автономии / провинции / другой территориальной единице или в стране в целом наряду с языком большинства, как это было сделано, в частности, в России.

Нет международных стандартов или научного консенсуса относительно того, что официальный статус языка должен означать. Краткий Оксфордский справочник на английском языке определил официальный язык довольно широко как язык, которому предоставляется особый правовой статус в определенном государстве или иной территории [19, р. 16]. Сила этого определения заключается в том, что оно является всеобъемлющим и может также применяться к языкам меньшинств. Его проблема заключается в том, что оно не раскрывает, что же конкретно делает статус официального языка особенным. В принципе, любое соответствующее политическое или юридическое решение делает язык официальным. Неопределенность этого определения ограничивает его функциональность.

Несколько лучше определения – это те, которые обеспечивают более описательные основания. Согласно недавнему изданию Оксфордского справочника, официальный язык – это язык, используемый для официальных целей, особенно в качестве средства национального правления [19, р. 17]. Определение, используемое в контексте ЮНЕСКО [9], еще более наглядно: официальный

язык страны – язык, используемый в процессе правления – законодательного, исполнительного и судебного. *Однако проблема с последними определениями заключается в том, что, как правило, язык меньшинства либо не используется в качестве рабочего языка или используется только символически* [16, р. 280].

Термины «официальный язык», «национальный язык» и «государственный язык» иногда используются синонимично, но по существу они являются различимыми. Эксперты ЮНЕСКО, с одной стороны, отмечают практическую роль «официального языка» в качестве рабочего языка публичных властей и институтов; а с другой – они определяют «национальный язык» как язык политической, социальной и культурной организации [9]. Следовательно, они подчеркивают основную функцию «национального языка» как символа единства и как инструмента интеграции в политической, социальной и культурной сферах, где интеграция означает, что меньшинства, сохраняющие свою культуру, приобретают культуру большинства.

В то же время, например, в постсоветских странах, и, в частности, в России, говорящие на недоминирующих языках обладают этнической и даже национальной идентичностями, подкрепленной существованием политических единиц и официальным статусом соответствующих языков. *По этой причине этнические активисты обычно отвергают применение термина «язык меньшинства» к своему языку, даже если это было правильно в **социолингвистических терминах**, и предпочитают термин «национальный язык», который традиционно использовался для этой цели в советском дискурсе.*

В зарубежной **социолингвистической** литературе описан ряд аналитических инструментов, с помощью которых можно оценить жизнеспособность или витальность языка. основополагающую роль в дискурсе о языковой угрожаемости сохраняет дифференцированная шкала межпоколенческого разрыва Фишмана [15, р. 104]. Она представляет собой концептуальную модель для оценки статуса языковой витальности. Шкала Фишмана фокусируется на *ключевой роли межпоколенческой трансмиссии в сохранении языка. Если дети не учат язык своих родителей, есть небольшая вероятность того, что в итоге они смогут передать язык своим детям.* GIDS принимает во внимание не только межпоколенческую трансмиссию как индивидуальное решение, принятое родителями, но также и то, что крайне важны социетальные и институциональные альтернативы в воздействии на решения родителей, касающиеся языкового поведения в отношении своих детей. Эти социетальные факторы создают социальное пространство, в котором использу-

ются языки. GIDS представляет средство оценки того, где язык находится на шкале разрушения от полного использования многими пользователями до неиспользования никем из пользователей. Таблица 1 представляет краткое содержание GIDS таким образом, что придает новую форму определению уровней более ясно в терминах сфер и выпуклых моделей использования языка.

Таблица 3

Краткое изложение шкалы Фишмана

Уровень	Описание
1	Язык используется в образовании, работе, СМИ, управлении на общенациональном уровне
2	Язык используется местными и региональными СМИ и для правительственных услуг
3	Язык используется для местной и региональной работы как инсайдерами, так и аутсайдерами
4	Грамотность в языке передается через образование
5	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме во всем обществе
6	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык
7	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы использовать его для общения со старшими, но не передает своим детям
8	Единственные оставшиеся носители языка – члены старшего поколения

С точки зрения оценки статуса и витальности языков GIDS фокусируется на уровне разрушения больше, чем на уровне сохранения. Аналитики могут читать ее сверху вниз, начиная с уровня самого незначительного разрушения на шкале (уровень 1), читая вниз, пока не дойдут до уровня разрушения, который характеризует ситуацию, изучаемую аналитиками. В целом, тенденция такова, что траектория миноритарных языковых сообществ спускается по шкале, а описания каждой стадии находятся в рамках утраты использований (функций, сфер) и пользователей. Фишман указывает, что большинство миноритарных сообществ находятся на уровне 6, и так как фокус ревитализации и усилий по сохранению

в том, чтобы укрепить статус языка, можно сделать вывод, что существует пять уровней выше, которые следует проработать, чтобы достичь самого безопасного статуса на уровне один [15, р. 106]. Фишман четко определил *передачу языка из поколения в поколение как единственный самый важный фактор смены языка*. Это означает, что локус усилий по возрождению языка должен быть среди индивидов и в рамках домашнего домена и местного сообщества. Это очевидным образом относится к уровню 6 и ниже. Тем не менее, выше уровня 6 мы видим все более важную роль институтов вне дома, так как трансмиссия и использование расширяются. В то время как уровни 7 и ниже ясно имеют дело с межпоколенческим нарушением, уровни 5 и выше более правильно сосредоточены на институциональном развитии в качестве драйверов для обеспечения более широкой трансмиссии.

Альтернативная рамка для оценки статуса и витальности языков в опасности была предложена группой экспертов ЮНЕСКО в 2003 г. Рамка ЮНЕСКО устанавливает шесть категорий в масштабе языковой витальности. Для оценки статуса языка рамка обеспечивает набор из девяти параметров, которые могут быть проанализированы для определения категории [14, р. 77]. Параметры, входящие в данный набор, ранжированы по убыванию значимости: это означает, что самый заметный из них – *межпоколенческая трансмиссия* – намного более важная характеристика, чем, например, тип и качество документации [8, с. 114–115]. Список категорий и их соответствующий статус межпоколенческой трансмиссии представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Рамка языковой уязвимости
ЮНЕСКО [18]

Степень уязвимости	Межпоколенческая языковая трансмиссия
Безопасный (Safe)	На языке говорят все поколения; межпоколенческая трансмиссия не прервана
Уязвимый (Vulnerable)	Большинство детей говорят на языке, но его использование может быть ограничено определенными сферами (например, дом)
Определенно находящийся под угрозой исчезновения (Definitely endangered)	Дети больше не изучают язык как материнский язык дома

Окончание табл. 4

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия
Серьезно находящийся под угрозой исчезновения (Severely endangered)	На языке говорят бабушки и дедушки и старшее поколение; поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нем с детьми или между собой
Критически подвергающийся опасности (Critically endangered)	Самыми молодыми носителями языка являются бабушки и дедушки и старше, они говорят на языке частично и нечасто
Вымерший (Extinct)	Носителей языка не осталось

Таблица 5

Рамка языковой угрожаемости ЮНЕСКО
(уральские языки) [18]

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия	Уральские языки
Безопасный (Safe)	На языке говорят все поколения, межпоколенческая трансмиссия не прервана	
Уязвимый (Vulnerable)	Большинство детей говорят на языке, но его использование может быть ограничено определенными сферами (например, дом)	
Определенно находящийся под угрозой исчезновения (Definitely endangered)	Дети больше не изучают язык как материнский язык дома	Восточно-хантыйский, лугомарийский, эрзянский, карельский, карельский (тверской), коми-зырянский, мокшанский, северо-саамский, северно-хантыйский, коми-пермяцкий, удмуртский

Окончание табл. 5

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия	Уральские языки
Серьезно находящийся под угрозой исчезновения (<i>Severely endangered</i>)	На языке говорят бабушки и дедушки и старшее поколение; поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нем с детьми или между собой	Ижорский, ненецкий лесной, карельский (тихвинский), саамский (кильдинский), людиковский, нганасанский, северно-мансийский, северно-селькупский, вепсский, горно-марийский
Критически подвергающийся опасности (<i>Critically endangered</i>)	Самыми молодыми носителями языка являются бабушки и дедушки и старше, они говорят на языке частично и нечасто	Восточно-мансийский, центрально-селькупский, энецкий лесной, водский
Вымерший (<i>Extinct</i>)	Носителей языка не осталось	Карельский (валдайский), западно-мансийский

Ослабление позиций карельского языка. В октябре 2017 г. ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» – три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский языки были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН [10, 11].

В сфере административной деятельности карельский язык не используется. В таких сферах как судопроизводство, промышленное производство, сельскохозяйственное производство, сфера торговли и обслуживания карельский язык в основном не функционирует. В указанных сферах карельский язык может использоваться ограниченно на индивидуальном уровне в разговорной практике. Доминантными сферами для карельского языка можно считать сферы образования, СМИ и художественной литературы, хотя во всех этих сферах карельский язык софункционирует с русским языком. При этом русский язык обладает большей коммуникативной мощностью [2, с. 270–271].

В отличие от шкалы Фишмана рамка ЮНЕСКО обеспечивает более богатый набор категорий на более слабых уровнях шкалы. Заметим, однако, что она не дифференцирует статус языков, которые находятся выше уровня 6 на шкале GIDS и собирает их всех вместе под единственным названием «в безопасности».

В последних изданиях Ethnologue представлена попытка гармонизировать описанные выше модели, что нашло отражение в расширенной Шкале Фишмана (EGIDS) (табл. 6).

Таблица 6

Расширенная GIDS – расширенная шкала,
устанавливающая межпоколенческий разрыв
(адаптирована на основе Шкалы Фишмана) [17]

Уровень	Лейбл	Описание	Уральские языки
0	International Международный	Язык используется на международном уровне для широкого ряда функций	
1	National Государственный	Язык используется в образовании, работе, СМИ и управлении на общегосударственном уровне	
2	Regional Региональный	Язык используется местными и региональными СМИ, для управленческих услуг	
3	Trade Торговый	Язык используется в работе на местном и региональном уровнях как инсай-дерами, так и аутсайдерами	
4	Educational Образовательный	Грамотность в языке передается через систему публичного образования	Карельский, марийский луговой

Продолжение табл. 6

Уровень	Лейбл	Описание	Уральские языки
5	Written Письменный	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме частями сообщества	Эрзя, коми-пермяцкий, коми-зырянский, марийский горный, мокшанский, селькупский, удмуртский
6a	Vigorous Энергичный	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык	
6b	Threatened Под угрозой	Язык используется устно всеми поколениями, но только некоторые из детородного поколения передают его своим детям	Хантыйский, ненецкий, мансийский, ливвиковский (карельский), вепсский
7	Shifting Меняющийся	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы общаться между собой, но никто не передает его своим детям	
8a	Moribund Умирающий	Единственные оставшиеся активные носители языка – члены поколения бабушек и дедушек	Людиковский
8b	Nearly Extinct На грани исчезновения	Единственные оставшиеся носители языка – члены поколения бабушек или старше, у которых небольшие возможности использовать язык	Энецкий лесной, энецкий тундра, ингерманландский, нганасанский, водский

Окончание табл. 6

Уровень	Лейбл	Описание	Уральские языки
9	Dormant Дремлющий	Язык служит напоминанием об идентичности для этнического сообщества. Язык выполняет символические функции	
10	Extinct Вымерший	Никто не сохранил чувство этнической идентичности, связанное с языком, даже в символических целях	

Для Республики Коми доминирующими языками являются русский и коми. Функциональная и демографическая мощь языков неодинакова: коми язык ограничен этническими рамками. Вместе они обслуживают все сферы общения в зырянском обществе, софункционируя как в регламентируемых / регулируемых, так и в нерегламентируемых / нерегулируемых. Все законы Республики Коми публикуются на коми и русском языках. Коми язык используется ограниченно в свидетельских показаниях, в остальных судебных процедурах – русский язык. При необходимости могут привлекаться переводчики. В сфере административной деятельности коми язык ограниченно используется в сельской местности с преобладанием коми населения. В городах и поселках городского типа административная деятельность осуществляется на русском языке [3, с. 278–279].

Республика Марий Эл. С момента принятия закона о языках прошло более двадцати лет. За это время количество марийцев, владеющих своим родным языком, продолжало снижаться (1989 г. – марийским владело 92% марийцев республики, в 2002 г. – 84,2%, в 2010 г. – 68,1%. Но даже те марийцы, которые пользуются марийским языком, часто «смешивают» его с русским. Уменьшается численность марийцев, считающих свой язык родным: 1989 г. – 88,4%, в 2002 г. – 84,2%, в 2010 г. – 72%. Одновременно растет число марийцев, считающих родным языком русский, т. е. активно идет процесс языкового сдвига [4, с. 268–272].

Республика Удмуртия. В сфере административной деятельности удмуртский язык практически не используется. Законом

и Конституцией допускается его использование в местных органах власти. Удмуртия не используется в сфере судопроизводства. Ни в Конституции УР, ни в законе о языках нет статьи об использовании удмуртского языка в судопроизводстве [6, с. 502–506].

Республика Мордовия. Демографическая мощность мордовских языков составляет в РФ 392 941 чел., т. е. 52,8%. Доминантными сферами общения для мордовских языков можно считать сферу образования, СМИ, сферу художественной литературы и народного национального творчества, но ни одну из этих сфер мордовские языки не обслуживают полностью, везде софункционируя с русским, использование которого преобладает. Витальность мордовских языков вызывает опасения из-за узости их функционирования [5, с. 289–293].

Состояние миноритарных языков, получивших статус государственных, в настоящее время не позволяет им полноценно выполнять функции государственных языков. Такой высокий юридический статус уязвимых языков призван скорее повысить их социальную роль, закрепить или создать условия для их всестороннего развития и совершенствования. На современном этапе язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом выживании людей. В российских условиях назрела необходимость в смене концептуальных подходов, в переориентации федеральных и региональных властей – т. е. в решении проблем языков как таковых, а не в поддержке этнических общин.

Литература

1. Закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия».
2. *Кондрашкина Е.А.* Языковая ситуация в Республике Карелия // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. М.: Азбуковник, 2017. С. 263–271.
3. *Кондрашкина Е.А.* Языковая ситуация в Республике Коми // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. М.: Азбуковник, 2017. С. 272–279.
4. *Кондрашкина Е.А.* Марийский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 268–272.

5. *Кондрашкина Е.А.* Мордовский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 289–293.
6. *Кондрашкина Е.А.* Удмуртский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 502–506.
7. *Малахов В.* «Национальная политика» как феномен политической речи // Понаехали тут.: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 47–65.
8. *Марусенко М.А.* Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: ВКН, 2015.
9. *Нерозник В.П., Орешкина М.В., Сабатков П.Б.* Русский язык в российском законодательстве. [Электронный ресурс] // Грамота.Ру [справочно-информационный портал]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_73
10. *Нечаева А.* Поможет ли карельский язык остановить финскую экспансию? URL: <https://regnum.ru/news/society/2132060.html> (дата обращения 10 мая 2018).
11. *Новиков В.* Финская языковая экспансия в Карелии: подзавесой «угрозы русификации» URL: <https://regnum.ru/news/society/2009230.html> (дата обращения 11 мая 2018).
12. From Theory to Practice – The European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2001.
13. *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
14. Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. UNESCO World Report. Luxembourg, 2009. P. 77 // www.unesco.org/en/world-reports/cultural-diversity (дата обращения 20 авг. 2018).
15. *Lewis P., Simons G.* Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. 2010. 2. P. 103–120.
16. Sallabank, Julia 2011: Language Policy for Endangered Languages. Cambridge Handbook of Endangered Languages / P.K. Austin & J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 277–290.
17. Simons, Gary F. and Charles D. Fennig (eds.). 2017. *Ethnologue: Languages of the World*, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения 30 сент. 2017).
18. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // www.unesco.org/culture/language-atlas (дата обращения 20 авг. 2018).
19. *Zamyatin K.* An Official Status for Minority Languages? // *Uralica Hel-singensia*. 6. Helsinki, 2014.

НЗ5

Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 ноября 2018 г. / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. 300 с.

ISBN 978-5-7281-2285-2

В сборник вошли статьи, написанные по материалам конференции «Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы», состоявшейся в РГГУ 30 ноября 2018 г. Программа конференции была посвящена актуальным вопросам реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которые обсуждались в рамках двух секционных заседаний: «Гражданская нация: проблемы формирования российской идентичности» и «Этнонациональная политика Российской Федерации: состояние, проблемы, ход реализации». Сборник может быть полезен для руководителей и сотрудников федеральных, региональных и муниципальных профильных комитетов и комиссий, научных сотрудников, преподавателей высших учебных заведений, всех интересующихся ходом и проблемами реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

УДК 323.1(08)
ББК66.5(2Рос)я43

Научное издание

Нациестроительство:
состояние, проблемы, перспективы

Материалы
Всероссийской научной конференции

Москва, 30 ноября 2018 г.

Подписано в печать
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 351

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru